

ПУШКИНСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

Г.И. Чулков
ЖИЗНЬ
ПУШКИНА

Пушкинская библиотека

Георгий Чулков
Жизнь Пушкина

«ВЕЧЕ»

1938

Чулков Г. И.

Жизнь Пушкина / Г. И. Чулков — «ВЕЧЕ»,
1938 — (Пушкинская библиотека)

ISBN 978-5-4444-9087-7

Георгий Чулков (1870–1939) – известный поэт и прозаик, литературный и театральный критик, издатель русского классического наследия. Его книга «Жизнь Пушкина» – одно из лучших жизнеописаний русского гения. Приуроченная к столетию гибели поэта, она прочно заняла свое достойное место в современной пушкинистике. Главная идея биографа – неизменно расширяющееся, углубляющееся и совершенствующееся дарование поэта. Чулков точно, с запоминающимися деталями воссоздает атмосферу, сопутствовавшую духовному становлению Пушкина. Каждый этап он рисует как драматическую сцену. Необычайно ярко Чулков описывает жизнь, окружавшую поэта, и особенно портреты друзей – Кюхельбекера, Дельвига, Пущина, Нащокина. Для каждого из них у автора находятся слова, точно выражающие их душевную сущность. Чулков внимательнейшим образом прослеживает жизнь поэта, не оставляя без упоминания даже мельчайшие подробности, особенно те, которые могли вызвать творческий импульс, стать источником вдохновения. Вступительная статья и комментарии доктора филологических наук М. В. Михайловой.

ISBN 978-5-4444-9087-7

© Чулков Г. И., 1938

© ВЕЧЕ, 1938

Содержание

Душа поэта	7
Предисловие автора	18
Глава первая. Детство	19
Глава вторая. Лицей	34
Глава третья. Юность	51
Глава четвертая. В Петербурге 1817–1820 годов	68
Глава пятая. Южный берег	88
Глава шестая. Кишинев	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Георгий Чулков

Жизнь Пушкина

Знак информационной продукции 12+

© Михайлова М. В., вступительная статья, комментарии, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Душа поэта

«Биографы интересуют не литературные реминисценции и влияния, а сама жизнь... душа автора», – писал создатель книги «Жизнь Пушкина», известный символист Г. И. Чулков. Интересом к душе художника приковывает она внимание читателя. Наверное, поэтому даже в юбилейный, 1937 год, обогативший пушкиниану яркими исследованиями, эта работа выделялась своей оригинальностью. Следует помнить и то, что к этому произведению автор шел долго, почти всю жизнь. Книга была буквально выстрадана им.

«Ничего, кроме Пушкина, в ум нейдет»¹, – признавался Чулков незадолго до смерти. Даже своей заветной тетради он предпослал любимое пушкинское изречение «*Habent sua fata libelli*», то есть «Книги имеют свою судьбу». Слова эти оказались пророческими, что и подтвердила судьба написанной им уникальной для своего времени, но не потерявшей своего значения, а, может быть, даже заигравшей сегодня новыми красками биографии Пушкина.

В течение полутора десятилетий творил Чулков свою литературоведческую пушкиниану. В ней значительное место занимают произведения биографического характера, посвященные личности, творчеству и обстоятельствам жизни величайшего русского поэта (то, что впоследствии окрестили «занимательным литературоведением»), десятки статей, в которых содержится анализ отдельных проблем и аспектов пушкинских произведений, доклады в Государственной академии художественных наук, выступления, заметки, записи в дневниках, фиксирующие различные моменты работы над той или иной темой. В разное время Чулковым были написаны или прочитаны в виде докладов и лекций работы «Пушкин и Россия», «Пушкин и театр», «Пушкин и Польша», «Славяне и Пушкин», «Таинственный певец». Большое впечатление на присутствующих произвело его выступление в 1921 году на объединенном торжественном заседании Института итальянской культуры, Всероссийского союза писателей, Общества любителей российской словесности и Академии духовной культуры «Данте и Пушкин».

Итогом многолетних исследований стала научная биография поэта «Жизнь Пушкина», сначала опубликованная в «Новом мире» (1936), а затем вышедшая отдельным изданием (1938). По всей вероятности, над ней Чулков начал работать сразу после 1917 года. Он назвал свою рукопись «Поэт. Душа творчества», но издать ее не удалось. В 1921 году Чулков констатировал в письме, что после долгих мытарств и прохождений по разным инстанциям книга «окончательно запрещена цензурой»². Это стало тяжелейшим ударом для писателя, но не подтолкнуло к решению об эмиграции (хотя на руках уже была германская виза). «Буду ждать своей участи здесь», сокрушенно подводил он итог своим терзаниям.

Оставшиеся от книги заметки говорят о том, что основой замысла были взаимоотношения поэта и общества (Чулков намеревался написать даже отдельную работу «Пушкин и государственность»), а опорными моментами стали заветы Пушкина: «Ты царь, живи один» и «Глаголом жги сердца людей». Эти мысли – сокровенность творчества и открытость поэта миру, приятие его в себя – определили и «внутренний сюжет» биографии, выразившийся в таких словах Чулкова: «...оптимизм Пушкина (...) надо искать (...) в целостном мирозерцании поэта, которое позволило ему, сознавая трагические противоречия жизни, язвы исто-

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 371. Д. 8. Ед. хр. 16. Письмо от 2 июня 1936 года.

² ОР РГБ. Ф. 371. Д. 2. Ед. хр. 27.

рии, социальное зло, ущерб и муки человеческой природы, – неизменно верить в объективную реальность бытия и в конечное торжество человека»³.

Откровенно о типе пушкинского оптимизма Чулков выразился в своих записках: «Пушкин преодолел религиозным (сознанием) опытом, трагическим в своей основе, свой психологический пессимизм. «Психологического оптимизма» в нем не было, и таковым поэтому он не мог преодолеть «метафизического пессимизма». Пушкин, слава Богу, не Михайловский и не Иванов-Разумник, так сказать»⁴...

Так ведущей мелодией книги стала «пламенная любовь» Пушкина «к земле, которая никогда не была для него отвлеченным началом, а оставалась живым и глубоким опытом бытия»⁵. Конечно, прозрачнее о природе христианского мировоззрения поэта в те годы сказать было невозможно.

Повествование Чулкова о жизни Пушкина печатается одновременно с вересаевским «Пушкиным в жизни», жанр которого определен его автором как «монтаж документов». У Вересаева мы слышим голоса эпохи. И Чулков пользуется теми же самыми исходными данными дневниками, письмами, обращается к тем же самым фактам. Но своеобразие его пушкинианы заключается в том, что помимо этих голосов мы слышим выразительный голос самого автора: он часто перебивает свидетельства современников и потомков собственными умозаключениями, делает определенные выводы, предлагает гипотезы.

Написанная Чулковым биография предельно концептуальна. Читатель волен принять или не принять эту концепцию, но он не может не признать, что религиозная идея стала звеном, объединившим все части повествования, выстроившим судьбу поэта в линию смены духовных ориентиров, высшей точкой которых стало убеждение, «что исторической необходимости соответствует какой-то космический закон, что в основе бытия заложена живая реальность».

Разрешение Главлита на публикацию текста, насыщенного такими идеями, в «Новом мире» действительно должно было показаться невероятным. «Весь этот год (1936-й. – М. М.) прошел для меня под знаком Пушкина, – записал Чулков в дневнике. – Каким-то чудом с мая месяца по декабрь публикуется моя работа. Но появится ли отдельной книгой – большой вопрос... Чем кончится эта моя борьба за Пушкина – не знаю». Но книга – вопреки мрачным прогнозам – все же вышла в 1938 году. Однако цензура буквально искромсала авторский текст, допустив к публикации лишь угодные ей «выбранные места». Так на свет появилось «искореженное и сокращенное непристойно»⁶, по выражению автора, произведение.

Работал Чулков над этой книгой исключительно добросовестно. «...воюю с Пушкиным, как китаец со своим полем – прилежно и благочестиво»⁷, – иронизировал он над собственным усердием. Но зато был предельно серьезен, когда определял значение Пушкина для русской культуры и национального духа. «Почему Пушкин нам так дорог? Почему так высоко его ценим? – задавался он вопросом в своем дневнике. – Неужели потому, что в нем отразился «процесс движения русской жизни от «средневековья» к новому буржуазному обществу»?⁸ Пусть так – но ведь отразился с «дворянской» точки зрения, по мнению этих истолкователей. Какой же нам толк от этого отражения? Значит, как ни уклоняйся от прямого ответа, а приходится признать, что в Пушкине было нечто, независимое от его дворянства, от его класса, даже от его эпохи. Вот как раз это нечто и есть высокое в его поэзии, то, что

³ Чулков Г. Ревнители пушкинской славы // Красная новь. 1935. № 8. С. 216.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 548. Оп. I. Ед. хр. 107.

⁵ Чулков Г. Ревнители пушкинской славы // Красная новь. 1935. № 8. С. 216.

⁶ ОР РГБ. Ф. 371. Д. 2. Ед. хр. I.

⁷ ОР РГБ. Ф. 371. Д. 8. Ед. хр. 16. Письмо от 5 июля 1936 года.

⁸ Так Чулков удачно спародировал или попросту передразнил умозаключения некоторых пушкинистов советской эпохи.

будет нужно и дорого «бесклассовому обществу». Какова же сущность его поэзии? Пушкин потому дорог нам, что он почувствовал мир как живое, цельное и положительное начало. Он за множественностью ущербного мира угадал его первооснову как плерому⁹, как полноту наполняющего, все «во всем». Ни один русский поэт не дал такого утверждения бытия, как Пушкин. И это утверждение тем драгоценнее, что оно явилось у поэта не как наивное идиллическое приятие данности, а прошло через «горнило сомнений». Смысл *духовной биографии* (выделено мною. – М. М.) Пушкина заключается в том, что к середине 20-х годов примерно Пушкин решительно преодолел навязанную ему «проклятым», по его словам, воспитанием французскую цивилизацию и стал ревнителем органической культуры»¹⁰.

Эту мысль Чулков еще более акцентировал в статье «Убийцы Пушкина», где поэт уже выступал как фигура, самым «фактом своего бытия доказывающая, что русская культура, независимая от прусского и австрийского руководства»¹¹, существует. Это было выношенное убеждение Чулкова, которое он начал пропагандировать еще в 1910-е годы, когда заявил: «Есть культура живая, и есть культура мертвая. Мы не забудем, какие сокровища подарила миру западноевропейская культура, но мы не станем мертвое называть живым. (...) Уже ищут иные художники монументального искусства и прилежно и пристально вглядываются в образцы византийской культуры и древневосточных культур. (...) У нас были Александр Иванов и Врубель. Их гении завещали нам правду искусства всенародного»¹². Выразителем русского и одновременно всенародного искусства и хотел Чулков видеть Пушкина. И в своей книге он, анализируя произведения Пушкина, выступавшего защитником русской национальной культуры, предлагает читателю поразмыслить над соотношением национальных пристрастий и универсальной идеи, что звучит особенно актуально сегодня.

Делая Пушкина выразителем одновременно «национального» и «универсального» духа, Чулков, несомненно, несколько преувеличил опасность происков «темной международной реакции», «агентов австрийской политики» в русских министерствах и высшем свете (он имел в виду Министерство иностранных дел и салон Марии Дмитриевны Нессельроде), которые преследовали поэта и плели вокруг него заговор. Что делать? Чулков основной текст своей книги писал в 30-х годах в атмосфере всеобщей подозрительности, поэтому и духовная биография Пушкина стала своеобразной проекцией духовной жизни современного автору общества.

В целом книга оказалась насыщенной крамольными для своего времени идеями. В ней определенно оспаривался усиленно насаждавшийся классовый подход к искусству, проводилась мысль о возможности религиозной трактовки творчества русского поэта. Чулков мыслил свое произведение как отповедь тем исследователям Пушкина, которые в его творчестве видели лишь «переход одних хозяйственных форм в другие» (как явствует из рецензии Чулкова на пушкинский том «Литературного наследства», адресатом его критики были Д. Благой, А. Цейтлин, А. Эфрос и другие пушкиноведы той поры). Поэтому и акцент он сделал не на социальной обусловленности творчества поэта, что было принято, а на тех моментах, которые характеризовали Пушкина как человека, как неповторимую, саморазвивающуюся личность. В частности, в книге много места отведено его любовным увлечениям, даны точные и глубокие характеристики женщин, которые привлекли, хотя бы на мгновение, внима-

⁹ Плерома – термин ортодоксальной и особенно еретической христианской мистики, означающий либо некоторую сущность в ее немалом объеме, без ущерба и недостачи, либо множественное единство духовных сущностей, образующих вместе некоторую упорядоченную, внутренне завершенную целокупность.

¹⁰ ОР РГБ.Ф. 371. Д. 2. Ед. хр. I. Л. 15–16.

¹¹ См.: 30 дней. 1937. № 2. С. 67.

¹² Чулков Г. Валтасарово царство. М., 1998. С. 409.

ние поэта. Это, в свою очередь, тоже вызвало гневную отповедь пуристов от литературоведения¹³.

Но интерес к любовной сфере со стороны Чулкова был продиктован, конечно же, желанием, во-первых, дать полное и разностороннее представление о страстях, кипевших в душе Пушкина. Разговор в конце концов ведь опять возвращался к душе (кстати, в книжном варианте были убраны практически все личностные и оценочные характеристики избранниц поэта, подробности его отношений с ними, что сразу обеднило повествование и сделало эмоциональную сторону жизни поэта постно-невывразительной). А во-вторых, обращение к ним, страстям, возможно, призвано было замаскировать «сокровенные» мысли, которыми автор очень дорожил. И важнейшую из них – обретение Пушкиным религиозной полноты бытия.

Так неожиданно в русской культуре советской эпохи появилась первая религиозная биография поэта. И это, как с гордостью признавался сам автор, было почувствовано проныцательными и религиозными людьми. Он даже заметил в дневнике: «Евг. Казимировна Герцык, будучи в Москве, успела прочитать две главы и сказала, что она почувствовала за видимо объективным изложением мою руководящую идею. Вот это, вероятно, и злит моих врагов»¹⁴.

Несомненно, в оригинальном и неприемлемом для литературоведения 30-х годов прочтении творчества и трактовки личности поэта сказалась глубокая религиозность самого автора, в котором начиная с 1920-х годов укрепилась вера в «историческое христианство», пришедшая на смену мистико-анархистским идеям. Чулков, по собственному признанию, «жизнью и смертью» (у него в 1921 году умер единственный сын) был приведен к «тому, о чем... ранее лишь догадывался»¹⁵. Поэтому он и в жизни Пушкина выделил движение от скептического вольтерианства к религиозному видению мира, постарался всеми красками расцветить «веселый скепсис юного эпикурейца», чтобы очевиднее стали разительные перемены, произошедшие в нем позднее, когда поэт освободился от «так называемого здравого смысла, легкого отношения к жизни, поверхностной эротике, скептической оценки истории и веселой иронии, позволявших самые важные вопросы решать, не задумываясь над их глубиной».

По мнению Чулкова, «цельное отношение к человеку, к обществу, к бытию» сложилось у Пушкина раньше, чем он полностью воспринял христианскую идею. Новое восприятие мира покоилось на разочаровании во французской цивилизации вообще, заключалось в отказе от «отвлеченной» вольтерианской рассудочности, развенчивании достоинств «уединенного субъективизма», а также в «утрате веры в близкий успех революции». Размышляя о путях, которые привели Пушкина к Богу, Чулков обращает внимание на судьбу его знакомого англичанина Гутчинсона, который исписал тысячу листов, чтобы доказать невозможность существования Творца, но вслед за этим, уехав в Англию, стал пастором англиканской церкви, и задается вопросом: не приводят ли именно настойчивые атеистические размышления к диаметрально противоположным выводам?

В «Жизни Пушкина» есть много страниц, упорно возвращающих нас к разговору о религиозности поэта. Они-то большей частью и вычеркивались при повторной публикации в 1938 году, причем удалялось все, имеющее даже сколько-нибудь косвенное отношение к вопросам религии. Так, цензоры и редакторы, опустив подробности происхождения первого директора Лицея В. Ф. Малиновского из среды духовенства, решили, что ни к чему читателю знать и детали (певчие, панихида, присутствие протопресвитера и прочее) его похорон.

¹³ И. Сергиевский позволил себе даже назвать ее «опошленной биографией» // Литературная газета. 1936. № 56.

¹⁴ ОР РГБ.Ф. 371. Д. 2. Ед. хр. I.

¹⁵ Государственный литературный музей (ГЛИМ). Ф 349. Оп. I. Д. 1123.

Заодно с религиозным «криминалом» исчезли и любые упоминания об отношении поэта к религии вообще, даже те, которые, казалось бы, вполне соответствовали духу времени, как, например, утверждение, что «Пушкин всегда был равнодушен к богословским вопросам».

Чулков, тонко чувствовавший разницу между религией и богословием, мог позволить себе такое высказывание! И именно поэтому он нередко привлекает внимание читателя именно к богословским спорам, нюансам восприятия религии. Разбирая пушкинское стихотворение «Безверие», он видит в «безбожии» юного лицеиста в тысячу раз больше положительного отношения к бытию, чем в худосочной «религии сердца благочестивого лифляндского дворянина» (так он именует директора Лицея Е. А. Энгельгардта, чья «кисло-сладкая религия сводилась к очень жалкому рационализму», отталкивавшему Пушкина). Ему важно такое противопоставление, чтобы подчеркнуть устремленность поэта к радостному, полнокровному и полноценному приятию и оправданию бытия.

Но поскольку для Чулкова «понимание мира как живого и цельного начала»¹⁶ и есть символизм, он и прочитывает Пушкина символистски, видя в его творчестве сочетание «подлинного реализма» с «глубоким символизмом». Пушкинский символизм – это открытие «в самых смелых и загадочных символах не иллюзии субъективного идеализма, а подлинной, живой и безмерной в своей глубине реальности». Потому и в «Цыганах» ему видится отказ от «круговой поруки» и противопоставление «своеволию частного человека» «идеи общности». А символический смысл «Медного всадника» заключен, по его мнению, в отражении «вечных противоречий исторической необходимости – столкновении личности и Левиафана», воплощенных в образах Евгения и Петра I. И реализм поэта он истолковал как «реализм в высшем смысле» (к которому питал особое пристрастие еще со времен поклонения Достоевскому), то есть такой, когда дается не только «изображение действительности», но и вершится «страшный суд над нею во имя иной, лучшей действительности». Отсюда и полная уверенность, что Пушкин никогда не был романтиком (Чулков подразумевает под романтизмом веру в различного рода «иллюзии и мнимости»).

В символистском духе интерпретируются биографом и любовные увлечения поэта. Чулков находит объяснение тайны пушкинской «любвеобильности» в воспоминаниях М. Болконской, которая считала, что «в сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел...». Таким образом, способность Пушкина влюбляться во всех встречаемых им «хорошеньких женщин» питалась, по мысли автора, не столько его чувственностью, сколько поэтическим чувством, постоянно требовавшим источника вдохновения. Чулков резко восстал против принявшей уже форму мифа легенды об «утаенной» любви Пушкина, видя и поэте искателя «вечноженственного»: «В каждом женском лице он искал и находил какое-то чудесное воспоминание о райской красоте, утраченной, но возможной». Автор с большим или меньшим успехом старается убедить читателя, что для Пушкина не так уж важен был адресат его стихотворений и лирических признаний: ведь душа поэта была переполнена такими пламенными чувствами, строки выливались в такой сокрушительный гимн любви, что земная женщина практически не могла быть их источником. Чулков считал, что Пушкину легче обращаться к умершей возлюбленной, потому что тогда его любовные заклинания становятся вызовом самой смерти – его величайшим желанием было «дейтельное, требовательное, безумное желание» победить тлен, исчезновение, гибель. Похоже, что в этом наблюдении таится верное угадывание некоего сокровенного начала пушкинской лирики, полной трагического оптимизма и всепобеждающего преображения.

В книге много нетрадиционных прочтений уже ставших хрестоматийными произведений. С ними можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя не признать их самостоятельность. В «Кинжале» Чулков предлагает увидеть не только призыв к мести коронован-

¹⁶ Архив Института мировой литературы (Архив ИМАИ). Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 85. Л. 7.

ным особам, но и к наказанию деятелей якобинского террора. А «Гавриилиаду» расценивает как вызов насаждавшемуся по всей России придворному мистицизму. Он явно сглаживает при этом богоборческий смысл поэмы, говоря, что ее «стрелы не попадали и евангельское предание». При этом автор действительно пытается понять, как в короткий отрезок времени могли быть написаны проникнутая «пряным, острым и сладостным» духом эротики «Гавриилиада» и рассказ о братьях-разбойниках, даже во «мраке преступления» не утративших высоких нравственных чувств, как совмещались в сознании Пушкина восхищение целомудрием христианки Марии из «Бахчисарайского фонтана» и непристойность той же «Гавриилиады».

Надо заметить, что к концу 20-х – началу 30-х годов в сознании Чулкова-художника возникла твердая установка на пушкинскую ясность, лаконизм, емкость изложения. Он даже придумал название для своей новой манеры актуализм, подразумевая под этим четкую фабулу, быстро развивающееся действие, строгую экономию изобразительных средств. И можно сказать, что в «Жизни Пушкина» он во всем блеске явил новый творческий метод.

В книге точно, с запоминающимися деталями воссоздана атмосфера, которая сопровождала духовному становлению Пушкина. Каждый этап (а он чаще всего выделен в особую главу) рисуется как драматическая сцена. Вот, например, дилемма, которая встала перед родителями маленького Александра: куда отдать учиться сына? То, что он оказался в Лицее, представлено как счастливая случайность, возникшая из десятка совершенно запрограммированных действий. Но это позволило мальчику «ускользнуть от патеров, имевших немалое влияние на своих питомцев» (ведь известно, что родители уже готовы были отдать его в католический пансион, «где внушались воспитанникам соответствующие идеи»). Становится ясно, что для Чулкова идеи мартинистов, то есть религиозное вольнолюбие, которое процветало в стенах Лицея, где почти все преподаватели были масонами, безусловно, предпочтительнее, чем католическое вероисповедание. Однако при этом автор не забывает сказать и об «издержках» лицейского воспитания, в котором имена вольнодумцев соседствовали с именами эротических стихотворцев.

Необычайно сочно и колоритно воспроизведена атмосфера жизни, окружающей поэта, и особенно портреты друзей – Кюхельбекера, Дельвига, Пущина, Нащокина. Для каждого из них у Чулкова находятся слова, точно выражающие их душевную сущность. Так, о Кюхельбекере, вызывающем у Пушкина смешанное чувство уважения и жалости, сказано: «У него был какой-то... торжественный и высокопарный или неуклюже-игривый, совсем не прозрачный, старомодный и горький» мир. А Нащокин предстает со страниц книги начитанным, образованным, умным человеком, типичным москвичом-хлебосолом, обладавшим той «бесплодной даровитостью», которая придавала особую пленительность его облику и поведению. Благодаря его широкой натуре и рыцарской прямоте Пушкин мог наслаждаться в его доме покоем, обретать утерянную беспечность.

Писатель многое знает о своем юном герое, знает обо всех шалостях, подчас необъяснимых поступках, симпатиях и антипатиях, которые, ставя в тупик его учителей и наставников, обнаруживали в нем неукротимый темперамент. Чего стоит хотя бы эпизод «злоупотребления» гоголем-моголем с ромом, имевший вполне определенные последствия, или случай, когда поэт по ошибке в темноте обнял пожилую фрейлину, приняв ее за молоденькую служанку (эти подробности тоже были изъяты цензором в книге).

Конечно, Чулкову приходится домысливать там, где он не имеет возможности фактами обосновать те или иные поступки своего героя. Иногда он пытается воспроизвести ход мыслей Пушкина, его внутреннее состояние, причем обязательно учитывает «возрастную психологию». В юности – превалирует взбалмошность и прерывистость, по мере взросления – «печальное изумление» перед действительностью! Автор передоверяет размышления Пушкину (прибегая к не собственно прямой речи) особенно часто тогда, когда сам оказывается не

в состоянии постичь противоречивый склад натуры своего героя. Так, он тщательно всматривается в его более чем прохладное отношение к Е. А. Энгельгардту, приводя все те эпизоды, когда директор Лицея вполне мог воспользоваться своей властью и наказать Пушкина, но не сделал этого, пытается понять, чем же руководствовался поэт, создавая довольно-таки злые карикатуры и эпиграммы на своего наставника. И высказывает предположение, что... «в добродетельном и благополучном доме Егора Антоновича Энгельгардта» Пушкину было просто-напросто скучно. Впрочем, и «литературные журфиксы в семье барона Теппера де Фергюссона тоже были не очень забавны, не веселее было и в семействе Вельо или в квартире добродушного Чирикова; куда интереснее было бывать в доме у Карамзиных, где было чему поучиться и всегда можно было встретить писателей и поэтов... Но и здесь, когда Николаю Михайловичу вздумается заговорить о русской государственности, становится тошно и хочется бежать куда угодно – только бы не видеть этого изящного старика и не слышать его речей во славу самодержавной монархии».

Может быть, не все внутренние монологи Пушкина покажутся строгому читателю безупречными с художественной точки зрения. Еще бы! Надо было передать мысли гения – а это по силам разве что... гению. Тем более что автор все время подчеркивает скрытность поэта, которая не позволяла распознать его подлинную сущность даже близким друзьям. Он рисует поведение «беспечного гуляки», бравирующего своим пристрастием к радостям «общедоступной Афродиты», что, конечно же, в первую очередь бросалось в глаза, но такого «гуляки», который тщательно оберегает свои помыслы и мечты от досужего любопытства. Подлинность поэта, по Чулкову, можно обнаружить только в его произведениях. И вот там-то мы находим «сладострастье» иного рода – «сладострастье высоких мыслей и стихов».

Зато неоспорима удача Чулкова при обращении к внутреннему миру обычного человека! Как достоверно стилизован ход размышлений Сергея Львовича Пушкина, испуганного неожиданным водворением Александра в Михайловское. Прерывистый, какой-то суетливый их ритм зримо передает ужас опасений, преследующих отца, желание любым способом отделаться от опального сына. Все это выдает в Сергее Львовиче душу мелкую и эгоистичную. Вообще фигуры родителей поэта, безалаберных, бестолковых, безответственных, а позже и очень скупых людей, уклад их дома – «суетливый, нескладный, крикливый» – набросаны виртуозно. Кажется, Чулков сам предельно остро, будто это касается его лично, переживает невозможность для Пушкина, принимающего приглашения друзей и поклонников, позвать их домой, и сам слышит те выговоры, которые устраивает ему отец за нанятого извозчика или разбитую рюмку.

Полнокровно нарисована картина литературной борьбы, которая сопровождала вступление Пушкина на поэтическое поприще. Сегодня только улыбку могут вызвать определение «Беседы» как вельможной феодально-аристократической группы, а «Арзамаса» как либерально-шляхетской мелкопоместной оппозиции. Для социологически ориентированного литературоведения это выглядело само собой разумеющимся. Но вот рассмотрение всей полемики, связанной с этими литературными кружками, как «бури в стакане воды» следует признать очень дерзким заявлением. Неуместность выражений и грубость тона, избранных для шуток арзамасцами, конечно, оттеняют серьезность и одновременно подлинное остроумие Пушкина, занявшего особую позицию, позволившую ему обращаться с просьбами об «обучении» к шишковцу Катенину и одновременно беззлобно подтрунивать над мэтрами «Арзамаса» Карамзиным и Жуковским. Все это действительно помогает Чулкову – Чулкову-литературоведу – выявить раннюю поэтическую самостоятельность Пушкина, уже в 1817–1818 годах заявившего о своем литературном нейтралитете, а также сделать полемический выпад против пушкиноведов 30-х годов, явно благоволивших «Арзамасу». Он предлагает свое видение и деятельности «Зеленой лампы», лишив ее как революционного ореола,

так и завесы мистической таинственности, будто бы прикрывавшей сатанинские культовые притязания и темные оргии, происходившие на собраниях кружка.

Смена житейских и творческих обликов призвана показать заключенные в Пушкине «сверхчеловеческие силы», которые позволяли ему соединять в себе практически несоединимое – и пламенные восторги, и нежную любовь, и труды, и постижение загадок истории и многое другое. Чулков подчеркивает неповторимость мышления поэта, которому всегда чуждо было сухое теоретизирование, что помогало избегать влияния или давления со стороны даже выдающихся умов своего времени, но который одновременно был открыт всякому неординарному знанию. Автор убежден: у Пушкина был свой путь.

Важная для любого времени тема «человек и власть» в «Жизни Пушкина» преломилась как тема «художник и власть». Буквально уже на первых страницах произведения автор заявляет о сопряженности судьбы Пушкина с царской династией Романовых, указывая, что поэт родился в день рождения внуки императора, а первое «столкновение» с ним пережил в полуторагодовом возрасте. И далее подробнейшим образом прослеживает все нюансы, повороты, перипетии взаимоотношений (в большинстве случаев трагических) Пушкина и правителей России. Таким образом обнажилось всевластие государства-левиафана, подавляющего и изничтожающего все свободное и прекрасное. А кроме того, обнаружилось трагическое прозрение поэта, постепенно понявшего, что никакой договор с правительством невозможен, невыносим. Можно считать, что на его примере и на собственном горьком опыте Чулков постигал трагедию взаимоотношений власти и художника. Он, перефразировав поэта, предложил новую формулу: «Гений и жандарм – нечто несовместное», потому что «такие слова, как «великодержавие», «государственность», «законность», совершенно по-разному звучат в устах шефа жандармов и в устах поэта». Показательно, что именно в исследовании жизни Пушкина сам писатель увидел для себя возможность отстоять (пусть и в мизерных дозах) свои человеческие и профессиональные честь и достоинство: не писать только «в стол», как это делали многие его товарищи, а находить способ говорить о сокровенном. Благодаря Пушкину читатель открывал для себя путь, следуя которому он мог выстоять и даже пусть и пассивно, но сопротивляться государственному произволу. И в этом тоже проявлялась гуманизирующая и выпрямляющая человека миссия великого поэта и его биографа.

С этой проблемой непосредственно связана и актуализация темы «Пушкин-историк» в биографии поэта. Понимая, что «разгадать... душевное устройство» ребенка нелегко, Чулков тем не менее берется утверждать, что уже в самом начале жизненного пути Пушкин «чувствовал, что он живет в определенный исторический час: он понимал связь настоящего с прошлым и будущим». И далее он последовательно раскрывает отношение Пушкина к тем или иным историческим событиям и идеям, причем особое место в биографии занимает рассказ о формировании его политических симпатий.

Сегодняшнему читателю явно небезынтересно будет напоминание о сочувственном отношении Пушкина к политике русского государства на Кавказе, о его «особой позиции» по «польскому вопросу». А как неожиданны замечания по поводу того, что западник Чаадаев в какой-то момент разделял национально-патриотические устремления поэта. Вообще, думается, немаловажно указание на несостоявшийся диалог двух умнейших людей России, на разность их взглядов на историю. Спор вокруг христианской идеи, мысль о всеобщем единстве, к которому устремляется человечество, – вот что волновало этих двух выдающихся современников. Но как же различно они мыслят, какие различные концепции выстраивают!

Еще раз мотив «различно» умных людей возникнет в книге в связи с обликом Пестеля. Приводя нелестные пушкинские записи о Пестеле, Чулков задается вопросом: чем мог руководствоваться поэт, подозревая Пестеля едва ли не в предательстве, почему не возникло симпатий между «самоуверенным, надменным, серьезным и строгим Пестелем» и «страст-

ным, насмешливым» Пушкиным, как смог поэт не поддаться обаянию человека, чьи идеи были столь притягательны и чье чело окружал ореол мученичества? Может быть, этот аспект – аспект взаимонепонимания, столь характерный для русского мышления, – один из самых волнующих в книге Чулкова, размышлявшего об интеллектуальной драме умнейших русских людей.

Все эти обстоятельства определяли усиливающееся одиночество Пушкина и в среде близких и любящих его людей, и в кругу читателей. Высказав сомнительное мнение, что после 1833 года Пушкин ничего значительного не создал (похоже, что Чулков вообще недооценивает некоторые произведения поэта, например «Евгения Онегина», о котором в книге говорится буквально в нескольких строках!), он тем не менее одаряет читателя замечательной догадкой. Простота поздней пушкинской поэзии осталась недоступной «среднему» читателю: ведь непонятную «поэзию публики хотя и бранит порою, по всегда тайно уважает, подозревая свою некомпетентность», зато «важно критикует ясность и простоту гения, воображая», что все поняла и потому имеет право смотреть на него свысока.

Но есть в книге и страницы, которые, конечно, вызовут самые острые разногласия. Это, в частности, главы, посвященные любви поэта, его женитьбе на Наталье Гончаровой. Уже давно стала расхожей саркастическая фраза о том, что Пушкину надо было бы жениться не на ней, а на пушкинистах или пушкиноведении в целом. В этом же русле находится и «восхитительное» предположение Чулкова, что лучшей, чем Наталья Николаевна, женой для Пушкина была бы начитанная крепостная крестьянка Феврония Ивановна! Похоже, страсти улягутся еще не скоро: до сих пор люди делятся на тех, кто оправдывает Натали, и тех, кто ее порицает.

Автора нельзя отнести к поклонникам Натальи Николаевны, но он также не придерживается версии, что Пушкина толкнула к браку страстная любовь. Выясняя мотивы, побудившие к закреплению такого, на его взгляд, странного союза, он приходит к выводу, что это было трезвое решение с обеих сторон, возможно, даже вынужденное в какой-то степени: Пушкин во что бы то ни стало спешил остепениться, женитьба обещала спокойствие и тишину, возможность отдаться вожделенному греду, а страсти, хотя и приносили вдохновение, оборачивались муками и страданием. Такой подход к супружеству Чулков совершенно справедливо называет несколько консервативным. Гончарову же пора было выдавать замуж, так как других претендентов на руку бесприданницы не находилось.

Неоспоримым доказательством своей догадки автор считает то, что в болдинском уединении, когда душа поэта была полна лирических переживаний, он ни слова не посвятил невесте. По его мнению, «барышня Гончарова» и не заслуживала ничего, кроме банальных проявлений сентиментальной нежности. Чулков не скупится на едкую иронию, когда описывает ее вкусы: «Настоящего романтизма в ней не было никакого, но ее привлекал к себе самый скверный его суррогат, бутафорский блеск так называемого «света», фальшивая «поэзия» балов и салонов, глупенький романтизм флирта, легкий призрак адюльтера». Он даже не находит ее красивой: в ней не было никакой внутренней жизни, ее хорошенькое личико безмятежно и незначительно, в нем нет мысли. Чулков как будто забывает, что Натали была семнадцатилетней девушкой, когда стала женой поэта, и, хотя в ту пору взрослые рано, ей были свойственны все наивные мечты и упования девушек ее возраста и ее круга. Не случайны и ее горькие слезы на следующее утро после венчания, когда она почувствовала себя покинутой занятым своими делами мужем. Вполне естественная реакция для девушки ее возраста! Да и женщина старше, наверное, испытала бы в этом случае те же самые чувства.

Автор пишет, что уже через полгода после свадьбы поэт «не подозревает» о душевных настроениях своей молодой супруги, так как «занят событиями в Польше, литературными планами и перепиской с друзьями». Но даже в этом случае он не находит другого объяснения для ее частых слез в Царском Селе, кроме капризов и скуки.

Она действительно, скорее всего, была неловкой и смущающейся девочкой, ничего не умеющей, ничего не знающей и не понимающей, о чем упоминает поэт В. Туманский (а его свидетельство честно приводит Чулков). Ее можно даже в чем-то пожалеть, поскольку оказаться рядом с гением и соответствовать ему – задача почти что невыполнимая, и мало женщин, которые могли бы с ней справиться. Так и хочется воскликнуть: «Как же Наталья Николаевна могла понять мучительные раздумья и трагические искания, которые переполняли ее мужа, если сам Чулков не находит для Пушкина равного ему по степени образования и идейной устремленности собеседника!»

Главная идея биографа – неизменно расширяющееся, углубляющееся и совершенствующееся дарование поэта. Поэтому он не боится, например, сказать о «бледности и вялости» ранних стихов Пушкина, не только написанных по заказу и созданных «на случай» (таких, как ода «На возвращение государя императора из Парижа» или стихи в честь принца Оранского), но и лирических (в частности, посвященных Екатерине Бакуниной). Но даже в них он слышит «пушкинскую страстную интонацию, свободную от литературного жеманства. В этих стихах чувственность ничем искусственно не подогрета, она только приправлена «галльским юмором». А вообще, пытаясь найти определения самобытности пушкинского дара, Чулков прибегает к замечательным поэтическим характеристикам: здесь и «чудесная игра пушкинского хмеля», и «чувственность», сочетающаяся с «легкой и тонкой улыбкой». Он иногда даже употребляет выражения, которые могут показаться в чем-то уничижительными по отношению к великому поэту, такие как «веселый и шутливый лепет» «Руслана и Людмилы», «сомнительный байронизм» «Кавказского пленника», «соловьиные трели» «Бахчисарайского фонтана» (это в свое время тоже вызвало недовольство пушкинистов). Но это возникает только потому, что, по мысли Чулкова, эти вещи предваряют «предчувствие возможного для человечества единства», которое угадывалось Пушкиным сквозь «все противоречия истории» и воплотилось только в последующих произведениях.

Жизнь Пушкина внимательнейшим образом прослежена и книге. Не оставлены без упоминания даже мельчайшие подробности, особенно те, которые могли вызвать творческий импульс, стать источником вдохновения. Но не менее существенными кажутся автору и те бытовые детали, которые окружали поэта, создавали фон его ежедневной жизни. Однако не надо думать, что это утомительное бытовое повествование, перенасыщенное деталями. Чулков творчески подошел к своей задаче и смело опустил то, что, на его взгляд, ничего не добавляло к облику поэта. Больше всего он боялся причесанности и благообразия, налета хрестоматийности. Поэтому мы найдем упоминание о сводничестве, процветавшем на «чердаке» Шаховского, о непечатных словах, почти ежеминутно срывающихся с уст посетителей «Зеленой лампы», но мало говорится о знакомстве Пушкина с Мицкевичем, об их дружбе, остались почти не освещенными отношения с Гоголем.

Чулков свободно монтирует события, нарушая иногда их порядок, «вводя» одни из них в воспоминания поэта, другие передавая «от себя», как бы резюмируя происходящее, подытоживая определенный этап жизни своего героя. Интересен использованный им прием «возвращения», когда о некоторых людях из окружения Пушкина он рассказывает неоднократно, каждый раз делая нужные акценты, выявляя новые детали. Так, принципиально важной становится для него последняя встреча поэта с Кюхельбекером, особо отмеченная в дневнике Пушкина. Он позволяет себе вернуться в прошлое и еще раз напомнить об отношении поэта к Кюхельбекеру, о том уважении, которое вызывал этот нескладный юноша своим трудолюбием, начитанностью, свободомыслием. И уже теперь он упоминает о первой, самой ранней дуэли Пушкина, «когда ему пришлось подставить голову под пистолет самолюбивого безумца». Все это сообщает повествованию драматизм и динамику. Иногда он создает и подлинно драматические сцены. Например, так нарисован «поединок» с царем, имевший место по приезде Пушкина в Москву из Михайловского. К концу книги темп повествования убыст-

ряется. Кажется, нервозность Пушкина передается тексту. Комментарии сведены к минимуму, на первый план выступает жестко закрученная интрига, петлей затягивающаяся на шее поэта.

Чулков, безусловно, сумел донести дорогие ему идеи до читателя. Доказательством служат поразительные совпадения, которые имеются в «Жизни Пушкина» и во «Вредителе», повести, бывшей «тайная тайных» писателя, которую он прятал даже от близких людей. (Она смогла увидеть свет только недавно¹⁷.) Таков важный мотив подлинного духовного призвания человека, который, по слову Иоанна Богослова, должен быть не «тепл», а «горяч». И если герой «Вредителя», Яков Адамович Макковеев, оказывался «тепл» (за что и сурово порицался автором), то Пушкин уже с юности «ненавидел все теплое». Поэтому, по предположению Чулкова, он и не воспринял «умеренную и благоразумную педагогическую систему» директора Лицея Е. А. Энгельгардта, «не выносившего ни холодного, ни горячего». А свои сокровенные мысли об истории как «круговой поруке», препятствующей национальной замкнутости, Чулков в книге о Пушкине выразил следующими словами: «И каждый отдельный человек, сохранив свои национальные черты, должен, однако, помнить, что он такой же грешный «Адам», как и все «сыны человеческие», и так же, как они, должен вернуть себе свою свободу, свое достоинство, вернуть «потерянный рай», найти, наконец, социальную гармонию, возможную только при единстве человечества».

Думается, что постоянное «пушкинское» присутствие в последние десятилетия жизни Чулкова продлило его дни на этой земле и хоть немного скрасило в общем-то печальное его существование. Уже смертельно больной, писатель побывал в Ялте и оттуда смог совершить экскурсию в Гурзуф. В одном из последних своих писем он писал, какую неизъяснимую радость доставила ему эта поездка. Ведь он смог посидеть под тем самым кипарисом, где поэт когда-то «слушал соловья»¹⁸. В этом признании отзвук пушкинского духа, который утешителен и целителен для каждого, кто с ним соприкасается. И этот дух разлит в книге, дающей возможность через трагизм и скорбь пушкинской биографии увидеть контуры счастливой судьбы гения, или, как говорит сам автор, «уразуметь трагический смысл удивительной жизни».

*Доктор филологических наук
М. В. Михайлова*

¹⁷ См.: Знамя. 1992. № 1 (публикация М. В. Михайловой).

¹⁸ ОР РГБ.Ф. 371. Д. 9. Ед. хр. 2.

Предисловие автора

Труды наших советских пушкинистов обогатили науку превосходными исследованиями – текстологическими и биографическими. Мы восхищаемся детальной разработкой частных проблем пушкинианы, но у нас почти нет работ, в которых подводились бы итоги нашим знаниям текста и биографии Пушкина. У нас нет жизнеописания поэта. Отдельные большие монографии о той или другой поре его жизни или слишком краткие биографические очерки о нем у нас есть, но эти труды не могут заменить простого, но связного и обстоятельного изложения событий жизни поэта. Еще менее могут заменить биографию беллетристические произведения, где героем является мнимый Пушкин и где подлинные факты произвольно сочетаются с вымыслом, и читатель остается в недоумении, где истина и где ложь.

К столетию со дня смерти поэта я хочу издать книгу об его жизни, дабы заполнить этот пробел нашей пушкинианы. Моя книга не будет соперничать с теми обширными критико-биографическими исследованиями, которых мы вправе ждать от наших пушкинистов, но и мой простой и – смею думать – точный рассказ о жизни, трудах, борьбе и смерти Пушкина не будет, надеюсь, лишним.

В основу моей книги я положил воспоминания и признания самого поэта. Он не оставил своей автобиографии, но черновая программа его записок, отрывки юношеского дневника, дневник 1833–1835 годов, его письма и удивительная автобиографичность его поэзии – вот что представлялось мне самым ценным. Мне хотелось написать книгу так, чтобы в ней слышался голос самого Пушкина.

Глава первая. Детство

I

В Москве 26 мая 1799 года в ветхом, с продырявленной крышей деревянном домике комиссариатского чиновника Скворцова на Немецкой улице родился Пушкин. В этот день по всем церквам шли молебны, гудели колокола и на улицах обыватели кричали «ура». Москва праздновала рождение внучки императора Павла¹⁹. Поэт родился как раз в день семейного торжества Романовых, с коими пришлось ему вести нелегкую тяжбу всю жизнь: первое столкновение его с императором случилось, когда ему было года полтора. Эта любопытная встреча произошла в петербургском Юсуповом саду, когда семейство Пушкиных, после поездки в сентябре 1799 года в Псковскую губернию к тестю Ганнибалу²⁰, проживало в Петербурге у тещи Марии Алексеевны Ганнибал²¹. У нее в это время был свой домик в Преображенском полку. Няня, гуляя с маленьким Пушкиным по Юсупову саду, примыкавшему к великолепному дворцу, построенному знаменитым Кваренги²², наткнулась на Павла²³, который и сделал ей строгое замечание за то, что она не сняла картуз с ребенка при появлении его величества.

«Видел я трех царей, – писал Пушкин жене весною 1834 года, – первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи²⁴ под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут...»

В начале XIX века господа Пушкины отнюдь с царями не водились и по своему положению представителей древнего, но захудалого рода были весьма далеки от правящих кругов и царского трона. К несчастью, опальному поэту пришлось под конец жизни, по примеру предков, приблизиться к этому самому трону, который, по словам Лермонтова, «жадною толпой» окружали «свободы, гения и славы палачи»²⁵.

Пушкин поздно понял, что ему несдобровать в этой компании. В 1830 году, когда еще можно было спастись от царских объятий, поэт писал:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим.
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой...²⁶

¹⁹ ...рождение внучки императора Павла. – 26 мая 1799 г. родилась дочь великого князя Александра, будущего императора Александра I, Мария (ум. 1800).

²⁰ ...к тестю... – Ганнибал Осип Абрамович (1744–1806) – дед Пушкина.

²¹ Ганнибал Мария Алексеевна (1745–1818, урожд. Пушкина) – жена О. А. Ганнибала, мать Н. О. Ганнибал, бабушка Пушкина.

²² Кваренги Джакомо (1744–1817) – архитектор, представитель классицизма. По происхождению – итальянец. Работал в России с 1780 г.

²³ Павел I (1754–1801) – российский император с 1796 г., сын Екатерины II.

²⁴ Камер-паж – так назывались воспитанники Пажеского корпуса, окончившие его с лучшими знаниями и успехами в отличие от пажей.

²⁵ «Жадною толпой», «свободы, гения и главы палачи» – из стих. М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

²⁶ «Упрямства дух нам всем подгадил...» из стих. А. С. Пушкина «Моя родословная» (1830).

Петром I²⁷ в самом деле был повешен 4 марта 1697 года Федор Матвеевич Пушкин²⁸, сын воеводы Матвея Пушкина²⁹, за деятельное участие в стрелецком заговоре Соковнина³⁰.

Поэт равнодушен был к истории. Он живо интересовался, между прочим, судьбою своих предков. Среди них были примечательные умом, волею, характерами и страстями. Многие были порочны и преступны.

Лет за десять до казни мятежного Федора Пушкина в Разрядный приказ была подана его родственниками родословная роспись, в которой сообщалось, что при Александре Невском³¹ «прииде из немец муж честен именем Радша». Этот легендарный Радша считался родоначальником многих фамилий – в том числе и Пушкиных, что и дало повод поэту в «Моей родословной» написать известные строки:

Мой предок Рача мышцей бранной
тому Невскому служил...

Однако если Пушкины и были потомками Радши, или Рачи, то, вероятно, в седьмом колене. А сам Радша не был современником Александра Невского. Он приехал в Новгород едва ли не за сто лет до того. Род Пушкиных ведется от некоего Григория Пушки, жившего в конце XIV и в начале XV века. Это уже лицо не легендарное, а историческое. Среди многочисленных его потомков иные упоминаются в летописях, и поэт встречал их имена в «Истории государства Российского». Он начал было писать в тридцатых годах свои записки.

«Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории, – писал Пушкин. – В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин³² принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина³³, сделал честно свое дело. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольный Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру)...

Последнее замечание в скобках в духе пушкинской мысли о значении родовитого дворянства, и, в частности, «шестисотлетнего» дворянства Пушкиных. Впрочем, Пушкин был достаточно умен и трезв и понимал, что «имена Минина³⁴ и Ломоносова³⁵ вдвоем перевесят, может быть, все наши родословные». А впоследствии в заметках по поводу «Бориса Годунова» поэт писал: «Изо всех моих подражаний Байрону³⁶ дворянская спесь была самое смеш-

²⁷ Петр I Великий (1672–1725) – последний московский царь и первый российский император. Вступил на престол в 1682 г. в десятилетнем возрасте, но самостоятельно стал править с 1689 г.

²⁸ Пушкин Федор Матвеевич (ум. 1697) – сын М. С. Пушкина, в 1696 г. стольник; казнен за участие в Стрелецком бунте.

²⁹ Пушкин Матвей Степанович (ум. 1706) – в 1679 г. – воевода в Астрахани, в 1682 г. – боярин; в 1697 г. назначен воеводою в Азов, но за провинность сына Федора сослан в Енисейск и лишен «боярской чести».

³⁰ Соковнин Алексей Прокофьевич – окольный, казнен за участие в Стрелецком бунте в 1697 г.

³¹ Александр Невский (1220 или 1221–1263) – князь новгородский (1236–1251), великий князь владимирский с 1252 г., сын Ярослава Всеволодовича. Одержал победы над шведами (Ледовое побоище 1242 г.), обезопасил западные границы Руси.

³² Пушкин Григорий Гаврилович (Косой, ум. 1656) – сын Гаврилы Григорьевича; 1607 г. – сокольничий, 1627 г. – стольник; 1644 г. – окольный; 1646 г. – посол в Швеции; 1650 г. – посол в Польшу.

³³ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк, писатель, почетный член Петербургской академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т. I – 12). Основоположник русского сентиментализма.

³⁴ Минин Кузьма Минич (? – 1616) – организатор национально-освободительной борьбы русского народа против польской интервенции нач. XVII в. И один из руководителей 2-го земского ополчения. С 1613 г. думный дворянин.

³⁵ Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – выдающийся российский ученый.

³⁶ Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) – лорд, знаменитый английский поэт.

ное...» Это не мешало ему, однако, живейшим образом интересоваться предками. В «Моей родословной» Пушкин напомнил, между прочим, о судьбе своего деда Льва Александровича³⁷, служившего в артиллерии. В 1762 году он был посажен Екатериной³⁸ в крепость и просидел там два года.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних³⁹, верен оставался
Паденью третьего Петра⁴⁰.
Попали в честь тогда Орловы⁴¹,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

«Дед мой, – рассказывал Пушкин, – был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова⁴², умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем ее сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина⁴³, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвою и положили на постелью всю разряженную и в бриллиантах».

Этот жестокий феодал был, однако, человеком «просветительной эпохи» и родившегося весной 1770 года сына, Сергея⁴⁴, будущего отца поэта, воспитал в духе французского вольнодумства. Сергей Львович был типичным российским «маркизом». Незамысловатую философию XVIII века Сергей Львович усвоил не без удовольствия из книг Вольтера⁴⁵, Гельвеция⁴⁶, Руссо⁴⁷ и поэтов, эротических и сентиментальных. Это не мешало ему быть суеверным и поддерживать видимость бытового православия, то есть служить молебны,

³⁷ Пушкин Лев Александрович (1723–1790) – дед А. С. Пушкина; в 1759 г. майор, после переворота 1762 г. заключен в крепость как сторонник Петра III, где пробыл 2 года; в 1763 г. уволен в отставку подполковником артиллерии.

³⁸ Екатерина II Великая (1729–1796) – русская императрица, урожденная принцесса Анхальт-Цербстская. Вступила на престол в 1762 г. Ее нелюбимые характеристики содержатся в эпиграмме Пушкина «Мне жаль великия жены» и в «Исторических замечаниях», где он назвал ее «Тартюфом в юбке». Однако в некоторых его произведениях присутствует и ее идеализация («К вельможе», «Перед гробницею святой» и др.).

³⁹ Миних Бурхард Кристоф (1683–1767) – граф, российский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал.

⁴⁰ ...третьего Петра – Петр III Федорович (1728–1762), российский император с 1761 г., немецкий принц Карл Петр Ульрих, сын герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, дочери Петра I.

⁴¹ Орловы братья графы Орловы – Алексей Григорьевич (1737–1807/08) и Григорий Григорьевич (1734–1783), сподвижники Екатерины II.

⁴² ...урожденная Воейкова... – Марья Матвеевна. От нее Лев Александрович Пушкин имел троих сыновей – Николая (1745–1821), Петра (1751–1825), Александра, умершего раньше братьев. Все были бездетны.

⁴³ Пушкина Ольга Васильевна (1737–1802, урожд. Чичерина) – вторая жена Льва Александровича Пушкина, деда поэта, от которой родились Василий, Сергей, Анна и Елизавета.

⁴⁴ Пушкин Сергей Львович (1770–1848) – отец А. С. Пушкина; в 1811 г. – военный советник; в 1814 г. – начальник Комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаве; с 1817 г. – в отставке.

⁴⁵ Вольтер (Мари Франсуа Аруз, 1694–1778) – французский писатель, философ-просветитель.

⁴⁶ Гельвеций Клод Адриан (1715–1771) – французский философ. Сторонник учения о решающей роли среды в формировании личности.

⁴⁷ Руссо Жан Жак (1712–1778) – французский философ и писатель. Представитель сентиментализма.

приглашать на дом приходских батюшек и раз в год говеть. Утром он исповедовался и общался, а вечером декламировал со смехом стихи Парни⁴⁸, в коих автор издевался над церковными таинствами. Он служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1798 году он вышел в отставку в чине майора и зачислен был куда-то в комиссариат по продовольственной части. Он, конечно, был масоном⁴⁹. Летом 1814 года, командированный в Варшаву, Сергей Львович вступил в ложу «Северного щита». Пройдя четыре предварительные степени, к концу 1817 года он получил звание «свободного каменщика». К этому времени он уже вышел в отставку и больше никогда не служил.

Сергей Львович постоянно нуждался в деньгах и почитал себя человеком, обиженным фортуною, а между тем в Нижегородской губернии у него было семь тысяч десятин и более тысячи крепостных крестьян. Он не терпел никаких дел и забот. Поместья управлялись бессовестными приказчиками, которые разорили крестьян. Сергей Львович ни разу не удосужился заняться судьбою своих имений. Крестьянскую депутацию он прогнал, не выслушав. Зато он был не ленив на удовольствия. Он полагал, что мир устроен для наслаждений таких изящных и милых господ, как он, Сергей Львович, или его братец, Василий Львович⁵⁰, небезызвестный стихотворец, автор поэмы «Опасный сосед», в коей описываются нравы публичного дома. У самого Сергея Львовича был талант актера. Он то и дело декламировал то Мольера⁵¹, то Расина⁵². Никто не умел так весело и удачно организовать любительский спектакль, как он. Нельзя отрицать, что у него был живейший интерес к литературе, а к литературным знакомствам у него было явное пристрастие. Когда он жил в Москве по Большой Хомутовке во дворе графа Санти⁵³, все его ближайшие соседи были писатели. Рядом с домом Пушкиных жил поэт Ив. Ив. Козлов⁵⁴, автор «Чернеца»; в Малом Харитоньевском – Василий Пушкин; в Малом Козловском – совсем близко – Ив. Ив. Дмитриев⁵⁵, знаменитый баснописец и сентиментальный лирик; по Большой Хомутовке проживала также госпожа Хераскова, вдова, невестка известного писателя⁵⁶, а на ее литературных вечерах появлялись и Карамзин, и Жуковский⁵⁷, и многие другие. В этом кругу Сергей Львович был свой человек. Он смешил дам каламбурами. Он писал в альбомы стихи без малейших затруднений – по-французски и даже по-русски.

⁴⁸ Парни Эварист (1753–1814) – французский поэт. Один из зачинателей «легкой поэзии».

⁴⁹ Масоны (франкмасоны, от *фр.* franc mason – вольный каменщик) – религиозно-этическое движение, возникло в начале XVIII в. в Англии. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы ими от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков, отчасти от рыцарских и мистических орденов.

⁵⁰ Пушкин Василий Львович (1766–1830) – дядя поэта по отцу, известный стихотворец. Фамилия героя его поэмы «Опасный сосед» (1811) Буянова возникает в «Евгении Онегине». Имя дяди неоднократно упоминалось Пушкиным в стихах. Сам Василий Львович высоко ценил творчество племянника, о чем свидетельствуют два его послания к нему (1829–1830).

⁵¹ Мольер (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен, 1622–1673) – французский комедиограф, актер, театральный деятель, реформатор сценического искусства, служил при дворе Людовика XIV.

⁵² Расин Жан (1639–1699) – французский драматург, поэт, представитель классицизма.

⁵³ Санти Александр Львович (1767–1839) – граф, генерал-интендант 1-й армии, киевский гражданский губернатор.

⁵⁴ Козлов Иван Иванович (1779–1840) – русский поэт, переводчик. Ослеп в 1821 г. Автор лирических стихов, поэмы «Чернец», экземпляр которой прислал Пушкину с собственноручной надписью (Пушкин охарактеризовал ее как «преlestь» и написал стих. «Козлову» (по получении от него «Чернеца»). Поэт посвятил Пушкину два стихотворения. Стих. «Вечерний звон» (1828) стало народной песней.

⁵⁵ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – русский поэт, автор элегий, сатир, басен (в основном вольный перевод Лафонтена и Флориана), баллад, песен в подражание народным. Начал свою службу солдатом в 14 лет, дослужился до министра юстиции (1810–1814).

⁵⁶ ...известного писателя... – Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) – писатель, создатель трагедий и комедий в духе классицизма. Директор, а затем куратор Московского университета.

⁵⁷ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, почетный член (1827) и академик (1841) Петербургской академии наук. Один из основоположников русского романтизма.

Сергей Львович огорчил свою мать, Ольгу Васильевну, урожденную Чичерину, женившись на «бесприданнице», Надежде Осиповне Ганнибал⁵⁸. Однако и эта бесприданница получила после смерти отца в Псковской губернии сельцо Михайловское⁵⁹ – в тысячу с лишком десятин. Надежда Осиповна была красива. В свете ее звали «прекрасной креолкой». Она была взбалмошна, ленива и не терпела никаких дел и забот, как и ее супруг.

Родом своей матери Пушкин интересовался не менее, чем отцовским. Он добыл какую-то записку на немецком языке, где излагалась история его прадеда Абрама Ганнибала⁶⁰. Главное в этой записке соответствует действительности и подтверждается иными документами, но кое-что в ней неточно. Сам поэт называл прадеда то негром, то арапом. На самом деле Абрам Петрович Ганнибал родился в Логоне, в Северной Абиссинии, на берегах Мареба, в 1698 году. Отец его был владетельным абиссинским князьком, находившимся в вассальных отношениях к турецкому султану. Восьмилетним мальчиком он попал в качестве заложника в султанский сераль⁶¹. Русский посланник вывез его в подарок Петру I. Царь, будучи в Вильне, крестил его. Абрам Ганнибал (или просто Абрам Петров, как тогда его называли) находился неотлучно при царе, спал у него в токарне, сопровождал его в походах. Сам царь обучал его грамоте и математике. По-видимому, он любил маленького абиссинца. Пушкин рассказал анекдот, который, по его словам, «довольно нечист, но рисует обычаи Петра»: «Однажды маленький арап, сопровождавший Петра I в его прогулке, остановился за некоторою нуждою и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! Из меня кишка лезет!» Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: «Врешь: это не кишка, а глиста!» – и выдернул глисту своими пальцами».

В 1717 году Петр отправил своего воспитанника во Францию, в военное училище, обучаться артиллерии и инженерному искусству. В 1722 году он вернулся в Россию и был назначен на строительные работы в Кронштадт. После смерти царя всесильный Меншиков, страшась его влияний, удалил Ганнибала из столицы куда-то в Сибирь, к китайской границе. После падения Меншикова⁶² Ганнибалу удалось вернуться из ссылки и поселиться под Ревелем. При воцарении Елизаветы он стал возвышаться и богатеть. Умер он девятию годами трех лет в чине генерал-аншефа.

«В семейственной жизни, – пишет Пушкин, – прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка⁶³, родила ему белую дочь⁶⁴». Есть известие, что жену свою он приковал к стене и жестоко истязал ее плетью. Не дождавшись развода, он женился на некоей Христине Шеберх⁶⁵, которая добросовестно нарожала ему немало черных ребят. Старший сын его Иван Абрамович⁶⁶ был

⁵⁸ Ганнибал Надежда Осиповна (1775–1836) – мать Пушкина. Известны ее обращения к Александру I в 1825 г. и Николаю I в 1826 г. с просьбой о помиловании поэта.

⁵⁹ ...эта бесприданница получила после смерти отца в Псковской области сельцо Михайловское... – отец – Ганнибал Осип Абрамович (1744–1806) – третий сын Абрама Ганнибала от второго брака, дед Пушкина, дослужился до чина морской артиллерии капитана 2-го ранга, затем был заседателем псковского Совестного суда, советником Псковского наместнического правления (1778) и советником Петербургского губернского правления (1780). Умер и погребен в Святогорском монастыре.

⁶⁰ Ганнибал Абрам Петрович (до крещения Ибрагим, 1697 или 1698–1781) – прадед Пушкина. В 1742 г. в чине генерал-майора назначен ревельским обер-комендантом, в 1755 г. – Выборгский губернатор, в 1759 г. – генерал-аншеф и директор Ладожского канала.

⁶¹ Сераль – в странах Востока дворец, его внутренние покои и гарем.

⁶² Меншиков Александр Данилович (1673–1729) сын придворного конюха, светлейший князь, сподвижник Петра I.

⁶³ ...родом гречанка... – Евдокия Андреевна Диопер, жена Абрама Ганнибала с 1731 г. (брак расторгнут в 1753 г.).

⁶⁴ ...родила ему белую дочь. – Сведения о дочери Поликсене не подтверждены официальными документами.

⁶⁵ Шеберх Христина-Регина фон (1705–1781) – дочь капитана Перновского полка. В браке с Абрамом Ганнибалом родились сыновья – Иван, Петр, Осип и еще 8 детей.

⁶⁶ Ганнибал Иван Абрамович (1731–1801) – старший из сыновей Абрама Ганнибала от брака с Христиной-Региной фон Шеберх.

моряк, участвовал в Чесменском бою⁶⁷. В 1770 году он взял Наварин. В 1779 году выстроил Херсон.

Дед Пушкина, Осип Абрамович, служил во флоте и женился на Марии Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы. «И сей брак был несчастлив, – пишет Пушкин. – Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене⁶⁸, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь». Эта девочка и была «прекрасная креолка», Надежда Осиповна Ганнибал, мать поэта.

Дед Пушкина умер в 1807 году⁶⁹ в своей псковской деревне от следствий невоздержанной жизни.

II

В 1801 году семейство Пушкиных после поездки в Псковскую губернию и в Петербург поселилось в Москве у Чистых прудов, на углу нынешнего Большого Харитоньевского переулка. Здесь родился весной второй сын, Николай⁷⁰. Сестра поэта⁷¹ родилась в 1797 году. Брат Левушка⁷² – в 1805-м. Бабушка Ганнибал, Мария Алексеевна (ей было тогда шестьдесят лет), покинула свою петербургскую квартиру в Преображенском полку и тоже переселилась в Москву в приход Харитония в Огородниках, значит, рядом со своей дочерью и зятем. Одно время Пушкины проживали во флигеле князя Юсупова⁷³, с которым, как видно, Сергей Львович был связан театральными интересами. У князя на Хомутовке был собственный театр, и Сергей Львович был незаменим в таких делах. В 1803 году Пушкины наняли квартиру опять в приходе Харитония, но уже в доме графа Санти. Бабушка Мария Алексеевна Ганнибал поддерживала кое-как домашний быт беспечных господ Пушкиных. Если бы не эта Мария Алексеевна, да еще няня Арина Родионовна⁷⁴, маленький Пушкин не научился бы говорить по-русски. Родители говорили с детьми по-французски, а французы гувернеры и гувернантки русским языком, конечно, не интересовались.

Изящный Сергей Львович и прелестная Надежда Осиповна с удивлением смотрели на маленького Пушкина. В кого он такой? Это был нескладный, толстый, задумчивый, неповоротливый ребенок. Рассеянность его была удивительна. Однажды на прогулке он отстал от

⁶⁷ Чесменский бой – произошел 26 июня (7 июля) 1770 г. во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

⁶⁸ ...женится на другой жене... – при жизни первой жены в 1779 г. О. Л. Ганнибал женился на Устинье Ермолаевне Толстой (урожд. Шишкина, брак с которой был признан незаконным в 1784 г. и расторгнут).

⁶⁹ ...умер в 1807 году – по другим сведениям, в 1806 г.

⁷⁰ Пушкин Николай Сергеевич (1801–1807) – брат поэта.

⁷¹ Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868) – сестра поэта. В 1828 г. тайком от родителей вышла замуж за Н. И. Павлищева, человека мелочного, постоянно докучавшего Пушкину денежными проблемами, что способствовало охлаждению отношений между братом и сестрой, бывших до этого очень теплыми (ей посвящено одно из первых стих. поэта «К сестре» (1814). Брак не был счастливым, все дети умерли в детстве, кроме Льва Николаевича Павлищева (1834–1915), написавшего «Воспоминания об А. С. Пушкине. Из семейной хроники» (1880), достаточно искаженного и фальсифицированного текста, требующего тщательной проверки по каждому отдельному факту.

⁷² Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852) – брат поэта, отличавшийся весьма легкомысленным характером. Поэтому в письмах к нему Пушкин часто прибегал к назидательному тону. Известны послания и стихи поэта, обращенные к брату.

⁷³ Юсупов Николай Борисович (1750–1831) – князь, московский вельможа, меценат.

⁷⁴ Арина Родионовна Яковлева (1758–1828, по мужу Матвеева) – няня Пушкина, крепостная М. А. Пушкиной. В 1799 г. получила вольную, но осталась у Пушкиных и вынянчила всех детей. Имела своих четверых детей. Умерла в Петербурге у сестры поэта, к которой переселилась в связи с ее замужеством.

родителей и в ленивой задумчивости уселся посреди дороги. В окна глядели на мальчика и смеялись. «Ну, нечего зубы скалить!» – сказал он, вставая. Он был небрежен и терял то и дело носовые платки. Надежда Осиповна прикалывала их к курточке и заставляла провинившегося выходить к гостям с таким постыдным украшением. Родители не любили маленького Пушкина. Он убегал к бабушке Марье Алексеевне и усаживался в корзину, где у нее хранилась шерсть для рукоделия. Старуха учила его грамоте. Она владела прекрасно русской речью, и слог ее писем был замечателен.

Ее сказки открыли Пушкину мир богатырей, колдунов, смешных и глупых царей, великодушных простецов... В лицее, когда ему было уже шестнадцать лет, он вспоминал «блаженный неги час»:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье.
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...
.....
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...⁷⁵

В 1806 году Марья Алексеевна купила под Москвой сельцо Захарово⁷⁶, и летом Пушкины уезжали туда. В деревенской обстановке характер маленького Пушкина заметно изменился. Мальчик стал подвижным, резвым и шаловливым. Такие крайности смущали родителей. Теперь ему было все любопытно – и песни, и хороводы, и рассказы захаровского повара, с которым он тайно подружился. Пушкин убегал в рощу, в поля, воображал себя богатырем и мечтал о приключениях. Он теперь смотрел на мир изумленными глазами. Обыденное удивляло его не менее, чем сказка. Тут в первый раз он узнал страшное – смерть и безумие. Правда, это страшное сочеталось как-то с неожиданной и непонятной улыбкой, но от этого оно становилось еще ужаснее. В усадьбе жила девушка, дальняя родственница Пушкиных. Она была помешана. Думали, что ее можно вылечить испугом. Для этого провели в ее комнату пожарную кишку. Сумасшедшая выбежала в ужасе и, увидев маленького Пушкина,

⁷⁵ «Ах! умолчу ль о мамушке моей...» – из стих. Пушкина «Сон» (1816). Бова – герой народной сказки о Бове-королевиче; Полкан – то же, что и Бова; Добрыня – имя одного из центральных героев русского богатырского эпоса. Основные былины о нем связаны с преданиями о женитьбе князя Владимира и о насильственном крещении Новгорода.

⁷⁶ Захарова – приобретено Марией Алексеевной в 1804 г.

закричала ему: «Братец! Меня принимают за пожар!» Но тот ее успокоил: нет, ее приняли за цветок. Цветок ведь тоже поливают...

Летом 1807 года, в Захарове, заболел братец Николенька. В играх они ссорились и дразнили друг друга, а когда Николенька слег в постель, брат пожалел его и подошел к его кровати с участием, но Николенька показал ему язык. Вскоре он умер. Николеньку отпевали и хоронили в соседнем селе Вязёмах. Не верилось, что этот мальчик так и будет лежать неподвижно и тихо.

Наступила осень. Надо было уезжать в Москву. Там были очередные неприятности – гувернеры и гувернантки. Но зато в Москве есть библиотека отца. Можно забраться туда и, завладев каким-нибудь французским томиком, предаться упоительному чтению. Родителям не приходило в голову мешать этому занятию. А тут как раз на полках стояли счастливые соперники Арины Родионовны и Марии Алексеевны. Те рассказывали такие таинственные истории про колдунов, что у мальчика замирала душа от страха, и он, кутаясь с головою в одеяло, засыпал среди волшебных историй, а здесь, в этих веселых французских книжках, не было ничего таинственного и волшебного. Все было просто, ясно и занято. О всяких тайнах эти книжки говорили с насмешкой, то добродушной, то ядовитой. Кроме того, в этих книжках можно было найти забавные вещи. Из разговоров в лакейской и девичьей Пушкин очень рано узнал то, что в гостиной называли любовью. Об этих соблазнительных вещах во французских книжках говорилось на все лады, смешно и увлекательно. Какой, например, веселый сочинитель Жак Вержье⁷⁷! Он тоже рассказывает сказки, но совсем не так, как Арина Родионовна... Их можно читать на ночь, не боясь привидений. Правда, читать этого забавника Вержье немного стыдно, но папа читал недавно вслух одну его историйку о глупенькой крестьянке, которую обманул жирный монах. Все смеялись и не стыдились. А то вот есть еще Жан Грекур⁷⁸. Он к тому же сам был аббат, значит, духовное лицо – вроде отца диакона Александра Ивановича Беликова⁷⁹, который приходит к Пушкиным учить Закону Божию. Это духовное лицо, Жан Грекур, сочинял такие непристойные историйки, что даже сам Сергей Львович не решался кое-что читать вслух при своей супруге Надежде Осиповне. Но очаровательнее всех, разумеется, Парни. Он был удивительно приятный поэт! Его гладкие, грациозные стихи славили какую-то девицу Элеонору в очень нежных и чувственных выражениях. Он сочинил также «Мадагаскарские песни». Но особенно понравилась Пушкину «Война богов». Эта книжка вышла в Париже в 1800 году и, вероятно, попала в библиотеку Сергея Львовича, а у Василия Львовича была наверное. В этой поэме изображалась борьба языческого Олимпа с христианским миром. Архангелы сражались с античными богами очень смешно. Автор издевался над католической церковью, над таинствами и вообще над святыней. Непристойностей эротических тоже было очень много. У Вольтера их было еще больше. Имя «фернейского крикуна»⁸⁰ не сходило с уст папаши Пушкина. «Девственница»⁸¹ то и дело цитировалась. Вольтеровские насмешливые книги маленький Пушкин читал с жадностью. Он узнал его биографию и живо представлял себе его лицо. Этот образ запомнился навсегда. Даже года за полтора до смерти поэт начал было набрасывать

⁷⁷ Вержье Жак (1657–1720) – французский поэт, известный главным образом своими непристойными сказками, написанными в подражание Ж. Лафонтену. Часто перелагал сюжеты новелл Боккаччо.

⁷⁸ Грекур Жан (прав. Жозеф) (1683–1743) – аббат, поэт, автор сказок, большею частью фривольных.

⁷⁹ Беликов Александр Иванович (ум. ок. 1854) – учитель Пушкина. В 1808 г. издал в своем переводе «Дух Массильёна, епископа Клермонского, или Мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия».

⁸⁰ Фернейский крикун – строка из стих. «Городок» (1915). Так назван М.-Ф. Вольтер – по имени местности Ферней около Женевы, где он прожил последние 20 лет жизни.

⁸¹ «Девственница». – В поэме «Орлеанская девственница» (1735, изд. в 1755) Вольтер в пародийном духе воспроизвел события Столетней войны и историю Жанны д'Арк.

какие-то строки, быть может, к нему относящиеся, о своем «младенчестве бессмысленно лукавом»:

Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зерцалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой...⁸²

Этот плешивый старик с насмешливой улыбкой был, конечно, неслучайно властителем дум. И хотя мысль его, по выражению Пушкина, была в самом деле «зыбкая», однако это была мысль для своей эпохи новая. А главное, он был остроумен. Смеяться было над чем. И нечего было противопоставить вольтеровской шутке. В колдунов Арины Родионовны и в христианскую добродетель своих родителей десятилетний Пушкин уже не верил.

В эти ранние детские годы, когда Пушкин зачитывался Вольтером и когда для него открылся соблазнительный и веселый мир сказочек Лафонтена⁸³, все эти поэты казались ему счастливыми избранниками. Немудрено, что он с любопытством смотрел на живых стихотворцев и писателей, посещавших дом господ Пушкиных. Сергей Львович рассказывал впоследствии про сына: «В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго; во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз». Вскоре Карамзин стал историографом и едва ли навещал московскую гостиную Пушкиных. Зато поэт, подрастая, успел познакомиться здесь, в Москве, с французами-эмигрантами. Среди них был Ксавье де Местр⁸⁴, брат философа⁸⁵, повествователь и художник. Пушкин узнал также И. И. Дмитриева, которого, быть может, он видел и в его садике, где Иван Иванович любил копаться в грядках и где стояли солнечные часы, воспетые В. А. Жуковским, не раз также посещавшего дом Сергея Львовича. Но и Дмитриев в 1809 году удалился из Москвы, получив назначение на пост министра. Остался в Москве дядюшка Василий Львович. Этот всем тогда известный поэт, рыхлый толстяк на тоненьких ножках, несколько кривоносый, очень любивший декламировать свои стихи, несмотря на отсутствие многих зубов, был весьма забавен, но внушал, однако, невольное уважение чрезвычайной своей начитанностью. Его библиотека, которую он вывез из Парижа в 1804 году, была так изысканна и богата, что ей завидовал даже граф Бутурлин⁸⁶, у которого было богатейшее собрание книг в сорок тысяч томов. Обе эти великолепные библиотеки сгорели в 1812 году, когда французы владели Москвой, но Пушкина не было тогда в Москве; он в это время был питомцем Царскосельского лицея.

Поэт довольно наслышался еще в Москве литературных разговоров. Он уже знал, что Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Батюшков⁸⁷, дядюшка Василий Львович и совсем еще юный П. А. Вяземский⁸⁸ ведут борьбу с литературными староверами, с Шишковым⁸⁹, Хво-

⁸² «Я встретил старика с плешивой головой» – строки из чернового наброска «В младенчестве моем, бессмысленно лукавом...» (1835).

⁸³ Лафонтен Луи Ипполит (1807–1864) – французский баснописец.

⁸⁴ Местр Ксавье де (1763–1852) – французский писатель, ученый (автор работ по физике и химии), художник. В Россию эмигрировал в 1800 г. Был директором Морского музея в Петербурге.

⁸⁵ ...Ксавье де Местр, брат философа... – Местр Мари Жозеф де (1753–1821) – французский писатель, философ, идеолог католицизма. В 1802–1817 гг. – посол сардинского короля в России.

⁸⁶ Бутурлин Дмитрий Петрович (1763–1829) – граф, директор Эрмитажа, библиофил.

⁸⁷ Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – поэт, глава анакреонтического направления в русской лирике.

⁸⁸ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – поэт, критик. В 1832–1846 гг. был вице-директором Департамента внешней торговли, затем занимал пост товарища министра народного просвещения и заведовал цензурой.

⁸⁹ Шишков Александр Семенович (1754–1841) – поэт, литературный критик, основатель и вдохновитель «Беседы любителей русского слова». Адмирал. Президент Российской академии (1813–1841), министр народного просвещения и глава

стовым⁹⁰ и прочими ревнителями ветхих литературных традиций. Он, конечно, знал басни и стихи Дмитриева, «Бедную Лизу» Карамзина, переводы Жуковского... К тому сроку, когда пришлось поэту покинуть семью, начитанность его была изумительна. Он прочел уже «Илиаду» и «Одиссею» в переводе Битобе⁹¹. Огромный и могучий мир эллинского эпоса поразил его воображение. Он прочел классиков XVII века. Строгий Корнель⁹² внушил ему почти-тельное удивление. Мольер увлек его своим комедийным вымыслом. Захотелось самому сочинять что-нибудь острое, как Мольер. И он стал сочинять. Маленький драматург стал директором театра. Он же был и актером. Сестра Оля была зрителем. Поэт, подражая отцу, декламировал свои французские пьески. Одну из них, под названием «Похититель», Оля освистала. Но автор утешился, сочинив на самого себя эпиграмму, тоже, разумеется, по-французски: «Скажи, за что партер освистал «Похитителя»?

Увы! За то, что бедный автор похитил его у Мольера». Начитавшись «Генриады»⁹³, он стал сочинять в ее стиле пародийную поэму, где изображалась война карликов и карлиц во времена короля Дагобера⁹⁴. Героя звали Толи. Поэма называлась по его имени «Толиадой». Гувернантка похитила рукопись и принесла ее гувернеру. Француз стал смеяться, прочитав начало. В крайнем гневе поэт бросил в печку свою поэму.

Когда Пушкину исполнилось одиннадцать лет, все уже знали, что он пишет стихи. Однажды в старинном парке с прудами и каналами в голландском стиле при доме Бутурлиных, дальних родственников Сергея Львовича, барышни окружили юного поэта с альбомами, прося его стихов. А когда какой-то гость продекламировал его катрен⁹⁵, исказив размер, Пушкин в отчаянии убежал в библиотеку, где рассеянно разглядывал корешки сафьяновых переплетов, а потом ушел домой в смущении и досаде. Кажется, гувернер Бутурлиных, некий Реми Жилле⁹⁶ (впоследствии директор Ришельевского лицея в Одессе), первый догадался, что этот самолюбивый курчавый губастый мальчик поэт и что его судьба будет необычайна.

Кто были учителями Пушкина? О них мы почти ничего не знаем. Эмигрант граф Монфор, потом какой-то Руссло, писавший плохие стихи и не одобрявший поэтических опытов Пушкина, какой-то Шедель, англичанка мисс Белли и гувернантка Анна Ивановна, впоследствии давшая повод поэту в черновой программе его воспоминаний сделать помету: «Первые неприятности – гувернантки...»

Диакон Александр Иванович Беликов, окончивший Славяно-греко-латинскую академию⁹⁷, учил его русской грамматике и правилам «православного» вероисповедания. Если в лицее Пушкин и преувеличил несколько свое неведение Закона Божия, уверяя в стихах, что он никогда не мог выучить наизусть «Отче наш» и «Богородицу», то все же, вероятно,

цензурного ведомства (с 1824 по 1828 г.).

⁹⁰ Хвостов Дмитрий Иванович (1756–1835) – граф, поэт, с 1807 г. сенатор. Как бездарный стихотворец, стал объектом бесчисленных эпиграмм и пародий.

⁹¹ Битобе (Bitaube) Поль-Жереми (1732–1808) – французский литератор, поэт, переводчик. Его перевод «Илиады» и «Одиссеи» на фр. яз. в 12 томах вышел в 1786 г.

⁹² Корнель Пьер (1606–1684) – один из основоположников классической французской трагедии. В России при Пушкине ставилась трагедия Корнеля «Гораций» (1639). Пушкин Корнеля ценил меньше, чем Расина, среди всех трагедий драматурга ему больше всего нравился «Сид» (1636).

⁹³ «Генриада» – эпическая поэма Вольтера (1728).

⁹⁴ Дагобер (прав. Дагоберт) – французский король VII в. Имя его вошло в поговорку: во времена Дагоберта – значит, очень давно, в сказочные времена.

⁹⁵ Катрен – четверостишие, строфа из четырех строк. Катреном называют также четырехстрочные строфы сонета. Катрен часто используют для надписей, эпиграмм, изречений.

⁹⁶ Жилле Реми Акинфиевич (Петр Иванович, 1766–1849) – директор Одесского Ришельевского лицея, позднее профессор Петербургского главного педагогического института и Царскосельского лицея.

⁹⁷ Славяно-греко-латинская академия – первое высшее общеобразовательное учебное заведение в Москве. Основана в 1687 г.

это признание не так уж было далеко от истины. Диакон Беликов был, по-видимому, одною из тех «духовных особ», которые были по вкусу тогдашним российским дворянам: он умел быть светским, мило спорил с вольнодумцами французами и издал книжку «Дух Массиль-она». Эта книжка отвечала настроениям тех семейств, которые находили приличным отдавать своих детей в католический пансион, где внушались воспитанникам соответствующие идеи. Католические патеры казались более изящными, чем русские попы.

На семейном совете решено было отдать Пушкина в петербургский закрытый пансион отцов иезуитов, где воспитывались дети русских аристократов. Но планы эти неожиданно изменились. Стало известно, что под Петербургом, в Царском Селе, открывается привилегированное учебное заведение на каких-то совсем новых началах и что в это заведение попасть великая честь. Сергей Львович и Надежда Осиповна очень заинтересовались этой «лицеей», как еще тогда называли новое учебное заведение.

По-видимому, первоначальный проект лицея был составлен директором департамента Министерства народного просвещения И. И. Мартыновым⁹⁸ не без руководства и указаний М. М. Сперанского⁹⁹. В основу этого проекта была положена идея чуть ли не Лагарпа¹⁰⁰. Этот проект отвечал либеральным мечтаниям Александра I¹⁰¹, но ко времени его осуществления эти мечтания, как известно, увяли, не расцветши. К тому же Сперанский утратил свое значение и вскоре оказался в опале. Проект попал на утверждение графа А. К. Разумовского¹⁰² и претерпел серьезные изменения. В это время шла борьба между иезуитами и вольнодумцами. В своем доносе 1826 года «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» Булгарин¹⁰³ указывает на мартинистов¹⁰⁴ как на источник той педагогической системы, которая положена в основу лицея. Либералы Александровской эпохи почти все были масонами. Наиболее способный из директоров лицея, Е. А. Энгельгардт¹⁰⁵, член Великой ложи «Астрея», поддерживал эти традиции. После расправы с декабристами (он был тогда в отставке) ему пришлось выступить с полемикой, когда изгнанные из Петербурга иезуиты в заграничной прессе указывали на лицей как на рассадник масонского вольнодумства.

Господам Пушкиным надо было решить, куда отдавать сына – в иезуитский пансион, где, между прочим, начал свое учение П. А. Вяземский, или в этот новый лицей. По-видимому, у легкомысленных родителей поэта не было никаких серьезных мотивов для предпочтения того или другого учебного заведения. Дело было решено благодаря личным отношениям и связям. С директором будущего лицея В. Ф. Малиновским¹⁰⁶ и особенно с его братом, Алексеем Федоровичем¹⁰⁷, начальником московского архива иностранных дел, Пушкин был

⁹⁸ Мартынов Иван Иванович (1771–1833) – директор департамента народного просвещения, эллинист и латинист.

⁹⁹ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – российский государственный деятель, граф. С 1808 г. советник Александра I, автор плана либеральных преобразований. В 1812–1816 гг. в результате интриг противников находился в ссылке, в 1819–1821 гг. – генерал-губернатор Сибири.

¹⁰⁰ Лагарп Жан Франсуа де (1739–1803) – французский драматург и теоретик литературы. Его главное литературно-критическое произведение «Лицей, или Курс древней и новой литературы» в 16 томах. Пушкин долгое время пользовался им как справочным пособием.

¹⁰¹ Александр I Павлович (1777–1825) – российский император с 1801 г.

¹⁰² Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822) – граф, министр народного просвещения (1810–1816).

¹⁰³ Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – журналист, романист, редактор «Северного архива» (1822–1825), «Литературных листков» (1823–1824), создатель «Северной пчелы» (1825–1859), «Сына Отечества» (1825–1839). Пушкин неоднократно давал в эпиграммах и статьях памфлетную характеристику его общественной и литературной позиции.

¹⁰⁴ Мартинисты – последователи французского теософа Сен-Мартена (1743–1803). В его учении политическим идеалом провозглашалась теократическая монархия. Оно пользовалось успехом у русских масонов конца XVIII в. и мистиков-идеалистов первой трети XIX в.

¹⁰⁵ Энгельгардт Егор Антонович (1775–1862) – директор Лицея в 1816–1822 гг.

¹⁰⁶ Малиновский Василий Федорович (1765–1814) – первый директор Царскосельского лицея.

¹⁰⁷ Малиновский Алексей Федорович (1760–1840) – начальник Московского архива Министерства иностранных дел.

знаком. Усердно хлопотал об этом деле А. И. Тургенев¹⁰⁸, который за год до того был назначен директором Департамента духовных дел. Он был, как известно, ревностный «гонитель иезуитов» и даже позднее, к 1815 году, редактировал указ об их официальном изгнании. Так решена была судьба поэта, и он, по счастью, ускользнул от патеров, имевших немалое влияние на своих питомцев.

1 марта Сергей Львович послал прошение о принятии его сына Александра в Царскосельский лицей. Поэт Иван Иванович Дмитриев, он же министр юстиции, зачем-то удостоверил письменно, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса Сергея Львовича Пушкина». По прошению Сергея Львовича Герольдия выдала справку о том, что будущий лицеист «происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб внесен в общий дворянских родов гербовник и высочайше утвержден».

В июне Василий Львович поехал с племянником в Петербург.

Здесь, в Петербурге, началась для Пушкина новая жизнь. В черновых набросках автобиографической программы поэт записал, между прочим, под 1811 годом: «Дядя Василий Львович. – Дмитриев, Дашков¹⁰⁹, Блудов¹¹⁰...» И потом еще: «светская жизнь». Двенадцатилетний Пушкин в обществе благодушного и легкомысленного дядюшки почувствовал себя на свободе. А Василий Львович в это время как раз был в упоении своею славою. Он только что написал «Опасного соседа». Полемика его литературных друзей с Шишковым и его сторонниками была в разгаре. Недавно была напечатана брошюра Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики», где высмеивались литературные староверы. Пушкин, конечно, познакомился у дядюшки с этим ленивым ипохондриком, который оживлялся только в те часы, когда представлялся случай дразнить и уничтожать литературных неприятелей. Очевидно, Пушкин запомнил этого смуглого, красивого и несколько надменного остроумца, будущего деятельного члена «Арзамаса». Очень запомнил он тогда и Д. Н. Блудова, человека с широким образованием и тонким литературным вкусом. «Твой вкус был мне учитель», – писал про него Жуковский. Блудов, скомпрометированный в 1826 году своим участием в следственной комиссии по делу декабристов, тогда еще был вольнодумцем, и отроческий ум поэта был пленен этим российским маркизом, блиставшим остроумиями и «ослепительным фейерверком» идей, как выразился Батюшков.

Василий Львович в это время печатал отдельной брошюрой свои «Два послания» (Жуковскому и Дашкову), где он вел полемику с шишковистами. Автора «Опасного соседа» обвинили чуть ли не в безбожии, и бедный Василий Львович простодушно оправдывается:

Неужель оттого моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?

¹⁰⁸ Тургенев Александр Иванович (1784–1845) – директор Департамента духовных дел и член Комиссии для устройства евреев (1810–1824), поэтому в стих. Пушкина «Тургеневу» (1817) назван «покровителем попов, евреев и скопцов» и «гонитель иезуитов» (как автор указа 1815 г. об изгнании их из России). Камергер, брат декабриста Н. И. Тургенева. Его письма из Парижа Пушкин печатал в «Современнике» (№ I) под заглавием «Хроника русского в Париже».

¹⁰⁹ Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) – один из основателей и активнейших членов литературного общества «Арзамас». С 1826 г. – товарищ министра внутренних дел, с 1832 г. – министр юстиции. Оказал серьезную поддержку Вяземскому и Пушкину, официально возразив на секретную информацию Третьего отделения о политической неблагонадежности кружка Вяземского и литераторов, группировавшихся вокруг «Московского вестника».

¹¹⁰ Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – служил в Министерстве иностранных дел, был министром внутренних дел, министром юстиции, президентом Академии наук и председателем Комитета министров. Пушкин иронизировал над его литературным вкусом и самолюбием, называя «маркизом Блудовым».

В эти три-четыре месяца петербургской «светской жизни» Пушкин, несомненно, при живости его ума вошел в круг интересов тогдашней передовой литературы. Он уже явился в лицей сторонником определенного литературного направления.

12 августа дядюшка повез Пушкина в дом графа А. К. Разумовского, министра народного просвещения. «У меня разбежались глаза, — рассказывает об этом посещении дома Разумовского И. И. Пущин¹¹¹, друг и ровесник Пушкина. — Кажется, я не был из застенчивого десятка, но тут как-то потерялся — глядел на всех и никого не видал. Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. — Я слышу: Александр Пушкин — выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляду...» «При этом передвижении мы все несколько приободрились; начали ходить в ожидании представления министру и начала экзамена. Не припомню кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником...» «Скоро начали вызывать нас поодиночке в другую комнату, где в присутствии министра начался экзамен, после которого все постепенно разъезжались. Все кончилось довольно поздно».

Пущин узнал, что его новый товарищ принят в лицей так же, как и он, когда они встретились в квартире директора В. Ф. Малиновского, куда они должны были явиться для примерки казенных мундиров, треуголок и всего прочего. Пущин жил у своего восьмидесятилетнего дедушки адмирала, на Мойке¹¹², а по соседству, на той же Мойке, проживали и Пушкины, дядюшка и племянник.

Пущин и Пушкин подружились с первых же дней. Они вместе гуляли в Летнем саду, и Пущин очень удивлялся, что его новый приятель успел прочесть так много книг, все помнит и обо всем судит, как взрослый, а между тем нисколько этим не гордится. «Все научное, — рассказывает Пущин, — он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и проч.». «Случалось, точно, удивляться переходам в нем; видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острове, куда возил нас иногда на ялике¹¹³ гулять Василий Львович...»

Итак, Пушкин покинул семейный кров и, кажется, не сожалел об этом. В мае 1811 года ему исполнилось двенадцать лет. Большинство товарищей по лицу были его сверстниками. Только Малиновскому¹¹⁴, сыну директора, было шестнадцать лет, да еще Маслову¹¹⁵ пятнадцать. Троице было по десяти — Корфу¹¹⁶, Корнилову¹¹⁷ и Мартынову¹¹⁸. Прочим двадцати пяти мальчикам было по двенадцать или тринадцать. По своему развитию Пушкин далеко

¹¹¹ Пущин Иван Иванович (1798–1859) — декабрист, близкий друг Пушкина. После окончания лицея вышел в гвардейскую артиллерию, затем занял место надворного судьи в Москве. Был сослан на каторгу, с которой вернулся в 1856 г. Автор «Записок о Пушкине».

¹¹² ...Пущин жил у дедушки-адмирала на Мойке... — Пущина Петра Ивановича (1723–1812).

¹¹³ Ялик — двухвесельная или четырехвесельная шлюпка.

¹¹⁴ Малиновский Иван Васильевич (1796–1873) — лицейский товарищ Пушкина, прапорщик, позднее капитан лейб-гвардии Финляндского полка.

¹¹⁵ Маслов Дмитрий Николаевич (1796–1856) — лицейский товарищ Пушкина. Впоследствии действительный тайный советник.

¹¹⁶ Корф Модест Андреевич (1800–1876) — барон, лицеист первого выпуска, впоследствии государственный секретарь, член Государственного совета, директор Публичной библиотеки.

¹¹⁷ Корнилов Александр Александрович (1801–1856) — лицейский товарищ Пушкина, впоследствии полковник.

¹¹⁸ Мартынов Аркадий Иванович (1801–1850) — сын И. И. Мартынова, лицейский товарищ Пушкина, впоследствии статский советник.

опередил своих новых товарищей. Все это чувствовали. Он явился в лицей с какими-то своими вкусами, мнениями и взглядами. Он как-то по-своему видел и чувствовал все вокруг себя. Его мысли сочетались с каким-то уже недетским опытом. Разгадать его тогдашнее душевное устройство не так легко. Разговоры с бабушкой, сказки Арины Родионовны, песни, которых он слышал немало в Захарове, Гомер¹¹⁹, Корнель, Мольер, Вольтер – все это не исчерпывало душевного опыта поэта. Было еще нечто. Что же это? История. Иные дети живут, не замечая ее. То же бывает и со взрослыми. Пушкин был не таков. Уже в ребяческие годы поэт чувствовал, что он живет в определенный исторический час: он понимал связь настоящего с прошлым и будущим. Он жил не в быту, а в событиях. Он прислушивался к разговорам взрослых об убийстве императора Павла. Сам он не помнил это событие, потому что ему было тогда всего лишь три года. Его сознательная жизнь началась при Александре. Он с изумлением и страхом узнал из тех же вольных разговоров в кабинете Сергея Львовича, что царствующий император знал о заговоре и убийство отца лежит на его совести. Царский трон казался ему запятанным кровью. Страшные рассказы Арины Родионовны о призраках и мертвецах были не страшнее исторических событий. Окружающая мальчика среда также возбуждала его любопытство и недоумение. Из разговоров дворовых он узнал о том, что такое крепостное право. Людей продавали оптом и в розницу. Дворовых наказывали розгами на конюшне. Это были бытовые явления, ему известные. А между тем Жан Жак Руссо утверждал, что человек сам по себе прекрасен и невинен. Значит, все эти несправедливости и жестокости – плод каких-то фатальных ошибок. Во Франции, должно быть, лучше, чем у нас. В 1789 году в Париже, когда Николай Михайлович Карамзин путешествовал по Европе, случилась революция. Там уже нет крепостного права. Короля там тоже нет¹²⁰. Ему отрубили голову в 1793 году, открыто, на площади, в назидание всем гражданам. Потом французы много воевали. Якобинский генерал Бонапарт¹²¹ распоряжался всем очень энергично. В 1803 году дядюшка Василий Львович путешествовал по Европе так же, как Карамзин, и представлялся этому энергичному генералу. Он тогда назывался уже первым консулом. Скоро он стал называться императором Наполеоном. Пушкину тогда исполнилось пять лет. С тех пор это имя звучало непрестанно. Казалось, что весь мир, как замороженный, покорствуется этому чудесному имени. По мере того как все ярче и ярче горела звезда этого удивительного корсиканца, личность императора Александра заметно бледнела. Первые годы царствования, когда все надеялись на какую-то либеральную программу, полуобещанную правительством, были забыты. Все думали о войне. В 1805 году русские, предательски покинутые союзниками-австрийцами, были разбиты под Аустерлицем. В 1807 году Наполеон разбил русских под Фридландом, когда Александр был в союзе с пруссаками. Мир, заключенный в Тильзите¹²², в глазах русских патриотов был постыдным миром.

Пушкин развивался и читал жадно книги в те годы, когда войны уже не было, когда Александр подчинился французской политике, когда внутренние реформы, очень робкие, но дворянам казавшиеся радикальными, проводил М. М. Сперанский, поклонник Наполеона. Реформы, однако, затормозились. Старый знакомый господ Пушкиных, Н. М. Карамзин подал царю записку «О древней и новой России». Александр сделал вид, что он недоволен критикою реформ Сперанского, высказанною так решительно историографом. Но Карамзин

¹¹⁹ Гомер – легендарный древнегреческий эпический поэт, предполагаемый автор «Илиады» и «Одиссеи».

¹²⁰ Короля там тоже нет. – Имеется в виду Людовик XVI (1754–1793) – французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. Был свергнут, осужден Конвентом и казнен.

¹²¹ ...генерал Бонапарт... – Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император. Отношение Пушкина к нему трансформировалось от неприятия как тирана к восприятию его как монументальной исторической фигуры.

¹²² Мир, заключенный в Тильзите... – Тильзитский мир был заключен 25 июня 1807 г. после личных переговоров Александра I и Наполеона I. Россия соглашалась на создание Великого герцогства Варшавского и присоединение к континентальной блокаде.

был не одинок, а тут еще пришлось убедиться, что Сперанский слишком уверен в своих силах и не очень уважает императора. Царскосельский лицей открылся 19 октября 1811 года. К этому сроку участь Сперанского, поклонника французской демократии, была решена. Готовилась новая война с Наполеоном.

Мы теперь знаем, как впоследствии все это многообразие событий отразилось в поэзии Пушкина. Ничто не прошло бесследно. Но стихов 11–12 года у нас нет. Они уничтожены поэтом, а между тем, по собственному признанию Пушкина, муза любила его в младенчестве. О чем он тогда пел? По-видимому, он уже тогда слагал не только мирные песенки фригийских пастухов во вкусе знакомых ему французских поэтов, но «и гимны важные, внушенные богами»¹²³. Эти признания относятся уже к 1821 году:

С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

¹²³ «И гимны важные, внушенные богами». — Здесь и далее цитируется стих. «Муза» (1821).

Глава вторая. Лицей

I

Когда возник впервые проект «особенного лицея», император Александр предполагал поместить в новое учебное заведение своих младших братьев – Николая¹²⁴ и Михаила¹²⁵. Этот демократический план не осуществился, потому что вдовствующая императрица Мария Федоровна¹²⁶ не захотела допустить такой близости своих сыновей с обыкновенными смертными. Император Александр не настаивал на своем желании, а к октябрю 1811 года он уже и сам стал равнодушен к демократическим мечтаниям и всецело был занят подготовкою к войне с Наполеоном, но от первоначального замысла кое-что осталось. Самый выбор помещения во дворце, в бывших апартаментах великих княжон, объясняется намерением Александра воспитывать братьев в среде некоронованных товарищей. Значит, была такая возможность, что будущий вершитель судьбы Пушкина, его лицемерный покровитель и косвенный виновник его смерти Николай Павлович Романов, мог сидеть за одной с ним партой, слушая лекции либерального Куницына¹²⁷. Но этого не случилось, и Николай Павлович мог назвать Пушкина «*mon samarade manque*»¹²⁸, как он называл другого лицеиста – барона Корфа.

Итак, поэту не пришлось свои лицейские годы проводить в обществе будущего императора. И самым близким его товарищем по лицей был непримиримый враг Романовых – будущий декабрист И. И. Пущин. Поэт полюбил лицей и его сады. И немудрено – царско-сельские парки к самом делу дивны. Екатерининский дворец, построенный Растрелли¹²⁹, не мог не очаровать поэта. Здесь, в парке, посреди пруда, видел он воздвигнутую Екатериной колонну в память Чесменской битвы, в которой участвовал Иван Абрамович Ганнибал; здесь бродил он среди мраморных статуй, напоминавших ему статуи московского юсуповского сада; здесь «весной, при кликах лебединых, близ вод, сиявших в тишине»¹³⁰ являлась поэту муза, которая, по его признанию:

Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны...

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие лицея. Приехали царь, обе царицы¹³¹ и великие князья. Все было очень пышно. Приглашены были министры и прочие сановники. После обедни и молебна в дворцовой церкви началось торжество. Стоял,

¹²⁴ Николай – будущий император Николай I (1796–1855), вступил на престол в 1825 г.

¹²⁵ Михаил – сын Павла I, великий князь Михаил Павлович (1798–1849).

¹²⁶ Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, 1759–1828) – принцесса Вюртембергская, жена (с 1776 г.) российского императора Павла I.

¹²⁷ Куницын Александр Петрович (1783–1840) – адъюнкт-профессор (1811–1816). В 1838 г. стал председателем Комитета для надзора за печатанием собрания законов.

¹²⁸ Тот, кто мог бы быть моим товарищем. (Перевод Г. Чулкова.)

¹²⁹ Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (1700–1770) – русский архитектор, представитель барокко; создатель Екатерининского дворца в Царском Селе (1752–1757) и др.

¹³⁰ «...весной при кликах лебединых...» – из романа «Евгений Онегин» (8-я глава).

¹³¹ ...обе царицы – Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа, 1779–1826) – императрица с 1801 г., жена Александра I.

конечно, стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На нем лежала особая государственная грамота, дарованная лично. Ее прочел тонким, дребезжащим голосом И. И. Мартынов, один из составителей Лицейского устава, замечательного, между прочим, тем, что в нем были впервые запрещены телесные наказания. В других учебных заведениях секли мальчиков и до и после основания царскосельского педагогического Эльдорадо¹³². После Мартынова выступил директор лицея В. Ф. Малиновский. Этот статский советник был так перепуган торжественной обстановкой, что едва смог прочесть слабым голосом, путаясь, приготовленную речь, не им сочиненную. Зато с большим пафосом прочел свою речь «профессор политических наук», окончивший свое образование в Европе, А. П. Куницын, к которому обращены были Пушкиным в 1825 году лестные слова:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.¹³³

Речь Куницына была в напыщенном старомодном стиле, но всем показалась очень либеральной. Адьюнкт-профессор¹³⁴ говорил о «существовании гражданских обязанностей», о «благах целого общества», о «причинах благоденствия и упадка государств». Само собою разумеется, что было сказано нечто о гражданской добродетели, и это словечко прозвучало как намек на французскую идею 1789 года. Но самое замечательное было то, что в речи вовсе не был упомянут царствующий император. Александр одобрил вольнодумца и наградил его на другой же день орденом Св. Владимира четвертой степени¹³⁵, рассчитывая, очевидно, на смягчение таким способом его якобинского духа.

Потом был обед – у царей и сановников. Лицеистов также повели в столовую, несколько позднее, и цари пришли смотреть, как утоляют свой голод питомцы лицея. Императрица Мария Федоровна подошла к десятилетнему Корнилову и, опираясь на его плечи, чтобы не вставал, спросила его с немецким акцентом: «Карош суп?» – на что растерявшийся мальчуган ответил почему-то по-французски: «Уи, мосье!», как будто коронованные особы женского пола утрачивают женственность.

Все эти смешные подробности не ускользнули от внимания Пушкина. Он, наверное, заметил, как и его новый приятель Пущин, что цари были воспитаны не очень хорошо. Наследник Константин¹³⁶ у окна щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну¹³⁷; потом подвел ее к Гурьеву¹³⁸, своему крестнику, и, стиснув ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернув нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту моську...» Этот Гурьев был единственный из тридцати первых лицеистов, не успевший кончить курса: его исключили из лицея

¹³² Эльдорадо (*исп.* el dorado, букв. – золоченый, золотой) – мифическая страна, богатая золотом и драгоценными камнями, которую искали на территории Латинской Америки испанские завоеватели.

¹³³ «Куницыну дань сердца и вина!» – из черновых набросков послания «19 октября 1825 года».

¹³⁴ Адьюнкт-профессор – научный работник, являющийся заместителем профессора.

¹³⁵ Орден Св. Владимира четвертой степени – большая часть орденов царской России имела четыре степени: высший – 1-й степени – носили на широкой ленте, перетягиваемой через плечо, ордена 2-й степени носили на шее, ордена 3-й и 4-й степеней прикрепляли к петличке.

¹³⁶ Константин Павлович (1779–1831) – великий князь. После смерти Александра как старший из детей Павла I должен был унаследовать престол, но отказался в пользу своего брата Николая.

¹³⁷ Анна Павловна (1795–1865) – великая княжна, сестра Александра I и Николая I, жена принца Оранского.

¹³⁸ Гурьев Константин Васильевич (1800 – не ранее 1833) – лицеист первого курса, исключенный из лицея. В 1833 г. – 2-й секретарь русского посольства в Константинополе.

в 1813 году за склонность к мужеложеству, что, конечно, не помешало ему впоследствии надеть кавалергардский¹³⁹ мундир.

Вечером был десерт. Горели плошки вокруг лица, и на балконе – щит с вензелем Александра Романова. Для лица был отведен просторный четырехэтажный дворцовый флигель. В верхнем этаже были дортуары, устроенные так, что для каждого воспитанника была отдельная комната. На дверях одной из них было написано на особой дощечке: «№ 14. Александр Пушкин». На соседней двери: «№ 13. Иван Пущин». Перегородка была тонкая, и, когда мальчики ложились спать, можно было переговариваться. Началась лицейская жизнь. Через несколько дней лицеисты узнали, что их не будут отпускать домой вовсе и что в этом заточении предстоит им быть шесть лет. Это была для многих мрачная и неожиданная новость. Но Пушкину было все равно. Впрочем, строгость этого режима, придуманная министром Разумовским, впоследствии смягчилась, и лицейское заточение вовсе не было монастырским, хотя Пушкин в своих ранних стихах называл свою комнату кельей, а себя монахом.

Какая же учебная программа была в лицее? В ней было немало странностей. Ее составители как будто не знали, что на партах будут сидеть десятилетние ребята и шестнадцатилетние молодые люди. Возраст, развитие, запас знаний – все было неодинаково в этой толпе дворянских ребят и недорослей. Первоначально программа была рассчитана на курс, равный университетскому. При этом она была энциклопедична. Чего только не было в этой программе: и греческий язык, и химия, и астрономия! Многообразие дисциплин испугало министра Разумовского. К тому же Жозеф де Местр, мечтавший о насаждении католицизма в России, писал ему письмо за письмом, убеждая в зловредности вольнодумной программы. Это вмешательство знаменитого философа-реакционера в дела русского Министерства народного просвещения было чрезвычайно характерно для эпохи идейных колебаний александровского правительства. Под влиянием Жозефа де Местра программа была сокращена. И тем не менее она была весьма разнообразна. Весь курс разделялся на трехлетний начальный и трехлетний окончательный. В первое трехлетие изучались русский, латинский, французский и немецкий языки, основы Закона Божия, нравственной философии и логики, арифметики, алгебры, тригонометрии, физики, история российская и иностранная, география, хронология, риторика и, наконец, изящные искусства, соединенные в один отдел с «гимнастическими упражнениями». В программе окончательного курса кроме перечисленных предметов имелись еще право естественное, публичное, гражданское, история церкви, иффика, или «наука нравов», политическая экономия, геометрия, статика, гидравлика, артиллерия, фортификация, археология, статистика, история философии, нумизматика, эстетика, история изящных искусств... Сочетание столь различных дисциплин не могло, конечно, привести к солидности и систематичности знаний. И вся эта громоздкая программа заранее была обречена на неудачу.

Кому же поручили проводить в жизнь эту эклектическую учебную программу? Кто были учителями Пушкина?

Директором назначили Василия Федоровича Малиновского. Его рекомендовал Сперанский. Малиновскому было тогда сорок шесть лет. Он был сын протоиерея, служившего при Московском университете, и женат был на дочери тоже протоиерея¹⁴⁰, небезызвестного вольнодумца Самборского¹⁴¹, бритого человека, со светскими манерами, занимавшего должность посольского священника в Лондоне. Малиновский, окончив Московский университет, служил в Коллегии иностранных дел и одно время жил в Англии в качестве чиновника

¹³⁹ Кавалергарды – почетная стража и телохранители лиц императорской фамилии в России в особо торжественных случаях.

¹⁴⁰ В. Ф. Малиновский был женат на дочери протоиерея... – Софье Андреевне Самборской (1772–1812).

¹⁴¹ Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815) – протоиерей, законоучитель великих князей Александра и Константина Павловичей.

русского посольства, а перед назначением на пост директора лицея был директором дома трудолюбия при так называемом филантропическом комитете. Любопытно, что этот Малиновский был автором книги «Рассуждение о мире и войне». Эта книга представляла проект вечного мира. Малиновский предлагал учредить некий международный трибунал наций, где должны были решаться все спорные вопросы международной политики. Впоследствии, будучи на Юге, Пушкин интересовался идеей вечного мира, которую защищал в XVIII веке аббат Сен-Пьер¹⁴². Возможно, что поэт знал также и труд первого лицейского директора и вспоминал о нем, когда вел беседы на эту тему в Кишиневе в доме М. Ф. Орлова¹⁴³.

Малиновский воспитался на идеях Новикова¹⁴⁴ и мартинистов. Он подавал правительству записку с проектом освобождения крестьян. Он был типичным представителем гуманизма, соединенного с пиетизмом¹⁴⁵. Изучив еврейский язык, Малиновский перевел, между прочим, несколько книг Библии. Как педагог, он отличался мягкостью и кротостью, и его сын, по-видимому, совсем не был похож на отца, если верить Пушкину, который называл его в стихах «повесой из повес». Этот «на шалости рожденный, удалый хват, головорез» получил в лицее за свое удалство прозвище Казак. Он был связан с Пушкиным прочною дружбою.

Ближайшим помощником Малиновского был Николай Федорович Кошанский¹⁴⁶. В 1811 году ему было всего лишь тридцать лет, но за ним числились уже немалые академические заслуги. Он окончил философский факультет Московского университета, получив золотую медаль и позднее ученую степень доктора. У него был целый ряд филологических работ, переводов и учебников. Он знал несколько языков, хотя говорил по-французски худо, забавляя лицеистов своим дурным выговором. Он преподавал латинский язык и русскую словесность. Его «Регорика» для своего времени была не так плоха, и не его вина, что материал, которым он пользовался, уже казался старым, ветхим и бледным, потому что явились Батюшков, Жуковский и Пушкин.

Кошанский, так же как Малиновский, воспитался на идеях мартинистов и был бы вполне добродетельным масоном, если бы не одна слабость – он был алкоголиком: в 1814 году он даже заболел «белой горячкой» и прохворал более года. Пушкин в 1815 году написал Кошанскому послание «Моему Аристарху»¹⁴⁷, где добродушно трунил над педантизмом ученого старовера. На время болезни Кошанского назначен был в лицей для преподавания словесности и латинского языка юноша двадцати одного года Александр Иванович Галич¹⁴⁸. Этот семинарист, сын дьячка, как способный ученик, попал в Петербургский педагогический институт, и в 1808 году его отправили за границу к профессору-кантианцу Шульце¹⁴⁹. В Геттингене Галич увлекся Шеллингом¹⁵⁰. Вернувшись в 1813 году в Петер-

¹⁴² Сен-Пьер (1658–1743) – аббат, автор многочисленных политических проектов, член Французской академии, автор книги «Проект вечного мира» (1716), основанного на принципах договоренности великих держав.

¹⁴³ Орлов Михаил Федорович (1788–1842) – общественно-политический деятель, генерал-майор, участник войны 1812–1814 гг. После декабрьского восстания 1825 г. был арестован, но благодаря хлопотам брата Н. Ф. Орлова заключен в крепость на полгода, а затем уволен со службы и отдан под надзор полиции.

¹⁴⁴ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – журналист и общественный деятель, один из вождей либерального фланга русского масонства, редактор-издатель сатирико-публицистических журналов и редактор многих периодических изданий.

¹⁴⁵ Пиетизм – своеобразное религиозное течение, возникшее в среде протестантизма в конце XVII в.

¹⁴⁶ Кошанский Николай Федорович (1781–1831) – профессор российской и латинской словесности в Лицее (1811–1828). Под его влиянием Пушкин стал читать Оссиана в русском переводе.

¹⁴⁷ Аристарх Самофракийский (II в. до н. э.) – филолог, грамматик. В нарицательном значении – строгий, но справедливый критик.

¹⁴⁸ Галич Александр Иванович (1783–1848) – профессор российской и латинской словесности. После ухода из Лицея стал в 1819 г. профессором Петербургского университета, но вскоре, обвиненный в атеизме, вынужден был покинуть кафедру.

¹⁴⁹ Шульце Готлиб Эрнст (1761–1833) – профессор философии в Геттингене.

бург, он получил назначение в Педагогический институт¹⁵¹ в качестве адъюнкт-профессора. В Царскосельском лицее Галич отнесся к своим обязанностям довольно свободно. Его преподавание сводилось к вольнодумным беседам и к чтению книг, не имевших никакого отношения к учебной программе. Изредка он вспоминал о Корнелии Непоте¹⁵² и говорил добродушно: «Ну, потреплем старика!..» С лицеистами он держал себя как товарищ, и Пушкин посвятил ему два послания¹⁵³, любезные и дружеские. По-видимому, Галич оценил талант Пушкина, но поэт, кажется, остался равнодушным к шеллингианству своего молодого учителя. По крайней мере, в обоих посланиях ни звука о Шеллинге, да и вообще о философии, и Галич в них изображен как милый собутыльник поэтов. Все эти вакхические строки очень мало отвечали действительности, и, вероятно, воспетые Пушкиным пиры сводились к скромному пирогу и бутылкам пива, которыми угощались лицеисты и добродушный Галич в небольшой комнатке, отведенной начальством молодому профессору. Любопытно то, что прочие преподаватели почти все были слушателями Геттингенского университета: А. П. Куницын, математик Карцов¹⁵⁴, историк Кайданов¹⁵⁵... Все они были ревнителями традиций Новикова. Образованных преподавателей в тогдашней России можно было пересчитать по пальцам, выбора не было, а в лицее хотели воспитать новое поколение дворян, годных для ответственной государственной службы. По первоначальному замыслу в лицее должны были учиться дети титулованных богачей, но на деле большинство лицеистов было из семейств небогатых и вовсе не знатных. Все тридцать лицеистов вскоре разбились на кружки, объединенные общими вкусами и настроениями, причем сказалось, разумеется, и социальное происхождение юношей.

Немецкий язык и немецкую словесность преподавал профессор Гауеншильд¹⁵⁶, уроженец Трансильвании. Как это ни странно, но преподавание немецкой литературы шло на французском языке, так как из лицеистов почти никто не знал немецкого языка, а Гауеншильд не очень хорошо владел русским. Этот австрийский выходец был рекомендован Сперанскому как уважаемый масон, и Сперанский предполагал при его помощи устроить специальную ложу, куда хотел привлечь русских архиереев и попов, склонных к реформации. Этот странный проект относится к 1810 году. Но Сперанский не успел его осуществить, и «первому мастеру» Гауеншильду пришлось воспитывать не русских попов, а дворянских недорослей.

У этого Гауеншильда была неприятная привычка всегда жевать лакрицу¹⁵⁷, что дало повод лицеистам сложить насмешливый и непочтительный куплет, ему посвященный.

Такой подбор преподавателей отвечал планам Сперанского, но любопытно, что тогдашний министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский в 1810 году уже разочаровался в масонстве и, будучи поклонником иезуитов, почитал Жозефа де Местра высоким философом. Непонятно, каким образом Разумовский, не любивший Сперанского, примирился с таким составом преподавателей. Впрочем, граф Разумов-

¹⁵⁰ Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854) – немецкий философ, развивал принципы объективно-идеалистической диалектики природы как живого организма.

¹⁵¹ Педагогический институт – высшее педагогическое закрытое учебное заведение в Петербурге, существовал с 1804 по 1816 г., затем преобразован в Главный педагогический институт.

¹⁵² Непот Корнелий (индивидуальное имя не сохранилось, ок. 100 – после 32 до н. э.) – римский писатель, друг Катутеллы и Цицерона.

¹⁵³ ...два послания... – «Послание к Галичу» и «К Галичу» (оба 1815).

¹⁵⁴ Карцов (прав. Карцев) Яков Иванович (1780-е гг. – 1836) – профессор математики и физики в Лицее (1811–1836). Ему адресована эпиграмма «Поверь, тебя измерить разом немудрено, Черняк», ошибочно приписываемая Пушкину.

¹⁵⁵ Кайданов Иван Кузьмич (1782–1845) – профессор истории в Лицее.

¹⁵⁶ Гауеншильд Федор Матвеевич (Фридрих-Леопольд-Август, 1780–1830) – профессор немецкого языка и словесности в Лицее, преподававший на французском языке. В 1814–1816 гг. исполнял обязанности директора Лицея.

¹⁵⁷ Лакрица – солодковый корень. Используется в лекарствах и напитках (портер), обладает специфическим вкусом.

ский, человек образованный и широкий, в это время больше был занят своими фаворитами, чем министерством. В эти годы он был слишком ленив, чтобы вообще чем-нибудь заниматься.

Едва ли не самым своеобразным преподавателем в лицее был профессор французской литературы де Будри¹⁵⁸. Его звали на русский лад Давидом Ивановичем. Настоящая его фамилия была Марат¹⁵⁹. Он был родным братом знаменитого якобинца. Давид Иванович очень гордился таким своим родством. Однажды он сказал в классе: «Это Робеспьер¹⁶⁰ втайне настроил Шарлотту Корде¹⁶¹ и сделал из этой девки второго Равальяка¹⁶²». Впрочем, по словам Пушкина, «Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный». В самом деле, кроме чинов и орденов этот Марат то и дело получал от коронованных особ табакерки и бриллиантовые перстни. Выписал его в Россию из Швейцарии для воспитания своих детей камергер В. П. Салтыков. Удивляться этому не приходится: у графа Строганова¹⁶³ воспитателем был известный Ромм¹⁶⁴, впоследствии член Конвента, гильотинированный во время термидора.

Итак, состав лицейских преподавателей был не по вкусу Жозефу де Местру: все они были врагами иезуитов. Впоследствии Куницына и Галича обвиняли даже в атеизме. И у самого Пушкина в его черновой автобиографической программе есть эти два словечка – «иезуиты» и «мартинизм». Очевидно, он давал себе отчет о характере той педагогической среды, где ему пришлось провести шесть лет.

В той же черновой программе у Пушкина есть еще помета, как раз после словечка «мартинизм»: «Мы прогоняем Пилецкого¹⁶⁵». Кто же этот Пилецкий?

Мартын Степанович Пилецкий-Урбанович был «первым надзирателем по учебной и нравственной части». И он, как большинство лицейских педагогов, слушал лекции в Геттингенском университете. Вернувшись в Россию, служил он «переводчиком при ученом собрании Академии наук». В лицее он пребывал только два года. Малиновский ему покровительствовал, но Пилецкий не был человеком такого склада, как прочие лицейские преподаватели и воспитатели. Судя по тому, что впоследствии Пилецкий оказался членом хлыстовского кружка Татариновой¹⁶⁶, он был мистик и фанатик очень темного толка.

Это был худощавый, высокий человек с лихорадочно горящими глазами, мягкой кошащей походкой, язвительной улыбкой на губах. Под видом отеческой нежности он скрывал недоброе отношение к лицеистам. Юношам он казался «каким-то привидением из другого

¹⁵⁸ Будри Давид Иванович де (1756–1821) – профессор французской словесности в Лицее (1811–1821), брат Ж. П. Марата, приехавший в Россию в 1784 г.

¹⁵⁹ Марат Жан Поль (1743–1793) – один из лидеров Великой французской революции.

¹⁶⁰ Робеспьер Максимилиен (1758–1794) – деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев. Для Пушкина Робеспьер воплощение стихии революционного террора.

¹⁶¹ Корде Шарлотта (1768–1793) – дворянка, убившая Ж. П. Марата. Казнена по приговору революционного трибунала. В стих. Пушкина «Кинжал» предстает героической женщиной, призванной уничтожить кровавого палача.

¹⁶² Равальяк (1578–1610) – религиозный католик-фанатик, убийца французского короля Генриха IV (1553–1610).

¹⁶³ Строганов Павел Александрович (1774–1817) – граф, единственный сын графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811), вельможи, известного собирателя произведений искусства.

¹⁶⁴ Ромм (прав. Ром) Жильбер (1750–1795) – француз, приехавший в Россию в качестве воспитателя и оставшийся здесь до 1787 г.

¹⁶⁵ Пилецкий-Урбанович Мартын Степанович (1780–1859) – инспектор и надзиратель в Лицее в 1811–1813 гг., титулярный советник, автор брошюры «О хлыстах». (Хлысты (христововеры) – секта духовных христиан. Возникла в России в кон. XVII – нач. XVIII в. Ее последователи считают возможным прямое общение со Св. Духом, воплощение Бога в праведных сектантах «христах», «богородицах». На радениях доводят себя до религиозного экстаза.)

¹⁶⁶ Татаринова Екатерина Филипповна (1783–1856), урожд. баронесса фон Буксгевден – глава великосветской общины хлыстов, вдова героя Отечественной войны. Получила казенную квартиру в Михайловском замке, где в 1818–1824 гг. кружились в белых одеждах, пели, пророчествовали и исцелялись высокопоставленные особы.

мира». Его не понимали и не любили. Заметили, что этот загадочный и мрачный человек как-то странно фамильярен с сестрами лицеистов, когда они посещали лицей. Это дало повод для возмущения. Пушкин был одним из вожakov бунта. Лицеисты заявили Пилецкому, что все покинут лицей, если он не откажется от должности «первого надзирателя по учебной и нравственной части». Дело могло бы принять дурной оборот, если бы директор Малиновский не сообразил, что лучше уладить этот скандал мирно, удалив подозрительного воспитателя.

Младшим надзирателем был брат Пилецкого Илья¹⁶⁷, ничем не примечательный, кроме своей неграмотности. Вторым воспитателем был А. Н. Иконников¹⁶⁸. Он прослужил один лишь год и был уволен за склонность к хмельным напиткам. Пушкин после его отставки был у него. «Вчера, – пишет Пушкин в дневнике 1815 года, – провел я вечер с Иконниковым. Хотите ли видеть странного человека, чудака, – посмотрите на Иконникова. Поступки его поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату: видите высокого, худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит, задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки – он дико смотрит на вас – вы ему близкий знакомый, вы ему родственник или друг – он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя – он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевым голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчивает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним графин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодарениях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеянье, ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарования, пишет изрядно стихи и любит поэзию; вы читаете ему свою пьесу – наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда».

К этому списку лицейских педагогов надо еще присоединить Калинича¹⁶⁹, учителя чистописания. Этот педагог, не отличавшийся ни умом, ни образованием, любил говорить высокопарно, выступал «с сенаторской осанкой», на его физиономии появлялась иногда презрительная усмешка, так как он, по-видимому, свысока смотрел на все человечество, и это очень забавляло лицеистов.

Учителем рисования был Чириков¹⁷⁰. Он же исполнял обязанности гувернера. У него было прозвище Герой Севера в честь сочиненной им поэмы с таким названием. Этот простой и душевный стихотворец и посредственный рисовальщик обладал ровным и приятным характером. Лицеисты относились к нему дружелюбно и нередко собирались у него в квартире для чтения стихов.

Что касается батюшек-законоучителей, то они, по-видимому, не имели серьезного влияния на лицеистов: протоиерей-царедворец Н. В. Музовский¹⁷¹ занят был придворными

¹⁶⁷ Пилецкий-Урбанович Илья Степанович (1786 – не ранее 1835) – гувернер Царскосельского лицея. Позже помощник директора Дома воспитания бедных детей, коллежский советник.

¹⁶⁸ Иконников Алексей Николаевич (1789–1819) – внук знаменитого актера Дмитревского, в 1811–1812 гг. – гувернер в Лицее.

¹⁶⁹ Калинич Фотий Петрович (1788–1855) – учитель чистописания в Лицее.

¹⁷⁰ Чириков Сергей Гаврилович (1776–1853) – гувернер и учитель рисования в Лицее.

¹⁷¹ Музовский Николай Васильевич (1772–1848) – законоучитель православного вероисповедания в Царскосельском лицее.

делами больше, чем лицеем. Его заменял одно время священник Г. П. Павский¹⁷², тоже состоявший при царях, который по части религиозного вольномыслия мог соперничать с преподавателями-мартинистами и которого впоследствии обличал в ереси московский митрополит Филарет¹⁷³. Пушкин отметил неодобрительно в своем дневнике 1835 года эти обличения Филарета: поэт ценил в Павском ученого-филолога, противника Шишкова, и, быть может, поверил Жуковскому, что сентиментальная «религия сердца» придворного попа лучше церковной суровости Филарета: Пушкин всегда был равнодушен к богословским вопросам.

Таковы были учителя и воспитатели поэта. Какую библиотеку он нашел в лицее? Какие книги он читал? В 1811 году библиотека была небогата: книги (опись которых мы теперь знаем) поступили из Александровского дворца и из так называемых яшмовых комнат императрицы только в 1817 году. Все авторы, перечисленные поэтом в его послании «Городок», известны были Пушкину еще до лица, и новые книги он получал из частных рук. Возможно, что до официальной передачи в лицей дворцовой библиотеки лицеисты ею пользовались. По-видимому, родственники и знакомые также доставляли книги лицеистам без всякой цензуры со стороны начальства. По крайней мере, Пушкин в своих посланиях, даже обращенных к педагогам, откровенно называет имена вольнодумных писателей, а также эротических стихотворцев, иногда вовсе непристойных. В те годы ни в одном учебном заведении не было такой свободы, как в лицее. Журналы и газеты, русские и иностранные, были представлены в лицее довольно щедро, и юноши следили прилежно за литературными новинками и политическими известиями.

II

В первые же дни лицеистам стал доступен царскосельский парк. Здесь, между прочим, недалеко от мраморного мостика была та лужайка, которая сохранила название Розового поля, хотя давно уже на ней не росли розы, посаженные при Екатерине. Весною 1821 года Пушкин, в одном из вариантов «Гавриилиады», вспоминает этот уголок Царского Села:

Вы помните ль то Розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Граф Брольо был отважнее, сильнее;
Комовский же проворнее, хитрее;
Нескоро мог решиться жаркий бой —
Где вы, лета забавы молодой!

Кто это Бролио¹⁷⁴? Кто Комовский? Сильвестр Францевич Бролио, или Броглио, шевалье де Касальборгоне, ровесник Пушкина, — потомок знатных, но уже обнищавших сардинских графов. Его отец попал в Россию во время Большой революции как эмигрант. Последний по успехам в науках и первый по шалостям, Сильвестр Бролио внушал, кажется,

¹⁷² Павский Герасим Петрович (1787–1863) — протоиерей, профессор богословия Петербургского университета, профессор Петербургской духовной академии, крупный филолог. Был отстранен от преподавания вследствие доноса митрополитов Филарета и Серафима.

¹⁷³ Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782–1867) — митрополит Московский с 1826 г. Перефразировал стихи Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» — в «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана», что вызвало ответ Пушкина «В часы забав и праздной скуки» (1830).

¹⁷⁴ Бролио (прав. Броглио) Сильвестр Францевич (1799—1820-е гг.) — граф Шевалье де Касальборгоне, лицейский товарищ Пушкина, участник греческого национально-освободительного движения.

Пушкину некоторую симпатию. По окончании лицея Бролио уехал за границу и был участником пьемонтской революции¹⁷⁵, очевидно, не разделяя убеждений своего отца-легитимиста¹⁷⁶.

Сергей Дмитриевич Комовский¹⁷⁷ не был так простодушен, как Бролио. У него было прозвище Лиса за хитрость и Смола за странную привычку приставать неотвязно к товарищам или к воспитателям по самым разнообразным поводам. Он сам сознавал в себе эту странность. Он также брал на себя роль моралиста и не стыдился жаловаться гувернерам на поведение товарищей. Ему, однако, все это почему-то прощали.

На Розовом поле Пушкин играл в мяч, в лапту и занимался борьбой, причем очень страдал, если его побеждали в состязании. Он был самолюбив и запальчив. Вот почему, укладываясь спать, приходилось ему стучать в стенку тринадцатой комнаты и совещаться с Пушиным о своих столкновениях и обидах, настоящих и мнимых. Приятель его утешал.

Пушкина не очень любили: обижала его насмешливость, его вспыльчивость и, главное, то, что он был не такой, как все. Позднее, когда поверили в его исключительный талант, примирились с его странностями и даже гордились им.

Впрочем, некоторые с первых же дней угадали в нем поэта и признали его превосходство. Илличевский¹⁷⁸, бойкий стихотворец, считавшийся в лицее соперником Пушкина, писал в марте 1812 года одному приятелю, что он видит теперь непростительные ошибки в своих стихах: ему указал на них товарищ, у которого «много в поэзии знаний и вкуса» и который жил «между лучшими стихотворцами». Тут же он сообщает, что в лицее «запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкой».

Запрет на поэтические опыты был вскоре отменен. Однажды после класса Кошанский сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». У всех стихи не клеились, и только Пушкин прочел два катрена, которые всех восхитили. Но Илличевский все еще пользовался успехом. Он писал басни и эпиграммы. В день его рождения хором спели ему кантату:

Слава, честь лицейских муз,
О, бессмертный Илличевский!
Меж поэтами ты туз!..

Был в лицее еще один поэт, странный неудачник, чья судьба была так значительна и чей характер был так трагикомичен. Это Вильгельм Карлович Кюхельбекер¹⁷⁹ – постоянная мишень для школьных насмешек, слагатель плохих стихов с гениальными иногда строчками, будущий участник декабрьского восстания. Это тот Вильгельм, которого Пушкин в своих «Пирующих студентах»¹⁸⁰ просит прочесть стихи, чтобы «заснуть скорее». И это тот же поэт, к которому обращена знаменитая строфа пьесы «19 октября 1825 года»:

¹⁷⁵ Пьемонтская революция. – Имеется в виду революционный заговор 1820 г. в Пьемонте (область на северо-западе Италии с центром – Турин), явившийся частью национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства за объединение раздробленной Италии. Во главе его стояли члены тайного общества карбонариев. Был подавлен австрийскими войсками по указанию Священного союза в 1821 г.

¹⁷⁶ Легитимист – сторонник т. н. легитимной, то есть законной, династии монархов, монархист.

¹⁷⁷ Комовский Сергей Дмитриевич (1798–1880) – товарищ Пушкина по Лицею, где получил прозвище Фискал, Смола, Лисичка-проповедница. Позднее служил в Департаменте народного просвещения.

¹⁷⁸ Илличевский Алексей Демьянович (1798–1837) – лицейский товарищ Пушкина, поэт. В 1827 г. издал сборник стихотворений «Опыты в антологическом роде».

¹⁷⁹ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846) – русский поэт, декабрист. Участник восстания на Сенатской площади. Приговорен к тюремному заключению и вечной ссылке. В заключении написал «Дневник».

¹⁸⁰ «Пирующие студенты» – стих. написано в 1814 г.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Кюхельбекер был самым плодовитым стихотворцем лицея. Длинный и нескладный, «как-то странно извивавшийся всем телом», с пылким сердцем и необузданной вспыльчивостью, «почти полупомешанный», на взгляд иных прозаических товарищей, он был постоянным героем карикатур, и, однако, в этом чудаке было настоящее поэтическое вдохновение, которое, к несчастью, оставалось невоплощенным. На бедного поэта сыпались лицейские эпиграммы слишком обильно и часто без достаточных оснований. Ему даже был посвящен рукописный сборник «Жертва Мому»¹⁸¹.

Увлечение стихами сказалось, между прочим, в сочинении куплетов, которые в лицее назывались «национальными». Их сочиняли общими силами экспромтом и распевали хором. Иные из этих катренов записал Пушкин. Среди них есть строки по адресу Кюхельбекера:

А Вильмушке поэту
Стихи писать грешно.

Есть куплет, посвященный самому Пушкину, где пародируется восклицание математика Карцова:

А что читает Пушкин?
Подайте-ка сюды!
Ступай из класса с богом,
Назад не приходи.

Настоящей нежной любовью поэта пользовался барон Антон Антонович Дельвиг¹⁸². Этот сонный ленивец умел иногда очаровать товарищей своими рассказами, исполненными живости и воображения. Он первый угадал в Пушкине гения, и Пушкин отплатил ему признанием в нем лирической прелести:

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел...¹⁸³

У Пушкина были друзья. Его любил Пущин, ему всегда был верен Малиновский, но ни тот ни другой не знали ничего о тех тайнах поэзии, какие знал Дельвиг. Об этих тайнах догадывался, конечно, Кюхельбекер, но он был чужой. У него был какой-то свой мир, торжественный и высокопарный или неуклюже игривый, совсем не прозрачный, старомодный

¹⁸¹ Мом – у древних греков бог насмешки и порицания.

¹⁸² Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) – поэт, один из ближайших, любимых друзей Пушкина.

¹⁸³ «С младенчества дух песен в нас горел...» – из стих. «19 октября» (1825).

и гордый. Пушкин и уважал его, и смеялся над ним. Не таков был Дельвиг. Этот был свой. Только он один понимал до конца Пушкина и сам был ему понятен. Позднее, за стенами лицея, несмотря на дружбу, пути их разошлись. Пушкин рос не по дням, а по часам, как сказочный богатырь, а Дельвиг, в сущности, так и остался лицейским поэтом. Но оба они были товарищами по «веселому ремеслу» стихотворцев. Такого другого собеседника и ценителя в лицее у Пушкина не было. К числу доброжелателей Пушкина надо присоединить еще четырех – Ф. Ф. Матюшкина¹⁸⁴, В. Д. Вольховского¹⁸⁵, М. Л. Яковлева¹⁸⁶ и К. К. Данзаса¹⁸⁷.

Ф. Ф. Матюшкин, по слову поэта, «чужих небес любовник беспокойный»¹⁸⁸, со школьной скамьи мечтавший о морской службе и путешествиях, будущий контр-адмирал, участник экспедиции по обследованию северных берегов Восточной Сибири, был одним из вернейших почитателей Пушкина.

В. Д. Вольховский, первый ученик, окончивший лицей с золотой медалью, всегда внушал Пушкину чувство уважения за его мужественный характер, скромность и нравственную чистоту. «Воспитанный суровою Минервой»¹⁸⁹, он пленял поэта своей «спартанскою душой».

М. Л. Яковлев, балагур и весельчак, прозванный Паяцем за свои актерские способности, талантливый сочинитель романсов на слова Пушкина и Дельвига, постоянный участник лицейских журналов, где он помещал свои басни, также был связан дружбою с Пушкиным до конца его дней.

И наконец, К. К. Данзас, один из издателей «Лицейского мудреца», чуть ли не самый ленивый из учеников лицея, доказавший впоследствии свою храбрость и военную находчивость в персидском походе и в турецкой кампании 1828–1829 годов. Пушкин считал его своим приятелем.

Вот эти семь-восемь молодых людей и составили тот лицейский кружок, где вскоре Пушкин занял первое место.

Почти во всех учебных заведениях, особенно закрытых, создавались рукописные журналы. В Царскосельском лицее эта обычная школьная затея стала любимым занятием молодежи. Кроме журналов издавались рукописные стихотворные сборники. Почти все лицеисты интересовались литературой. Многие писали стихи. Некоторые из лицеистов были раньше воспитанниками Московского благородного университетского пансиона¹⁹⁰, где учился Жуковский и где сложились литературные традиции.

Лицейские рукописные издания начались с первых же дней. Одиннадцатилетний Корсаков¹⁹¹ уже издавал какие-то «Сарско-сельские лицейские газеты». Тогда же, в 1811 году, вышел «Сарско-сельского лицея Вестник», первые листки коего сохранились до наших дней. В этих страничках – ребяческие шутки, пародирующие газетные сообщения, детское стихотворение Илличевского и совершенно дикий и несуразный стихотворный перевод с фран-

¹⁸⁴ Матюшкин Федор Федорович (1799–1872) – товарищ Пушкина с лицейских лет, моряк, с 1867 г. – адмирал, сенатор.

¹⁸⁵ Вольховский Владимир Дмитриевич (1798–1841) – лицейский товарищ Пушкина, декабрист, член Союза спасения и Союза благоденствия, генерал-майор.

¹⁸⁶ Яковлев Михаил Лукьянович (1798–1868) – лицейский товарищ Пушкина, даровитый музыкант. Был директором Второго отделения Его Императорского Величества типографии, действительный статский советник.

¹⁸⁷ Данзас Константин Карлович (1801–1870) – товарищ по Лицею и секундант Пушкина в его дуэли с Дантесом.

¹⁸⁸ «Чужих небес любовник беспокойный...» – строка из стих. «19 октября» (1825).

¹⁸⁹ «Воспитанный суровою Минервой» – из первоначальной белой редакции стих. «19 октября» (1825). Минерва – богиня-воительница, покровительница наук и искусств, римское соответствие Афине. «Русской Минервой» называли Екатерину II.

¹⁹⁰ Благородный пансион при Московском университете – закрытое среднее учебное заведение для дворянских детей с 6-летним сроком обучения, дававшее право на поступление в университет.

¹⁹¹ Корсаков Николай Александрович (1800–1820) – один из самых даровитых лицеистов. Служил в Коллегии иностранных дел. В 1819 г., будучи причисленным к римской миссии, уехал в Италию, где вскоре умер от чахотки.

цузского Кюхельбекера. Пушкин запомнил эту нескладицу и цитировал ее по памяти спустя десять лет в письме к брату: «Страх при звоне меди заставляет народ уstraшенный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число, великий, унылых, тебя просящих, сохранить им – цел труд, многим людям – принадлежащий и проч.». Дошли до нас еще отрывки из журнала «Для удовольствия и пользы». Был еще журнал «Юные пловцы», о котором мы узнаем из сохранившегося письма в редакцию «отставного гувернера» Иконникова, который, между прочим, пишет: «Уважая ваши занятия, которых основанием и целью суть охота к усовершенствованию себя в российской словесности, приемлю смелость покорно просить вас, милостивые мои государи, господа издатели, о принятии и меня, любителя отечественного языка и, смею сказать, полезных упражнений, в ваши корреспонденты...» Это послание датируется 1813 годом.

Уцелела тетрадь в красном сафьяновом переплете. На лицевой стороне переплета в золотом венке означен 1815 год. Это «Лицейский мудрец». Он издавался и в начале 1816 года. Здесь несколько занятных акварельных карикатур Илличевского. Статьи переписывал своей рукой Данзас. «Цензором» помечен Дельвиг. Это был журнал юмористический. В нем нет стихов Пушкина. Нет их и в сохранившейся другой тетради, названной издателями лицейской антологией «Мудрец-поэт».

А как учились лицеисты и каковы были успехи Пушкина?

Н. Ф. Кошанский 15 марта 1812 года, до того как слег в постель, успел дать о своем ученике-поэте следующий официальный отзыв: «Александр Пушкин больше имеет понятиливости, нежели памяти, более имеет вкуса, нежели прилежания; почему малое затруднение может остановить его; но не удержит: ибо он, побуждаемый соревнованием и чувством собственной пользы, желает сравняться с первыми питомцами. Успехи его в латинском хороши; в русском не столько тверды, сколько блистательны».

С немецким языком дело обстояло плохо. Гауеншильд отмечает, что до лица Пушкин немецким языком не занимался и, кажется, и в лицее к этому не склонен, но, если бы захотел, мог бы сделать успехи, так как обладает памятью и сообразительностью.

Напротив, де Будри свидетельствует о хороших успехах Пушкина во французском языке.

Любопытны отзывы о Пушкине того самого воспитателя Пилецкого, которого лицеисты считали изувером и даже добились его изгнания.

«Пушкин Александр, – пишет Пилецкий, – имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью. Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стихов. Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие; познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотность и остроумие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменой образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости».

Профессор Карцов свидетельствует, что Пушкин в математике «успехов приметных не оказал».

Куницын, которого позднее так сочувственно помянул в стихах Пушкин, вторит Карцову, что поэт хотя «замысловат и остроумен», но успехов не оказывает «по части логики».

А Пилецкий даже записал в дневнике собственные слова Пушкина: «Признаюсь, что логики я, право, не понимаю». Силлогизмы для него, оказывается, невняты, и он подозревает, что и вообще они сомнительны. Однако в официальном журнале по логике у Пушкина отмечены успехи.

Илья Пилецкий свидетельствует о дурном поведении Пушкина. Поэт дразнил товарища Мясоедова¹⁹² и сказал ему какие-то стихи, которые отказался повторить Пилецкому. Горчакова¹⁹³ называл «вольною польскою дамою». Вообще Пушкин ведет себя «смело и ветрено». Когда в классе Гауеншильда Пилецкий попробовал отнять у Дельвига какую-то бумагу, Пушкин «с непристойной вспыльчивостью» сказал ему: «Как вы смеете брать наши бумаги! Стало быть, и письма наши из ящика будете брать!...»

III

Император Александр как будто забыл про лицей, которым он так интересовался при его открытии. Александру было не до того. С начала 1812 года он готовился к «оборонительной» войне с Наполеоном. Лицейсты жадно следили за ходом событий. Русские войска стояли на западной границе. В июне 1812 года Наполеон с огромной армией без объявления войны перешел Неман и вторгся в пределы России с намерением отрезать армию Барклая-де-Толли¹⁹⁴ от армии Багратиона¹⁹⁵. Началось великое отступление двухсоттысячной русской армии перед шестисоттысячной армией Наполеона. «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской, – пишет в своих воспоминаниях будущий декабрист Пущин. – Приготовилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов...» Среди уходивших на войну были знакомые, друзья, родные. «Усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита», – стыдливо признается Пущин.

«Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции¹⁹⁶; Кошанский читал их нам громогласно в зале. Газетная комната никогда не была пуста в часы, свободные от классов; читались напереыв русские и иностранные журналы, при неумолкаемых толках и прениях...»

Многие не понимали, почему Барклай-де-Толли, соединившись с Багратионом, продолжает отступать. Назначение Кутузова¹⁹⁷ главнокомандующим, Бородинская битва и странный, загадочный пожар Москвы – все это волновало воображение поэта. Эпоха была не бедная грозными событиями. И вот растаявшая в полях России наполеоновская армия бежит, лениво преследуемая русскими. Однако к лету 1813 года Александр ведет русские войска в Европу, создает новую коалицию¹⁹⁸. Под Лейпцигом происходит страшная Битва народов¹⁹⁹. Наконец, весною 1814 года во главе союзных войск Александр вошел в Париж.

¹⁹² Мясоедов Павел Николаевич (1799–1868) – лицейский товарищ Пушкина. Чиновник канцелярии Министерства юстиции, помещик Тульской губернии.

¹⁹³ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) – известный государственный деятель, в 1856–1882 гг. – министр иностранных дел, с 1863 г. – канцлер.

¹⁹⁴ Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761–1818) – князь, российский генерал-фельдмаршал. В Отечественную войну 1812 г. главнокомандующий 1-й армией, а в июле – августе практически всеми действовавшими армиями.

¹⁹⁵ Багратион Петр Иванович (1765–1812) – князь, российский генерал от инфантерии (1809). В Отечественную войну 1812 г. командовал 2-й армией, смертельно ранен в Бородинском сражении.

¹⁹⁶ Реляция – донесение (обычно о боевых действиях).

¹⁹⁷ Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – светлейший князь, фельдмаршал, русский полководец.

¹⁹⁸ Новая коалиция в борьбе с Наполеоном. – Имеется в виду заключенный в Париже 26 сентября 1812 г. союз между

Патриотизм молодых дворян, учившихся в лицее, получил удовлетворение. Даже в 1825 году Пушкин, не любивший Александра, в лицейскую годовщину в плену ссылки поминает его великодушно:

Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей...²⁰⁰

В марте 1814 года неожиданно умер добродушный Василий Федорович Малиновский. Лицей остался без директора.

Пушкин в числе прочих лицеистов провожал тело покойного. Впереди ехал отряд полицейских драгун. Далее следовали воспитанники в сопровождении гувернеров и надзирателей, за ними духовенство. Певчие пели, что полагается. Профессора шли по сторонам гроба. У Царскосельской заставы протопресвитер Музовский отслужил панихиду. Лицеисты простились здесь со своим директором. Только пять из них провожали тело его до Большого Охтенского кладбища в Петербурге. Среди этих пяти был, по-видимому, Пушкин. По крайней мере, впоследствии С. И. Штакеншнейдер²⁰¹ рассказывала, что Пушкин и ее отец, сын покойного директора, поклялись в вечной дружбе на свежей могиле Василия Федоровича Малиновского. Дружба в самом деле продолжалась до конца жизни поэта.

В. Ф. Малиновский ничем значительным не отметил своего трехлетнего управления лицеем. Но и худого про него никто не мог сказать ничего. Он был одним из тех администраторов-педагогов, которые думают, что самое лучшее – как можно меньше управлять и руководить и что все устроивается само собою. После его смерти, однако, в течение двух лет, до марта 1816 года, когда Е. А. Энгельгардт вступил в должность директора, в лицее было настоящее «безначалие», как пометил Пушкин в своей программе воспоминаний. В эти годы беспорядок был немалый.

В 1814 году, 5 сентября, Пушкину, Малиновскому и Пушину вздумалось устроить гоголь-моголь. Приятели угощали товарищей. Ром подействовал на некоторых неопытных гуляк. Донесли начальству, и ненавистный лицеистам Гауеншильд, временно исполнявший обязанности директора, донес, в свою очередь, о преступлении министру Разумовскому. Ленивый граф не поленился на этот раз приехать из Петербурга в лицей, вызвал к себе Пушкина и его приятелей и сделал им строжайший выговор. Конференция профессоров приговорила юных преступников «две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы», что и было исполнено. Наказание это как-то не вяжется с лицейской вольностью. Пушкину в это время было пятнадцать лет, а Малиновскому уже девятнадцать! Кроме того, имена провинившихся были занесены в «черную книгу». И это могло бы иметь последствия при выпуске из лицея, если бы К. А. Энгельгардт не предложил конференции профессоров предать забвению этот случай.

Россией, Пруссией и Австрией, получивший название Священного союза.

¹⁹⁹ ...«битва народов». – Лейпцигское сражение, получившее название Битва народов, произошло 1–7 (16–19) октября 1813 г. между союзными (русскими, австрийскими, прусскими и шведскими) войсками и армией Наполеона I. В нем участвовало свыше 500 тысяч человек. Наполеоновская армия была разгромлена, что привело к освобождению Голландии и Германии и распаду Рейнского союза (объединения 36 германских государств под протекторатом Наполеона I).

²⁰⁰ «Простим ему неправоe гоненье...» – из стих. «19 октября» (1825).

²⁰¹ Штакеншнейдер С. И. – внучка В. Ф. Малиновского. Ее мать – Мария Ивановна Пушина (ум. не ранее 1856), сестра И. И. Пушина.

IV

Вокруг Пушкина шумела юная лицейская жизнь, и сам он принимал в ней участие: «изгонял Пилецкого», распевал «национальные песни», соперничал в шалостях с Бролио и Малиновским; восхищался удачником и красавцем князем Горчаковым, будущим канцлером, и его же дразнил забавно; но в это же время поэта непрестанно тревожила и соблазняла его отроческая муза.

«Не только в часы отдыха от учения, – рассказывает о Пушкине в своей записке С. Д. Комовский, – в рекреационном зале²⁰², на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви ему приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум, его занимавших. Набрасывая же мысли свои на бумагу, он удалялся всегда в самый уединенный угол комнаты, от нетерпения грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное».

Первые поэтические замыслы Пушкина относились к жанру больших поэм, эпических повествований и театру. Почти все эти опыты утрачены. Мы знаем лишь их названия – какой-то роман «Цыган», комедия «Философ» и другая комедия, написанная вместе с М. Л. Яковлевым, – «Так водится в свете». Из ранних поэм до нас дошли только неоконченная поэма «Монах»²⁰³ и совершенно непристойная «Тень Баркова»²⁰⁴.

На этих двух последних вещах сказалось влияние несвоевременно прочитанных Пушкиным Вольтера и Парни и тех «сочинений, презревших печать», о которых пятнадцатилетний поэт упоминает в своем «Городке»²⁰⁵, где он восклицает не без иронии:

Велик, велик – Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть, право, не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты.....
Не стану я писать.

«Тень Баркова», к сожалению, была уже к этому времени написана.

По-видимому, африканская кровь рано волновала сердце поэта, а эротическая литература, распушенность нравов тогдашней дворянской среды и, в сущности, полная беспризорность в лицее – все благоприятствовало пристрастию к соблазнительной тематике. Надо удивляться не тому, что четырнадцатилетний Пушкин писал непристойные стихи, а тому, что он в эти отроческие годы все-таки сохранил чистоту сердца, несмотря на видимость чувственных увлечений и грубость скабрезных слов.

²⁰² Рекреационный зал – зал для отдыха во время перемен между уроками.

²⁰³ «Монах» – ранняя неоконченная поэма Пушкина, написана в 1813 г. на сюжет популярного жития Иоанна Новгородского.

²⁰⁴ «Тень Баркова» – лицейская баллада Пушкина. Долгое время не публиковалась. Барков Иван Семенович (1732–1768) – поэт и переводчик, автор многочисленных эротических произведений.

²⁰⁵ «Городок» – стих, написано в 1814 г. (?), напечатано в 1815 г. Под именем Свистова в нем выведен И. С. Барков.

Но это целомудрие поэта было закрыто для посторонних внешней бравадой легкомыслия и цинизма. Любопытно суждение о Пушкине такого сухого и поверхностного человека, как барон Корф. «У него господствовали, – писал он, – только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обеих он ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части: злые насмешки – часто в самых отвратительных картинах – над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями – общественными и семейными – это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал».

Странно, что этот неприязненный отзыв о поэте написан и 1854 году, спустя лет восемнадцать после его кончины, когда можно было бы, казалось, уразуметь трагический смысл удивительной жизни.

1814 год ознаменован уже такими поэтическими опытами, которые свидетельствуют о будущей необычайной судьбе поэта. Эти отроческие стихи кажутся нам теперь слабыми, потому что мы знаем зрелого Пушкина, но в тот 1814 год они прозвучали для современников как неожиданные и пленительные. Пятнадцатилетний Пушкин уже соперничает с Батюшковым и Жуковским.

Пусть все эти стихи навеяны литературными реминисценциями; пусть они лишены глубокого и значительного содержания; пусть они еще несовершенны и неровны: но все это искупается какою-то чудесной игрою пушкинского хмеля. В каждой пьесе слышится пушкинский голос – даже в подражании Макферсону²⁰⁶, чуждому ему по духу, с которым он познакомился, вероятно, по переводам Кострова²⁰⁷ или по французским переводам. Но Оссиан, конечно, не мог по-настоящему очаровать своей туманной меланхолией такого горячего и влюбленного в жизнь отрока, каким был Пушкин. Анакреонтический жанр²⁰⁸ наиболее тогда отвечал настроению этого ученика Парни.

«Блаженство» и «Опытность»²⁰⁹, может быть, самые искренние пьесы отрока Пушкина. Я не говорю уже об автобиографическом значении таких стихотворений, как «Городок», где остроумно представлена вся библиотека Пушкина, все его тогдашние литературные пристрастия, от которых он не так скоро освободился. Иные характеристики по меткости и остроте занимательны до сих пор. Портрет Вольтера превосходен:

Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Занятен и Лафонтен:
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!

²⁰⁶ Макферсон Джеймс (1736–1796) – шотландский поэт, переводчик Гомера.

²⁰⁷ Костров Ефим Иванович (1750 или 1752–1796) – русский поэт и переводчик. Происходил из крестьян. Перевел «Золотого осла» Апулея и «Илиаду».

²⁰⁸ Анакреонтический жанр – жанр любовной лирики, названный по имени знаменитого древнегреческого поэта Анакреонта (VI–V вв. до н. э.).

²⁰⁹ «Блаженство» и «Опытность» – стих. написаны в 1814 г.

«Пирующие студенты» по веселой вольности напева, по живости характеристик любопытны и в наши дни даже независимо от биографических черт, имеющих в этой пьесе.

Наконец, в этот же 1814 год в стихах Пушкина нашла свое отражение его мальчишеская страсть. Откровенная чувственность «Послания к Наталье» сочетается с такой легкой и тонкой улыбкой, что даже не верится, что пьеса написана мальчиком. Предметом этого увлечения была крепостная актриса графа В. В. Толстого²¹⁰, у которого был свой домашний театр в Царском Селе, куда был открыт доступ лицеистам. Актриса, в которую влюбился Пушкин, исполняла в этом театре первые роли, но, кажется, вовсе лишена была дарования. По крайней мере, на следующий год поэт посвятил ей послание, в котором, восхищаясь ее женской прелестью, откровенно смеется над беспомощной игрой красавицы.

Прошло первое трехлетие лицейской жизни. Предстоял экзамен и переход на старший курс. Там, за этим рубежом, начиналась новая жизнь – новые встречи с поэтами, знакомство с Карамзиным, дружба с Чаадаевым²¹¹, сотрудничество в журналах...

А. И. Галич уговорил Пушкина к торжественному экзамену написать оду по поводу событий 1812–1814 годов. Поэт принял этот заказ и написал «Воспоминания в Царском Селе». 8 января 1815 года в лицее состоялись торжественные экзамены. О них Пушкин оставил воспоминание весьма примечательное. Лицеисты с волнением ждали Державина²¹², который должен был присутствовать на лицейских испытаниях. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы поцеловать руку, написавшую «Водопад»²¹³. Когда в сенях Державин спросил швейцара: «Где, братец, здесь нужник?» – разочарованный Дельвиг отложил свое намерение и вернулся в залу. Начались экзамены. Старик Державин, в мундире и в плисовых сапогах²¹⁴, сидел, усталый, подперши голову рукою. «Лицо его было бессмысленно; глаза мутны, губы отвислы...» «Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной». Наконец вызвали Пушкина. Он прочел свои «Воспоминания в Царском Селе, стоя в двух шагах от Державина. «Я не в силах описать состояния души моей, – пишет Пушкин, – когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

Взволнованы были все. И. И. Пущин признавался, что у него «мороз по коже пробежал», когда он слушал Пушкина. Державин, по его словам, «в восторге, со слезами на глазах, бросился целовать поэта»...

После экзамена был обед у графа А. К. Разумовского. Там был приехавший в Петербург Сергей Львович Пушкин. «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего в прозе», – сказал ему Разумовский. Но Державин с жаром воскликнул: «Оставьте его поэтом!..»

²¹⁰ Толстой Варфоломей Васильевич (? – 1838) – граф, владелец крепостного театра в Царском Селе.

²¹¹ Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – российский мыслитель и публицист. Участник Отечественной войны 1812 г. В 1821 г. принят в Северное общество декабристов. Философско-исторические взгляды сложились под влиянием идей католического провиденциализма и христианского социализма.

²¹² Державин Гаврила Романович (1743–1816) – русский поэт, представитель классицизма.

²¹³ «Водопад» – ода написана в 1791 г. на смерть Потемкина. Цитаты из нее содержатся в статье Пушкина «О смелости выражения» и в ответе на разбор 4-й и 5-й глав «Евгения Онегина».

²¹⁴ ...Державин... в плисовых сапогах... – Плисовый – сделанный из бумажной ткани, похожей с лицевой стороны на бархат (плис).

Глава третья. Юность

I

26 мая 1815 года исполнилось Пушкину шестнадцать лет. Наступила юность. Еще вчера он предпочел бы «мячик меткий» какой угодно поэме:

Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор...²¹⁵

И вот все изменилось. Это случилось в те дни, когда он «говорить старался басом и стриг над губой первый пух», в те дни, когда впервые он заметил «черты живые прелестной девы»,

Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал...

И вот тогда вместе с любовью пришло «вдохновенье». До сих пор все эти отроческие стихотворные опыты были веселой забавой. Так было занятно и заманчиво перелагать по-новому в размеренные строки мотивы Парни или Батюшкова, но в этой чудесной игре еще не было того «тайного волнения», которое теперь его посетило.

Простите, игры первых лет!
Я изменился, я – поэт...

Товарищи еще недавно недоверчиво смотрели на этого некрасивого, губастого чудака, такого непостоянного, самолюбивого и дерзкого. Но теперь —

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил...²¹⁶

А главное, все вдруг почувствовали, что у этого Пушкина есть какое-то «право на первородство». Пушкин вспоминал об этом признании товарищей спустя четырнадцать лет:

Они, пристрастною душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую Музу...²¹⁷

²¹⁵ «Считал схоластику за вздор...» – из черновой рукописи I, II, III строф 8-й главы «Евгения Онегина».

²¹⁶ «Старик Державин нас заметил...» – строки из 8-й главы «Евгения Онегина».

²¹⁷ «Они, пристрастною душой...» – из черновой рукописи IV строфы 8-й главы «Евгения Онегина».

К этому сроку поэт уже приобрел некоторую известность за стенами лицея.

Первое пушкинское стихотворение, появившееся в печати летом 1814 года, было подписано – Александр Н. к. ш. п. Эта пьеса «К другу стихотворцу» была напечатана в «Вестнике Европы»²¹⁸, где в то время был редактором В. В. Измайлов²¹⁹. В том же году и в том же журнале появилось еще четыре пушкинских стихотворения. В 1815 году было напечатано шестнадцать пьес в «Российском музее»²²⁰ и одна – «Наполеон на Эльбе» – в «Сыне Отечества»²²¹.

Родители поэта с удивлением должны были согласиться, что, пожалуй, из их капризного и неловкого Александра выйдет поэт. Державин, оказывается, не ошибся. Анакреонтический жанр и шуточные послания еще ничего не доказывали. Ода, написанная в торжественном, старомодном стихе, по случаю исторических событий, тоже не убеждала в оригинальности таланта. Но вот в том же «Российском музее» весною было напечатано «К Лицинию». Эта пьеса обратила на себя внимание.

Однажды во сне Пушкин услышал два стиха:

Пускай Глицерия²²², красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая...

Приснившиеся поэту строки вошли потом в эту самую пьесу «К Лицинию», которую одобрил Василий Львович. Это уже нечто серьезное. Прекрасный шестистопный ямб напоминал Корнеля. Автор, правда, сделал подзаголовок «с хатинского». Возможно, что он сделал это по цензурным соображениям, но у него было для этого основание и по сути дела. Послание звучит в самом деле скорее как «медная хатынь», чем как французский александрийский стих²²³. Недаром Пушкин упоминает о Ювенале²²⁴. Не очень прилежный ученик Кошанского успел, однако, познакомиться с римским поэтом I века нашей эры. Читал он его, вероятно, во французском переводе, но каким-то чудом от этого послания веет настоящим, подлинным Римом. Нет, решительно надо считаться теперь с этим юношей. В послании есть идея. Заключительный стих «свободой Рим возрос, а рабством погублен» очень внушителен и смел. Откуда эта формула? Можно подумать, что у лицеиста-повесы, с плохими успехами в школьной науке и с превосходными в фехтовании, уже сложилось какое-то свое понимание истории. Простодушный Кайданов едва ли помог ему в этом. Скорее Куницын мог внушить ему идею гражданственности. Вот уже три года этот геттингенский студент твердит с кафедры о естественном праве, о задачах просвещенной государственности, о гарантиях политической свободы. По-видимому, несмотря на свою рассеянность и прямое отвращение к отвлеченному юридическому мышлению и формальной логике, Пушкин кое-что запомнил из этих лекций. Но, конечно, не только в этих лекциях секрет пушкинского интереса к теме Рима. Сейчас он только на одно мгновение остановился на ней. Впоследствии вопрос о судьбах государственности займет его ум и воображение чрезвычайно. Послание «К Лици-

²¹⁸ «Вестник Европы» – журнал, издававшийся в Москве в 1802–1830 гг. Основан Н. М. Карамзиным. После выхода «Руслана и Людмилы» занял враждебную Пушкину позицию. В 1828–1830 гг. Пушкин и «Вестник Европы» обменялись эпиграммами: на «Собрание насекомых» журнал ответил «К портрету Хлопушкина» и «Полтава – божья коровка».

²¹⁹ Измайлов Владимир Васильевич (1773–1830) – писатель, издатель, цензор. На его сестре А. В. Измайловой женился сын Льва Александровича Пушкина Николай (1745–1821).

²²⁰ «Российский музей» – журнал, печатавший европейские новости, издавался в 1815 г. В. В. Измайловым.

²²¹ «Сын Отечества» – еженедельный исторический, политический и литературный журнал, основанный в 1812 г. Н. И. Гречем.

²²² Глицерия – условное поэтическое наименование куртизанки.

²²³ Александрийский стих – в русской поэзии шестистопный ямб. Во французской поэзии наиболее распространенный стихотворный размер, состоящий из 12 слогов с обязательной цезурой после шестого слога.

²²⁴ Ювенал (ок. 50—125 н. э.) – римский поэт-сатирик.

нию» – это пока залог будущего. Удивительно, что он уже успел его дать, когда, казалось бы, он поглощен иными впечатлениями и настроениями. Вообще, трудно себе представить, как Пушкин мог вместить на небольшом отрезке времени такое безмерное количество идей, увлечений, трудов, сладострастия, восхищения поэзией, удивления перед загадками истории, пламенных восторгов и нежной любви. Для всего этого нужны были какие-то сверхчеловеческие силы. Очевидно, были у него эти силы.

Большие писатели Карамзин, Жуковский, Батюшков. Вяземский обратили внимание на юного поэта. Дядюшка Василий Львович уже гордился племянником. Знаменитые стихотворцы навещали шестнадцатилетнего лицеиста. Одним из первых посетителей лицея был В. А. Жуковский, знавший Пушкина еще мальчиком в Москве. Жуковский подарил младшему брату книгу своих стихов. В январе 1815 года Пушкин напечатал послание Батюшкову, «харит²²⁵ изнеженных любимцу», «российскому Парни», которому был обязан своими первыми поэтическими опытами. Московских встреч с Батюшковым Пушкин не помнил²²⁶. По-видимому, он не знал, что в это время Батюшкову было уже двадцать восемь лет: если бы он знал это, едва ли он обратился бы к нему так фамильярно:

Пой юноша – певец Тиисский...²²⁷

Батюшков в это время был далеко уж не юноша и как раз переживал тяжелое душевное состояние. Это не помешало ему, однако, искать знакомства со своим гениальным учеником. Пушкин, вероятно, был очень удивлен, когда увидел грустные и странные глаза этого мнимого эпикурейца²²⁸, у которого ум был уже занят темой статьи, им вскоре написанной, «Нечто о морали, основанной на философии и религии», а сердце элегиями, в коих он оплакивал свою неразделенную любовь. Кстати сказать, впоследствии Пушкин дал о некоторых из них лестные отзывы²²⁹. «Разлуку» он называл «прелестью», а по поводу «Тавриды» писал, что она «по чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения лучшая элегия Батюшкова».

В марте 1816 года в стенах лицея появился приехавший из Москвы Карамзин в сопровождении молодого князя П. Л. Вяземского и Василия Львовича Пушкина. Карамзин был уже непререкаемый авторитет, мэтр, историограф, успевший написать восемь томов «Истории государства Российского». Они еще не были напечатаны, но все знали о событии. Не только лицеисты, но и педагоги были заинтересованы его посещением. В старомодном костюме, в коротких штанах, в шелковых чулках, в башмаках с пряжками, он всей своей фигурой напоминал XVIII век. Николай Михайлович Карамзин приехал в лицей посмотреть «маленького» Пушкина, которому сам Державин вручил «пальму первенства». Василий Львович, почтительный к главе школы, очень теперь хвастался своим племянником. Вернувшись в Москву и получив от него письмо, тотчас ему ответил, называя его «братом по Аполлону». Племянник удосужился ответить дядюшке только через девять месяцев: «Нет, нет, вы мне совсем не брат²³⁰: вы дядя мой и на Парнасе». Вяземский помнил Пушкина по

²²⁵ Хариты – в древнегреческой мифологии три богини красоты и веселья. То же, что в древнеримской – грации.

²²⁶ Московских встреч с Батюшковым Пушкин не помнил. – Предположительно знакомство с Батюшковым относится к январю 1815 г.

²²⁷ «Пой, юноша – певец Тиисский...» – из стих. «К Батюшкову» (1814). Тиисский певец – Анакреонт. См. анакреонтический жанр.

²²⁸ Эпикурец – последователь эпикуреизма – учения древнегреческого философа Эпикура (341–270 до н. э.), которое основано на разумном стремлении к счастью. В переносном смысле – страсть к наслаждениям.

²²⁹ ...дал... лестные отзывы. – Большинство отзывов Пушкина помещено на полях экземпляра стихотворений Батюшкова.

²³⁰ «Нет, нет, вы мне совсем не брат...» – из стих. «Дяде, назвавшему сочинителя братом» (1816).

Москве. Теперь с двадцатитрехлетним поэтом у «маленького» Пушкина сразу установились приятельские отношения.

В этот год как раз процветал «Арзамас»²³¹, где поэты и критики нового направления высмеивали «Беседу»²³² и всех противников карамзинской реформы. Жуковский изощрялся в своих выдумках и шутках. Москвичи наслаждались «арзамасскими» забавами. Карамзин, Василий Львович, Вяземский оставались в Петербурге почти два месяца. За это время автора «Опасного соседа» избрали в члены общества. Для простеца сочинили особый ритуал, уверив его, что так требуется по уставу «Арзамаса». На бедного Василия Львовича надели хитон, украшенный раковинами, завязали ему глаза, водили его по каким-то лестницам и коридорам, бросали ему под ноги хлопушки, заставили его стрелять из лука в аллегорическое чучело, изображающее «дурной вкус» или самого Шишкова... Вероятно, в это же время заглазно был выбран членом «Арзамаса» и Александр Пушкин, так же как ранее Батюшков и Денис Давыдов²³³.

Когда москвичи уехали из Петербурга, Пушкин послал Вяземскому письмо, где просил «русских стихов Шапеля»²³⁴ и Буало²³⁵, то есть стихов самого Вяземского, определив этой шуткой характер его рассудочной поэзии. Угождая вольномыслию старшего собрата, поэт сообщает, что «недавно говел и исповедывался» и что «все это вовсе не забавно». Ему надоела школьная жизнь. «Целый год дремать перед кафедрой... это ужасно...» «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погреть покойную академию и беседу губителей русского слова...»

Пушкин с нетерпением ждал освобождения от лицейского плена. Но, в сущности, плен этот был совсем не тягостный. Авторитетной власти в лицее не было вовсе. Ни Гауеншильд, осведомитель австрийского правительства, как это выяснилось впоследствии, ни простоватый Фролов²³⁶, временно исполнявший обязанности директора, не могли справиться со своей задачей. Лицеисты вовсе не были затворниками. Они не только посещали домашний театр Варфоломея Толстого, появлялись на публичных гуляньях и парадах, засиживались в кондитерской Амбиеля, но и нередко проводили вечера у царскосельских знакомых, иногда возвращаясь в лицей под утро. Швейцар получал на водку, и ночное приключение лицеиста оставалось начальству неизвестным. Пушкин широко пользовался этими вольностями.

4 марта 1816 года вступил в должность директора Егор Антонович Энгельгардт. У этого директора были педагогические идеи, и он внушил лицеистам уважение к себе. Он не хотел прибегать к мерам строгости, и повесы могли при желании пользоваться такою же свободой, как и в годы безначалия.

Е. А. Энгельгардту, когда он занял пост директора, было лет сорок. Родом он был из лифляндских дворян, по вероисповеданию протестант; воспитывался в Петербурге, в пансионе девиц Бардевиц. Недолго пробыв в военной службе, перешел он в Коллегию иностранных дел, а после смерти Екатерины устроился на службу секретарем магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, во главе которого стоял сам император Павел. Служить в Маль-

²³¹ «Арзамас» – литературное общество (1815–1818), объединявшее сторонников карамзинского направления в литературе.

²³² «Беседа любителей русского слова» – литературное общество, основанное в 1811 г. по инициативе Г. Державина и А. Шишкова.

²³³ Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) – поэт (гусарские песни, любовные элегии, сатиры), военный писатель, генерал-лейтенант. Герой Отечественной войны 1812 года.

²³⁴ Шапель Эммануил (1626–1686) – французский поэт, друг Буало и Лафонтена, автор небольших стихотворений.

²³⁵ Буало Никола (1636–1711) – французский поэт, теоретик классицизма (поэтический трактат «Искусство поэзии»). Пушкин ценил его стихи за строгую ясность мысли.

²³⁶ Фролов Степан Степанович (1765 – не ранее 1843) – отставной полковник, надзиратель (1814–1816), инспектор и временно замещающий директора Лицея (1816–1817).

тийском ордене²³⁷ было нелегко. Сумасшедший государь следил ревниво и мнительно за ритуалом мальтийского устава. Будущий император Александр то и дело навлекал на себя гнев отца за неточность в соблюдении обряда. Выручил наследника аккуратный немец. Теперь юный Александр Павлович получал указания и руководство от Энгельгардта, который перед каждым заседанием снабжал его соответствующим конспектом. Павел очень был доволен неожиданной точностью наследника и восклицал в восхищении: «Я узнаю мою кровь! Вы достойный меня сын!» Вот какую важную услугу оказал императору Александру Егор Антонович. Немудрено, что этот лифляндский дворянин пользовался расположением государя. В 1812 году он был назначен директором Педагогического института и оставался на этой службе до назначения в лицей. Получив предложение занять этот пост, Энгельгардт представил царю записку, в которой просил предоставить ему полную самостоятельность и независимость в деле воспитания лицеистов. Его записка не была отвергнута, и он старался проводить в лицее свою педагогическую систему. В качестве убежденного и деятельного масона он старался внушить юношам те либерально-гуманные идеи, которые ему казались необходимыми для ревнителей просвещенного абсолютизма. Надо было смягчить нравы молодых скифов. Поэтому он стремился установить в лицее порядок, основанный на доверии и дружбе. Он хотел, чтобы лицеисты смотрели на него как на доброго отца. Он устраивал литературные вечера, домашние спектакли, прогулки за город, приглашал лицеистов к себе на дом, где они знакомились с «благородными» девицами благородных семейств. Все это было несколько сентиментально, но Кюхельбекеру, Дельвигу и еще некоторым подобная система очень нравилась. Нравилась она и Пушкину, который удивлялся, почему его друг Пушкин дичился Энгельгардта, а с некоторых пор и вовсе перестал у него бывать.

А Пушкину не нравился Энгельгардт. Африканская кровь поэта, насмешливый ум и уверенность в своей гениальности никак не мирились с умеренной и благоразумной педагогической системой почтенного немца. Энгельгардт не выносил ни холодного, ни горячего, а Пушкин ненавидел все теплое. Их вкусы никак не совпадали. Однако упрямый немец старался укротить буйного поэта мерами кротости и убеждения.

Летом 1816 года Карамзин со всем семейством поселился в Царском Селе. Пушкин стал постоянным посетителем их дома. Здесь он чувствовал себя лучше, чем в гостинице Энгельгардта. «Маленького» Пушкина любили в этой семье. И ему нравился Николай Михайлович, этот европейски образованный человек, который, «пыль веков от хартий отряхнув»²³⁸, так неумолимо и уверенно писал том за томом «Историю государства Российского». Конечно, он монархист и царедворец. Это смешно и старомодно. Но все же он внушает уважение своей просвещенностью. Пушкин в классах не прилежен, но по своей натуре он вовсе не ленив и очень любопытен. Он любит слушать Карамзина, когда тот говорит о летописях. А к жене его Екатерине Андреевне²³⁹, побочной сестре П. А. Вяземского, Пушкин неравнодушен, хотя она старше его почти на двадцать лет: ей было тогда тридцать шесть. Конечно, ни разница в годах, ни ее положение не могли служить препятствием для того, чтобы поэт выразил свои чувства. Он и поспешил это сделать, написав прекрасной даме письмо, в коем объяснялся ей в любви. Умная Екатерина Андреевна ничуть не рассердилась, но немедленно показала письмо мужу. Пришлось пригласить юношу и объяснить ему, что нельзя писать

²³⁷ Мальтийский орден Св. Иоанна Иерусалимского – иоанниты (госпитальеры), члены духовно-рыцарского ордена, основанного в Палестине крестоносцами в нач. XII в. Первоначальная резиденция – иерусалимский госпиталь (дом для паломников) Св. Иоанна, в 1530–1798 гг. – на острове Мальта, а с 1834 г. – в Риме. В 1798 г. Павел I был избран Великим магистром ордена.

²³⁸ ...«пыль веков от хартий отряхнув»... – Слова Пимена из трагедии «Борис Годунов» (сцена V. Ночь. Келья в Чудовом монастыре).

²³⁹ Карамзина Екатерина Андреевна (1780–1851, урожд. Колыванова) – жена историка Н. М. Карамзина с 1804 г., внебрачная дочь князя Андрея Ивановича Вяземского и единокровная сестра П. А. Вяземского.

таких писем без достаточных поводов и оснований. Николай Михайлович, пожурив поэта, много смеялся. Смеялась и Екатерина Андреевна. Пушкин, красный от стыда и смущения, принес повинную. Ему простили, и он продолжал бывать в их доме, как будто ничего не случилось.

II

Несмотря на все свое вольнодумство в лицейские годы, Пушкину приходилось раза два писать стихи на патриотические темы. Так, в конце ноября 1815 года он написал по требованию И. И. Мартынова оду «На возвращение государя императора из Парижа». Пушкин написал стихи довольно вяло и лениво. Мало этого, поэту предложили сочинить и послать официальное письмо по этому поводу. «Ежели чувства любви и благодарности к великому монарху нашему, начертанные мною, – писал Пушкин Мартынову, – будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь счастлив буду я, ежели его сиятельство граф Алексей Кириллович благоволит поднести его величеству слабое произведение неопытного стихотворца...»

Граф А. К. Разумовский не поднес, однако, этой патриотической оды Александру. Царь на этот раз вернулся из Европы мрачный и разочарованный. Наполеон был разбит при Ватерлоо²⁴⁰ без участия русской армии, а главное, страх перед революцией и несчастная идея Священного союза занимали теперь усталый ум этого двоедушного человека. Ему теперь было не до стихов.

В 1816 году вдовствующая императрица²⁴¹ поручила старому поэту Нелединскому-Мелецкову²⁴² написать стихи в честь принца Оранского²⁴³, который должен был жениться на великой княжне Анне Павловне. Нелединский-Мелецкий почему-то не смог сочинить стихов и, по совету Карамзина, передал заказ Пушкину. Стихи немедленно были положены на музыку. Их пели 6 июня во время торжественного празднества. Наполеон, конечно, в этой оде именуется «злодеем», а принц Оранский, участник битвы при Ватерлоо, «героем». Стихи вышли слабые, но Пушкин получил в подарок от императрицы золотые часы. Рассказывали, что поэт швырнул на пол царский подарок и растоптал его каблуком.

Пушкин в те годы, однако, со всею искренностью верил, что Наполеон в самом деле был «злодеем», а «законные» государи Европы защищали будто бы чью-то свободу. Эти детские иллюзии относительно роли Людовика XVIII²⁴⁴ и прочих европейских государей скоро, конечно, рассеялись, и «лилии Бурбонов»²⁴⁵ уже не представлялись поэту эмблемой политической невинности. Пьеса «Наполеон на Эльбе»²⁴⁶ еще полна этих иллюзий.

Что до стихов, которые написаны Пушкиным в те годы по собственному почину, без официального заказа, почти все они посвящены любви. Среди них многие все еще примыкают к анакреонтическому жанру: в этих пьесах по-прежнему нимфы, сатиры, фавны и про-

²⁴⁰ Ватерлоо – населенный пункт в Бельгии, рядом с которым в 1815 г. англо-голландские и прусские войска разгромили армию Наполеона.

²⁴¹ Вдовствующая императрица – вдова Павла I Мария Федоровна, мать Александра I и Николая I.

²⁴² Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752–1829) – князь, статс-секретарь при Павле I, тайный советник, поэт. Успехом пользовались его «любовные» песни, представляющие собой стилизацию народных песен, особенно «Выйду ль я на реченьку».

²⁴³ Оранский принц (1792–1849) – сын нидерландского короля Вильгельма I, с 1840 г. король нидерландский Вильгельм II. В 1816 г. женился на сестре Александра I Анне Павловне. Пушкин написал стихи «Принцу Оранскому» (1816).

²⁴⁴ Людовик XVIII (1755–1824) – французский король (1814–1815 и 1815–1824) из династии Бурбонов. В период Великой французской революции 1789–1794 гг. один из руководителей французской контрреволюционной эмиграции. Занял престол после падения Наполеона I.

²⁴⁵ «Лилии Бурбонов» – в гербе Бурбонов – три белые лилии, которые вследствие этого и являлись эмблемой монархии.

²⁴⁶ «Наполеон на Эльбе» – стих. написано в 1815 г.

чие мифологические персонажи занимаются веселыми и не совсем скромными играми во славу Эрота. За всеми условностями в духе французской легкой поэзии XVIII века у юного Пушкина всегда можно различить, однако, его собственную пушкинскую страстную интонацию, свободную от литературного жеманства. В этих стихах чувственность ничем искусственно не подогрета. Она только сдобрена «галльским юмором». Но лицейская любовная лирика Пушкина нашла себе выражение не только в анакреонтическом жанре. Юный поэт написал целый цикл нежных и задумчивых элегий. Почти все они посвящены Екатерине Павловне Бакуниной²⁴⁷. Пушкин, очень скупой на откровенные признания, на этот раз оставил неосторожно наивную страничку своего лицейского дневника. И теперь не приходится сомневаться, что первая Екатерина «донжуанского списка» была Бакунина, сестра лицеиста²⁴⁸, позднее фрейлина императрицы Елизаветы²⁴⁹.

«Я счастлив был! – записывает Пушкин в дневнике от 29 ноября 1815 года. – Нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не видно было! – Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, – сладкая минута!...» И далее: «Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов – ах! Какое положение, какая мука! – Но я был счастлив 5 минут...»

Е. П. Бакуниной в это время шел двадцать первый год, и едва ли она всерьез принимала любовное увлечение лицеиста Пушкина. Однако мадригал²⁵⁰, кстати сказать не очень складный, в день ее именин написанный юным поэтом, она сохранила. В нее были влюблены и Пущин, и Малиновский – близкие друзья Пушкина. Поэт добродушно об этом вспоминал в 1825 году:

Как мы одну все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ...²⁵¹

Пушкинскую пьесу «К живописцу», посвященную Бакуниной, положил на музыку лицеист Корсаков, и этот романс был поднесен красавице. Весною 1830 года Пушкин писал княгине В. Ф. Вяземской²⁵² по-французски: «Первая любовь всегда дело чувства: чем она глупее, тем более она оставляет восхитительных воспоминаний». Возможно, что Пушкин вспомнил о Бакуниной, когда писал эти строки. Он мог позднее встретить ее в петербургском обществе, по крайней мере до ее замужества: она, будучи уже немолодой, вышла замуж за А. А. Полторацкого.

Е. П. Бакунина внушила Пушкину немало лирических пьес. Они все написаны несколько бледно, а иногда и вяло, что не доказывает, конечно, незначительности самой любви.

Когда двор покинул осенью 1816 года Царское Село, Бакунина также переехала в Петербург. Само собою разумеется, что влюбленный Пушкин предался нежной печали.

²⁴⁷ Бакунина Екатерина Павловна (1795–1869) – фрейлина, художница, в 1834 г. вышла замуж за Л. Л. Полторацкого, тамбовского помещика, предводителя дворянства Тамбовского уезда.

²⁴⁸ ...сестра лицеиста... – сестра Бакунина Александра Павловича (1799–1862) – лицейского товарища Пушкина, тверского губернатора в 1846–1853 гг.

²⁴⁹ Елизавета Петровна (1709–1761) – российская императрица, дочь Петра I.

²⁵⁰ Мадригал – в XIV–XVII вв. небольшое музыкально-поэтическое произведение любовно-лирического содержания, позже – небольшое стихотворение-комплимент.

²⁵¹ «Как мы одну все трое полюбили...» – из первоначальной белой редакции стих. «19 октября» (1825). Г. Чулков цитирует неточно. У Пушкина: «Как мы впервой все трое полюбили».

²⁵² Вяземская Вера Федоровна (1790–1886, урожд. княжна Гагарина) – жена князя П. А. Вяземского (с 1811 г.). Встретившись с Пушкиным в Одессе в 1824 г., увлеклась поэтом. Он сохранял с ней дружеские отношения до последних дней, шутя называл Ветровой и Вертопрахиной.

Разлуке с Бакуниной посвящены «Осеннее утро», «Элегия», «Друзьям» и другие пьесы. Он бродил по царскосельскому парку, изнемогая от грусти и ревности. Бакунина в это время на придворных балах пленяла всех своей грацией, соперничая с известными красавицами.

Пушкин, впрочем, грустил недолго. Менее элегические прелестницы стали занимать его воображение. Одной из них была француженка Мария Смит, урожденная Шарон-Лароз²⁵³. Он встречал эту остроумную, изящную и веселую даму на вечерах и у Е. А. Энгельгардта, и у барона Теппера²⁵⁴, учителя музыки, который жил в небольшом домике рядом с лицейским садом. В доме этого Теппера бывали многие лицеисты. Пушкин был неравнодушен к молодой вдове. Неизвестно, насколько Мария Смит была благосклонна к поэту, но пушкинское послание, ей посвященное, так было нескромно, что эта француженка сочла себя оскорбленной и пожаловалась Энгельгардту. Пушкин в самом деле послание «К молодой вдове» написал в тоне слишком фамильярном и с явными намеками на близость к нему героини, действительную или воображаемую. Любопытно, что сама тема стихотворения о напрасной верности мертвому супругу, который «не придет из вечной тьмы», напоминает косвенно тему «Каменного гостя».

Энгельгардт очень запомнил жалобу француженки, но сама Мария Смит недолго сердилась на пылкого поэта, хотя у нее для того было достаточно оснований, тем более что она ждала ребенка от недавно умершего мужа. Но она перестала сердиться. Марии Смит принадлежит, между прочим, стихотворный ответ на французские куплеты Пушкина «*Quand un poete en son exstase...*» («Когда поэт в порыве восторга...»). Однако Энгельгардт не простил Пушкину его нескромности. И на этот раз безупречный в своей гуманности педагог не счел нужным прибегнуть к мерам строгости, но поэт чувствовал, что этот превосходный Егор Антонович считает его, Пушкина, безнадежно падшим в нравственном отношении. И Пушкин не ошибался. В дневнике от 22 марта 1816 года Е. А. Энгельгардт записал по-немецки с полной откровенностью свое близорукое мнение о Пушкине: «Высшая и конечная цель Пушкина – блеснуть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как еще никогда не бывало юношеское сердце. Нежные и юношеские чувства унижены в нем воображением, оскверненным всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания».

Однако Энгельгардт усердно приглашал на свои вечера порочного и строптивого поэта, но Пушкин перестал посещать дом директора. Однажды во время рекреаций Энгельгардт подошел к Пушкину, когда тот сидел за своим пультом, и стал его мягко упрекать за его холодность. Почему Пушкин не бывает на семейных вечерах его, Энгельгардта? Почему Пушкин его не любит? Пусть он скажет откровенно причину своей вражды. Пушкин хмурил брови. Но в конце концов он был растроган. Со слезами на глазах он признался Энгельгардту, что был не прав. Директор, утешенный его раскаянием, заключил упрямого поэта в свои объятия. Они расстались, довольные друг другом. Минут через десять Егор Антонович вернулся к Пушкину, желая что-то сказать, но лишь только Энгельгардт вошел, Пушкин поспешно спрятал какую-то бумагу, заметно смутившись. «От друга таиться не следует», –

²⁵³ Смит Мария Николаевна (урожд. Шарон-Лароз, по второму мужу Паскаль) – француженка, которую Пушкин встретил в Царском Селе. Писала стихи, куплеты. Ею создана остроумная пьеса, в которой после выпускного акта играли окончившие Лицей лицеисты.

²⁵⁴ Теппер де Фергюссон Вильгельм Петрович (ок. 1775 – не ранее 1823) – композитор, лицейский преподаватель музыки и пения. Им написана музыка к «Прощальной песне воспитанников Царскосельского лицея», исполненной впервые 9 июня 1817 г. на торжественном акте по случаю первого выпуска.

сказал добродетельный Егор Антонович, поднимая доску пульта и доставая бумагу. Там была карикатура на него и под ней злая эпиграмма. «Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня в доме», – сказал он спокойно, возвращая поэту его бумагу.

И тем не менее Е. А. Энгельгардт не раз пользовался своею властью, чтобы выручать Пушкина из беды. Очевидно, у этого человека были твердые принципы, и он был свободен от пристрастий и антипатий. Так было и тогда, когда случился смешной скандал в коридоре, соединявшем лицей с дворцом. Героем скандала был Пушкин. Неосторожный поэт в полумраке коридора по ошибке обнял однажды фрейлину Волконскую²⁵⁵, приняв старую девицу за ее хорошенькую горничную Наташу. Фрейлина пожаловалась брату П. М. Волконскому²⁵⁶, а тот государю. Александр Павлович на другой день, увидев Энгельгардта, сказал ему: «Твои лицеисты не дают прохода фрейлинам моей жены. Что же это будет?..» Энгельгардт объяснил, как было дело, и просил простить Пушкина. Царь смягчился. «Старуха, быть может, была в восторге от ошибки молодого человека», – сказал он, легкомысленно улыбаясь.

И. И. Пущин убеждал Пушкина, что Энгельгардт поступил прекрасно, выручив Пушкина, но тот «никак не сознавал этого», уверяя приятеля, что Энгельгардт, в сущности, защищал столько же Пушкина, сколько и самого себя. «Много мы спорили, – рассказывает об этом случае И. И. Пущин. – Для меня оставалось неразрешенной загадкой, почему все внимания директора и жены его²⁵⁷ отвергались Пушкиным: он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душою полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать...»

III

В добродетельном и благополучном доме Егора Антоновича Энгельгардта Пушкину было скучно; литературные журфики²⁵⁸ в семье барона Теппера де Фергюссона тоже были не очень забавны; не веселее было и в семействе Вельо²⁵⁹ или в квартирке добродушного Чирикова; куда интереснее было бывать в доме у Карамзиных, где было чему поучиться и всегда можно было встретить писателей и поэтов... Но и здесь, когда Николаю Михайловичу вздумается заговорить о русской государственности, становится тошно и хочется бежать куда угодно, только бы не видеть этого изящного старика и не слышать его речей во славу самодержавной монархии.

Тогда Пушкин, сговорившись с лицейскими аргусами²⁶⁰, уходил на всю ночь в Софию²⁶¹, в казармы, к гусарам. Там его встречали с распростертыми объятиями. Там не было постных физиономий и можно было острить и шутить, соперничая с самим Вольтером.

Здесь не смотрели на Пушкина как на школьника. С ним считались как с поэтом, остряком и вольнодумцем. Царскосельские гусары были, конечно, лихими повесами, и казармен-

²⁵⁵ Волконская Варвара Михайловна (1781–1865) – камер-фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, сестра П. М. Волконского.

²⁵⁶ Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – светлейший князь, генерал-адъютант, начальник Главного штаба, министр двора. С 1850 г. – фельдмаршал.

²⁵⁷ ...и жены его... – Энгельгардт Марии Яковлевны (1778–1858. урожд. Уайтекер).

²⁵⁸ Журфикс – определенный день недели, предназначенный для приема гостей.

²⁵⁹ Вельо (Велио) Иосиф (1755–1802) – барон, придворный банкир, родом португалец. Его сын, генерал, впоследствии стал комендантом Царского Села. О его дочерях Пушкиным сочинено четверостишие: «И останешься с вопросом / На берегу замерзлых вод: / Мамзель Шредер с красным носом / Милых Вельо не ведет?»

²⁶⁰ Аргус – в греко-римской мифологии стоглазый великан, приставленный богинею Герою (Юноною) в качестве стража к ее сопернице Ио, обращенной в корову. В переносном значении – бдительный страж.

²⁶¹ София – часть Царского Села, где были расположены гвардейские полки. В 1808 г. присоединена к Сарскому селу (при Петре I – Сарская мыза – от финского слова Сариймойс – верхняя мыза), которое было переименовано в Царское Село.

ный быт, хмельной и беспутный, был сомнительной опорой для нравственности, но Пушкин предался ему с увлечением.

Все эти молодые люди – Молоствов²⁶², Зубов²⁶³, Сабуров²⁶⁴, Каверин²⁶⁵ и другие – нравились Пушкину своим веселым удалством, и иные из них внушали к себе уважение, потому что поэт видел в них участников Отечественной войны. Некоторые из этих гвардейцев совершили Заграничный поход и были свидетелями русского триумфа в Париже. Они вернулись в Россию с какими-то надеждами на возрождение Отечества и на торжество тех освободительных идей, которые были достоянием европейской либеральной буржуазии.

Пушкин разделял эти надежды. Правда, он не успел еще найти какой-нибудь положительный идеал гражданственности, но зато он твердо знал, что надо бороться с абсолютизмом, клерикализмом, феодализмом... В этом он был уверен. И если он год тому назад написал патриотическую оду «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.», то теперь он сам стыдится этих официальных стихов. На императора Александра не один Пушкин, но и многие свободомыслящие дворяне возлагали какие-то надежды, но теперь ясно, что эти надежды тщетны.

Декабрист И. Д. Якушкин²⁶⁶ рассказывает в своих записках, что, когда гвардия вернулась из Заграничного похода, он наблюдал в Петербурге торжественный въезд царя. «Наконец, – пишет он, – показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей... Мы им любовались. Но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет...»

Не один Якушкин разочаровался тогда в царе. Приятели Пушкина, лейб-гусары, презирали двусмысленную царскую политику и самого царя. Правда, это гусарское вольномыслие было не очень глубоко, и позднее сам Пушкин вспоминал иронически об этих разговорах «между лафитом и клико»²⁶⁷. Тогда еще не входила глубоко в «сердца мятежные наука». Все это было только скука —

Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.

Близость к дворцовой, придворной жизни позволила и молодым гусарам, и лицеистам узнать, между прочим, такие секреты царского быта, какие не могли поддержать в них чув-

²⁶² Молоствов Памфамир Христофорович (1793–1828) – корнет, с 1817 г. ротмистр лейб-гвардейского Гусарского полка, с 1823 г. – отставной полковник. Чудаковатый, веселый и остроумный человек, приятель Пушкина в последние лицейские годы.

²⁶³ Зубов Алексей Николаевич (1798–1864) – приятель Пушкина в последние месяцы его лицейской жизни. Отставной ротмистр с 1822 г. Выделялся красотой, о чем упоминает Пушкин в стих. «Сабуров, ты оклеветал...» (1824).

²⁶⁴ Сабуров Яков Иванович (1798–1858) – юнкер в 1817 г., офицер лейб-гвардейского Гусарского полка в 1818–1819 гг. С 1821 г. – отставной поручик. С 1825 г. чиновник канцелярии М. С. Воронцова в Одессе. Обращение к нему «Сабуров, ты оклеветал...» связано с тем, что Пушкин получил от кого-то известие, что Сабуров распространяет о нем порочащие его слухи.

²⁶⁵ Каверин Петр Павлович (1794–1855) – в 1810–1811 гг. студент Геттингенского университета, в 1812 г. – служил в московском ополчении, поручик лейб-гвардии Гусарского полка (1816–1819). Участвовал в турецкой кампании 1828–1829 гг. и в усмирении польского мятежа. Важное свидетельство близости Пушкина и Каверина – послание «К Каверину» (1817), которое подтверждает, что поэта связывали с ним не только кутежи, но и общие литературные и умственные интересы.

²⁶⁶ Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1857) – декабрист, один из основателей тайных обществ в России.

²⁶⁷ ...«между лафитом и клико». – Здесь и далее цитируются строки из X главы «Евгения Онегина». Лафит – сухое красное вино, которым начинают обед. Клико – шампанское, которым его завершают.

ство уважения к императору. Пушкин и другие лицеисты посещали, например, дом барона Вельо и даже волочились за его дочкою Софи, но все знали, что эта самая Софья Осиповна Вельо²⁶⁸ – наложница Александра Павловича Романова и царь назначает ей свидания в Баболовском дворце²⁶⁹.

Среди вольнодумцев-гусаров выделялся Петр Павлович Каверин. Он был старше Пушкина на пять лет. Этот молодой лейб-гусар был образованный человек. Он учился в «благородном московском пансионе», потом год слушал лекции в Московском университете, а в 1810–1812 годах – в Геттингенском вместе с братьями Тургеневыми. Отечественная война понудила его идти на военную службу. Он участвовал в кампании 1813–1815 годов. В январе одновременно с Чаадаевым он перешел в лейб-гвардии гусарский полк и тогда же познакомился с Пушкиным. У Каверина была репутация отчаянного кутилы. Он поразил воображение и немцев в Гамбурге, и соотечественников в Петербурге. Десятки анекдотов рассказывали про этого молодого человека, отличавшегося, по выражению П. А. Вяземского, «скифскою жаждою». Это не помешало ему быть масоном и обладателем немецкого патента ложи «Золотого циркуля», выданного ему в Геттингене весной 1812 года с удостоверением, что он получил звание мастера.

Каверин был красив, отличался железным здоровьем и заразительной веселостью. Само собою разумеется, что он был покорителем сердец. Одним словом, он не случайно был приятелем Евгения Онегина²⁷⁰. На войне он получил золотое оружие «За храбрость»; в мирной обстановке он щеголял изысканностью своего костюма и прекрасными манерами, а в холостой компании – гомерическими²⁷¹ кутежами и фантастическими приключениями.

Пушкин посвятил ему катрен:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар²⁷².

За какие-то фамильярные строки, ему посвященные Пушкиным, Каверин обиделся, и поэту пришлось написать ему иное послание:

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи...²⁷³

Впоследствии, переделывая эту пьесу, Пушкин утешал его тем, что «ум высокий можно скрыть безумной шалости под легким покрывалом». А в первоначальной редакции

²⁶⁸ Вельо Софья Осиповна (1793–1840) – дочь придворного банкира, фаворитка Александра I. Впоследствии замужем за генерал-майором Александром Максимовичем Ребиндером.

²⁶⁹ Баболовский дворец – Малый царский дворец, находящийся в глубине Царскосельского парка, близ селения Баболово.

²⁷⁰ ...был приятелем Евгения Онегина. – Слова Чулкова отсылают к строчкам: «К Talon помчался: он уверен, / Что там уж ждет его Каверин» (1-я глава).

²⁷¹ Гомерический эпитет, обычно употребляемый для обозначения неудержимого, необычайной силы смеха (от описания смеха богов в поэме Гомера «Илиада»), но также для описания чего-либо грандиозного.

²⁷² «В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...» – из четверостишия «К портрету П. П. Каверина» (1817).

²⁷³ «Забудь, любезный мой Каверин...» – из послания Пушкина «К Каверину» (1817). Чулков цитирует неточно. У Пушкина: «...счастливые грехи».

та же мысль была высказана более пространно, и поэт уверял приятеля, что «можно дружно жить с стихами, с картами, с Платоном²⁷⁴ и с бокалом».

В декабре 1825 года, когда опальный Пушкин жил поневоле в Михайловском, Каверин был уже в отставке и скучал в Калужской губернии. На Сенатской площади его не было. Однако он был членом Союза благоденствия²⁷⁵ и в качестве такового просидел некоторое время в Петропавловской крепости. Его, впрочем, освободили, и он был, по официальному выражению, «оставлен без внимания».

Совсем по-иному выделялся из гусарской среды Петр Яковлевич Чаадаев. Он был ровесник Каверина, так же, как он, участвовал в Отечественной войне и побывал с русскими войсками в Париже. Он также был масоном. Его имя имеется в списке петербургской ложи «Соединенных братьев». В 1814 году он был принят в какую-то ложу в Кракове. По его собственным словам, он достиг высокой степени посвящения, кажется, восьмой, и был связан со старинной шведской масонской организацией. Однако уже в 1818 году Чаадаев разочаровался в масонстве. На то у него были серьезные основания. Но в годы его царскосельского знакомства с Пушкиным он еще посещал ложу. Чаадаев познакомился с Пушкиным в доме Карамзина, и поэт был очарован этим не совсем обыкновенным человеком. Тогда еще у Чаадаева не было сложившейся философской системы, и он, как и все вольнодумцы-масоны, исповедовал миросозерцание, которое впоследствии (в письме к своему приятелю декабристу И. Д. Якушкину) сам называл «леденящим душу «деизмом»²⁷⁶, не идущим дальше сомнений». Однако уже тогда, в 1816–1817 годах для Чаадаева его убеждения вовсе не были «забавою взрослого шалуна». Петр Яковлевич Чаадаев хотя и был «вторым Евгением»²⁷⁷ и так же, как этот денди²⁷⁸, очень был озабочен тем впечатлением, какое он производит в салонах, однако было в нем и нечто иное, и Пушкин понял серьезность и глубину этого всегда трезвого человека. За блестящей внешностью гвардейца таилась какая-то особая жизнь, к которой с любопытством и вниманием приглядывался юный Пушкин. Поэту с достаточным основанием приписывают четверостишие, посвященное Чаадаеву:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут²⁷⁹,
В Афинах Периклес²⁸⁰,
А здесь он офицер гусарский²⁸¹.

Пушкин, быть может, не совсем удачно старался угадать возможную биографию Чаадаева, но, во всяком случае, правильно почувствовал, что этот красавец, надменный, холодный, спокойный, самоуверенный и всегда как будто несколько задумчивый и печальный,

²⁷⁴ Платон (428/427—348/347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа.

²⁷⁵ Союз благоденствия — тайная организация декабристов в 1818–1821 гг. Основана в Москве на базе Союза спасения.

²⁷⁶ Деизм — религиозно-философское учение, допускающее существование Бога лишь как первопричины мира и отрицающее существование Бога как личности и его вмешательство в самодвижение природы (т. е. «промысел божий») и не допускающее иных путей к познанию Бога, кроме разума. Деизм сыграл значительную роль в развитии свободомыслия.

²⁷⁷ ...«вторым Евгением»... — несколько перефразированные строки из «Евгения Онегина»: «Второй Чаадаев мой Евгений» (1-я глава).

²⁷⁸ Денди — изысканно одетый светский человек, законодатель моды.

²⁷⁹ Брут Марк Юний (85–42 гг. до н. э.) — один из убийц Цезаря, организатор заговора против него.

²⁸⁰ Периклес (Перикл) — греческий государственный деятель V в. до н. э., с именем которого связан расцвет афинской демократии, наук и искусств.

²⁸¹ «Он вышней волею небес...» — из стих. «К портрету П. Я. Чаадаева» (1818–1820). Оно действительно принадлежит перу Пушкина.

оказался в «оковах службы царской» как-то не на своем месте и в иных исторических условиях пришлось бы ему выбрать для себя совсем иной жизненный путь.

О чем этот философствующий гусар беседовал с юным поэтом? Темы этих бесед у нас не вызывают никаких сомнений. У нас есть признания самого Пушкина, который посвятил Чаадаеву три послания, если не считать пьесы «К моей чернильнице»²⁸², которая, в сущности, есть четвертое послание ему же. Вероятно, в 1818 году поэт признается, что «нетерпеливою душой» они оба «отчизны внемлют призыванье»: они жаждут «минуты вольности святой». Молодые люди «свободою горят»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!²⁸³

Итак, очевидно, что разговоры шли о сокрушении самодержавия прежде всего. Само собою разумеется, что вопрос о крепостном праве также разрешался в либеральном смысле. Весь круг тогдашних идей, которые характерны для декабристов, был, конечно, очень близок и Чаадаеву, и Пушкину в первые годы их дружбы. Второе послание «К чему холодные сомненья...»²⁸⁴, хотя и загадочно несколько относительно времени написания и даже относительно истории самого текста, всецело подтверждает, однако, признания первого послания. Правда, теперь в сердце поэта, «бурями смиренным», иные настроения, но он очень помнит, как «с восторгом молодым» он делил дружбу с Чаадаевым. Но «молодые восторги» и мечты о борьбе с самодержавием были свойственны тогда многим образованным дворянам, не довольным сложившимися для них неблагоприятно историческими условиями. Иное дело – Чаадаев. У него было какое-то своеобразное отношение к России и к освободительным идеям эпохи. Чаадаев не просто увлекался политическим вольнодумством. Он искал цельного мирозерцания. Он искал какого-то высшего смысла в истории. В те юные годы у него еще не сложилась оригинальная и последовательная философская система, но он уже искал ее и требовал от Пушкина участия в этих исканиях. Менее всего юный поэт был подходящим человеком для какой-либо философской системы. Всякое отвлеченное мышление было чуждо пушкинской натуре, но живую личность Чаадаева со всей его искренней жаждой узнать истину поэт чувствовал и любил. В третьем послании 1821 года, «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», Пушкин дает отчет другу в своих новых настроениях и трудах. Теперь он хочет следовать его советам «и в просвещении стать с веком наравне». Поэт мечтает опять встретиться с Чаадаевым:

Когда услышу я сердечный твой привет?
Как обниму тебя! Увижу кабинет.
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,

²⁸² «К моей чернильнице» – стих. написано в 1821 г.

²⁸³ «Товарищ, верь: взойдет она...» – из стих. «К Чаадаеву» (1818). У Чулкова ошибочно процитировано: «Заря пленительного счастья», что мы посчитали необходимым исправить.

²⁸⁴ «К чему холодные сомненья...» – из стих. «Чаадаеву» (1821).

Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим...

Если Пушкин угадал в Чаадаеве идейную силу и душевную значительность, то и Чаадаев, в свою очередь, поверил один из первых в гениальность поэта. Но его уже и тогда, в годы их царскосельских встреч, смущало непонятное ему равнодушие Пушкина к теоретическому мышлению. Чаадаеву казалось, что его долг руководить этим капризным умом. И хотя, в сущности, он сам не нашел еще тогда своего нового положительного слова, но он все-таки чувствовал себя идейно вооруженным и верил, что само «провидение» соединило его с поэтом. И позднее, когда их пути разошлись, Чаадаев издали ревниво следил за судьбою Пушкина.

Здесь, у Чаадаева, познакомился Пушкин с шестнадцатилетним мальчиком Николаем Николаевичем Раевским²⁸⁵ и подружился с ним. Умный и даровитый Раевский, младший сын известного героя 1812 года²⁸⁶, не был кутилою. Его дружба с поэтом была прочной и значительной. Пушкин ценил ее.

Весною 1817 года по каким-то соображениям решено было досрочно назначить выпускные экзамены и выдать двадцати девяти лицеистам их дипломы. Пушкин как раз в эти последние месяцы учился очень небрежно и даже по русскому языку получил худую отметку. Ему было не до того. Он делил свое время между умным Чаадаевым и беспутными его товарищами по гусарским казармам в Софии. Было, впрочем, у него и одно важное дело. Он обдумывал и уже начал писать большую сказку-поэму «Руслан и Людмила». Экзаменов лицеисты не боялись. Педагоги, заинтересованные в том, чтобы их питомцы не ударили в грязь лицом, заранее открыли все секреты экзаменов и даже распределили между лицеистами темы, на которые они должны были отвечать. Пушкин тоже не боялся экзаменов, но у него была другая забота. Еще в марте он начал сочинять стихи, которым, вероятно, придавал немалое значение. Очень может быть, что сам Энгельгардт предложил ему тему. Это была опасная тема. Юный поэт решил написать нечто о безверии. Мы теперь знаем, что добродетельный Егор Антонович в своей немецкой записке со свойственной ему прямолинейностью отметил, что у Пушкина «французский ум», что «его сердце холодно и пусто», что в нем «нет ни любви, ни религии». И вот теперь этот высоконравственный педагог как будто захотел испытать поэта еще раз и выслушать от него его последнее признание... Возможно, однако, что Пушкин и сам выбрал эту рискованную тему; возможно, что ему захотелось на прощание дать какое-то объяснение этому своему моральному обличителю и строгому судье. Первые строки стихотворения как будто непосредственно обращены к Энгельгардту:

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье...²⁸⁷

²⁸⁵ Раевский Николай Николаевич (1801–1843) – младший сын генерала Н. Н. Раевского, командир Нижегородского драгунского полка (1826–1829), генерал-лейтенант.

²⁸⁶ ...известного героя 1812 года... – Раевского Николая Николаевича (1771–1829), генерала от кавалерии, участника войны 1812 г., члена Государственного совета. После смерти Раевского Пушкин отозвался на составленную А. Ф. Орловым его биографию заметкой в «Литературной газете» (1830).

²⁸⁷ «О вы, которые с язвительным упреком...» – из стих. «Безверие» (1817).

Если бы поэт отнесся к своей задаче официально, как он это сделал, когда ему пришлось писать стихи по поводу бракосочетания принца Оранского, до которого ему не было никакого дела, он бы совсем иначе написал свое «Безверие». Нет, на этот раз Пушкин со всею искренностью ведет полемику со своими обличителями:

Смирите гордости жестокой исступленье...

Его строгие судьи оказываются теперь в роли подсудимых. Поэт сам их обличает. Он вовсе не приносит покаяние. Напротив, он с полной откровенностью рассказывает о душевном состоянии того, чей «ум ищет божества, а сердце не находит».

Этот не совсем обычный афоризм через четыре года Пушкин записал в своем кишиневском дневнике: «Сердцем я материалист, но мой разум с этим не мирится». Пушкин записал эти слова Пестеля – «умного человека во всем смысле этого слова».

Восемнадцатилетний Пушкин в «Безверии» нисколько не отказывается от своего безбожия. Он только утверждает, что оно еще не обеспечивает человеку оптимистического взгляда на мир. Это мысль в духе Чаадаева. Безверие – безотраднo. Что это сказано не в угоду начальству, видно из того, что в известном письме 1824 года перехваченном жандармами, Пушкин повторяет ту же мысль об атеизме, «системе не столь утешительной, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобной». То, что можно было сказать безнаказанно на экзамене в 1817 году, через семь лет оказалось преступным в глазах николаевского правительства.

Неизвестно, понял ли Е. А. Энгельгардт горький сарказм Пушкина. Кстати сказать, этот строгий моралист, обвинявший Пушкина в том, что у него в сердце нет религии, сам был, по свидетельству одного из его учеников, человеком неверующим. Это очень похоже на истину, ибо хотя Егор Антонович и построил в Царском Селе кирху на деньги, отчасти собранные из масонских лож и отчасти полученные им на это дело из русской казны, но вся его кисло-сладкая религия сводилась к очень жалкому рационализму. И в «безбожии» юного Пушкина было в тысячу раз больше положительного отношения к бытию, чем в этой худосочной «религии сердца» благочестивого лифляндского дворянина.

Экзамены, состоявшиеся 17 мая, прошли совсем не торжественно. Также очень скромно прошел и акт, на коем присутствовал Александр Павлович Романов в сопровождении маленького А. Н. Голицына²⁸⁸, заменившего теперь на посту министра народного просвещения графа А. К. Разумовского. Это был тот самый Голицын, который, утомившись развратом, находил теперь приятность в навязывании российским гражданам самого темного и тупенького мистицизма.

Итак, 9 июня на выпускной акт пришел в лицей император, который в 1811 году основал это учебное заведение, но потом в течение шести лет не удосужился ни разу поговорить ни с одним из юношей и ни разу даже не зашел в здание лицея. Лицейсты видели царя только в аллеях парка, когда он пробирался к своей любовнице Вельо.

После акта он вдруг решил осмотреть дортуары²⁸⁹. Этого царского каприза никто не ждал, и смущенный Е. А. Энгельгардт водил царя по лицей, где в беспорядке валялись повсюду баулы и дорожные корзины лицеистов, которые в тот же вечер спешили разъехаться по домам.

Пушкин получил диплом, в коем было сказано, что он обучался шесть лет в лицее Закону Божию, Священной истории, логике, нравственной философии, праву естествен-

²⁸⁸ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – князь, друг Александра I. В молодости вольтеррианец, затем мистик. Был обер-прокурором Синода и министром народного просвещения (1816–1824). Известен как ханжа и жестокий гонитель свободомыслия.

²⁸⁹ Дортуар – общая спальня в закрытом учебном заведении.

ному, частному и публичному, а также российскому гражданскому и уголовному праву и оказал во всех этих предметах успехи хорошие. Превосходные успехи он оказал в трех предметах в словесности французской, русской и фехтовании. Перечислены были еще и многие другие предметы, которыми он «сверх того занимался».

Из 29 воспитанников по успехам в науках Пушкин оказался девятнадцатым и был выпущен с чином десятого класса²⁹⁰ и определен в Коллегию иностранных дел²⁹¹ с жалованьем в 700 рублей ассигнациями.

В прощальном послании к товарищам Пушкин писал:

Равны мне писари, уланы.
Равны законы, кивера.
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора²⁹²;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак...²⁹³

Очевидно, Пушкин намекал на якобинский колпак²⁹⁴, который считал самой подходящей эмблемой для своей новой жизни. Поэт, однако, не без грусти покидал свое царское-сельское жилище. В послании Горчакову он как будто предчувствует, что его жизнь будет нелегкой и несчастливой:

Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый
Явлюсь на час — и одинок умру...²⁹⁵

Пушкин трогательно прощался с товарищами юных лет. В послании к Кюхельбекеру он дает обещание верности:

Святому братству верен я!²⁹⁶

И в самом деле, всю жизнь поэт добром поминал лицейскую годовщину. В пьесе «19 октября» 1825 года он поминает не только товарищей, но и лицейских учителей:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим...

²⁹⁰ Чин 10-го класса — в Гражданской табели о рангах соответствовал губернскому секретарю. Поступив на службу в 1831 г., Пушкин получил чин титулярного советника (9-й класс).

²⁹¹ Коллегия иностранных дел — одна из первых коллегий, учрежденных (1718) Петром I взамен приказов. Высшее государственное учреждение, ведавшее сношениями России с иностранными державами.

²⁹² Ассессор — то есть коллежский ассессор, чин 8-го класса (из 14, 1-й — высший). Часто употреблялось как синоним чиновника.

²⁹³ «Равны мне писари, уланы...» — из стих. «Товарищам» (1817).

²⁹⁴ Якобинский колпак — мягкий головной убор красного цвета французского простолюдина, который носили и представители революционной буржуазии, желая наглядно подтвердить свою близость к народу. Он являлся символом свободы. Например, члены «Арзамаса» должны были произносить свою первую речь в красном колпаке.

²⁹⁵ «Мне кажется: на жизненном пиру...» — из стих. «Князю А. М. Горчакову» (1817).

²⁹⁶ «Святому братству верен я...» — из стих. «Разлука» (1817). В первой редакции называлось «К Кюхельбекеру».

Итак, юность кончилась. На случайно уцелевшем клочке автобиографических записок Пушкина имеются следующие строки: «Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу...»

Глава четвертая. В Петербурге 1817–1820 годов

I

В Михайловском Пушкин познакомился с обитательницами Тригорского, соседней усадьбы, где хозяйничала П. А. Осипова²⁹⁷, окруженная целым роем девочек и девиц. Через семь лет поэту суждено было в деревенском заточении делить досуги с этой семьей и ухаживать поочередно почти за всеми влюбленными в него девицами. Но в 1817 году ему было не до сельских романов. Его манил Петербург. Кроме Тригорского посетил он еще Петровское, где жил брат его деда, генерал Петр Абрамович Ганнибал²⁹⁸, который, утомленный старостью и бурными страстями, находил теперь утешение в искусном приготовлении разнообразных водок и настоек. «Подали водку, – рассказывал впоследствии Пушкин про эту встречу, – налив рюмку себе, велел он и мне поднести, я не поморщился – и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз пять или шесть до обеда...» Побывал Пушкин и у другого своего родственника, Павла Исааковича Ганнибала²⁹⁹, который принял его радушно и понравился поэту веселым своим нравом, что будто бы не помешало ему вызвать старика на дуэль за то, что он отбил у него какую-то девицу во время котильона³⁰⁰ на деревенском балу. Дуэль, впрочем, не состоялась, потому что Ганнибал насмешил своего строптивого родственника экспромтом:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал.

Этот анекдот очень похож на истину.

В конце августа, не используя для деревенской идиллии двухмесячного отпуска, Пушкин вернулся в Петербург. Ему пришлось жить в доме родителей. Пушкины нанимали второй этаж в доме Клокачева, на Фонтанке, близ Калинкина моста, а в первом этаже обитало семейство барона Корфа. И этот Корф в своей записке брезгливо рассказывает: «Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедало человека два-три лишних, то всегда присылали к нам за приборами». Немудрено, что Пушкин, познакомившись с Катениным, не приглашал его к себе; самолюбивому и мнительному Павлу Александровичу казалось это непонятным. Пушкин вообще никого не приглашал к себе и не мог приглашать. В доме Пушкиных быт в самом деле был очень странный. Сергей Львович Пушкин в своей скупоп-

²⁹⁷ Осипова Прасковия Александровна (1781–1859, урожд. Вындомская) – помещица села Тригорского. В первом браке была за Николаем Ивановичем Вульфом (1771–1813), от которого имела пятерых детей; вторично вышла замуж за статского советника Ивана Сафоновича Осипова (? – 1824) и имела от него двух дочерей. Образованностью и начитанностью выделялась из среды провинциального дворянства. Бывая в Михайловском, Пушкин пользовался ее библиотекой.

²⁹⁸ Ганнибал Петр Абрамович (1742–1826) – генерал-лейтенант с 1783 г. Долгое время находился под судом за растрату артиллерийских снарядов. Владел с. Петровским, около с. Михайловского, где его посетил Пушкин.

²⁹⁹ Ганнибал Павел Исаакович (ок. 1776 – до 1841) – родственник Пушкина со стороны матери, участник Отечественной войны. Причастен к движению декабристов.

³⁰⁰ Котильон (*фр. cotillon*) – бальный танец французского происхождения. Объединяет вальс, мазурку, польку и др.

сти перешел какие-то пределы пристойности. Даже своему любимому Левушке он делал серьезные выговоры, если тому случалось разбить рюмку. Пушкин с горечью вспоминал в 1823 году, как отец упрекал его, когда он, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы брал извозчика от Аничкова моста за восемьдесят копеек. С. А. Соболевский³⁰¹ рассказывал, как Пушкину приходилось упрашивать, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и как Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен императора Павла. Поэт находил, впрочем, случаи для того, чтобы дразнить своего батюшку за скупость. Однажды Пушкину случилось кататься на лодке в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что можно было видеть речное дно. Пушкин вынул несколько золотых монет и одну за другою стал бросать в воду, любуясь их блеском в лучах солнца.

Пушкин был беспечен. Это возмущало Сергея Львовича, хотя он сам нисколько не был склонен обременять себя заботами и делами. Семисот рублей жалованья Пушкину, конечно, не хватало на его тогдашнюю жизнь. Заработка литературного еще не было. И вот, несмотря на такую нищету, Пушкин предался светской жизни и разгулу, который обращал на себя внимание. Откуда он брал средства для такого образа жизни? По-видимому, он пировал у своих многочисленных приятелей, не считая себя обязанным в свою очередь устраивать пиры для этих «друзей Вакха и Киприды»³⁰². В этом отношении он не мог, конечно, соперничать ни с Н. В. Всеволожским³⁰³, ни с В. В. Энгельгардтом³⁰⁴, ни с десятками других своих друзей и поклонников. Зато он «музу резвую привел на шум пиров и буйных споров».

И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей.
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась...³⁰⁵

Пушкин гордился своей «ветреной подругой», но, конечно, она была его спутницей не только во время поездок на «остров Цитеры»³⁰⁶ или при жертвах вечно юному Бахусу. За видимым разгулом таилась иная жизнь. Но поэт не любил откровенничать и предпочитал репутацию беспечного гуляки. Старшие его друзья были обеспокоены его судьбой. А. И. Тургенев жалуется в ноябре 1817 года Жуковскому: «Пушкина-Сверчка я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете. Пожури его». Вздыхал и Е. А. Энгельгардт, до которого доходили слухи о кутежах Пушкина: «Ах, если бы бездельник этот захотел учиться, он был бы человеком выдающимся в нашей литературе...»

³⁰¹ Соболевский Сергей Александрович (1803–1870) – библиофил и библиограф, учился вместе с братом Пушкина Львом в Петербургском университетском благородном пансионе. Принимал активное участие в устройстве денежных дел поэта.

³⁰² Киприда – имя Афродиты (по острову Кипр, около которого, согласно мифу, она родилась из пены морской).

³⁰³ Всеволожский Никита Всеволодович (1799–1862) – богатый помещик, владлец рыбных промыслов, табачных и рисовых плантаций и виноградников. Основатель общества «Зеленая лампа», театрал, переводил пьесы, любитель музыки и певец.

³⁰⁴ Энгельгардт Василий Васильевич (1785–1837) – внучатый племянник Потемкина-Таврического, известный петербургский богач. Имел доходные дома с приспособленными для публичных концертов, балов залами.

³⁰⁵ «И к ним в безумные пиры...» – строка из III строфы 8-й главы «Евгения Онегина».

³⁰⁶ Цитера – то же, что Афродита, Киприда.

Проходит несколько месяцев, и Тургенев опять жалуется на Пушкина в письме к Вяземскому: «Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал, целый день делает визиты б...м, мне и кн. Голицыной³⁰⁷, а ввечеру иногда играет в банк³⁰⁸...» Даже К. Н. Батюшков стал беспокоиться и предлагал отправить Пушкина в Геттинген и «кормить года три молочным супом и логикой»... Авось тогда образумится.

Впрочем, если бы у нас не было этих свидетельств о беспутном поведении Пушкина, мы знали бы о всех его слабостях из его собственных признаний. Вскоре после лица он в концовке остроумного послания А. И. Тургеневу³⁰⁹ объявил, что «поэма никогда не стоит улыбки сладострастных уст». Этот афоризм стал его девизом, по крайней мере в трехлетие его петербургской жизни до высылки на Юг. Однако, как бы он ни бравировал своим пристрастием к радостям «общедоступной Афродиты», на самом деле он свято хранил в сердце иные радости. В послании к Жуковскому («Когда к мечтательному миру...»³¹⁰) он признается старшему другу:

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!..

Об этом, конечно, он не станет говорить ни Мансурову³¹¹, ни Юрьеву³¹², ни Щербинину³¹³. С уланом Юрьевым он будет болтать о ветреных Лаисах³¹⁴ и об его усах, попутно сообщая, что он, поэт, «потомок негров безобразный»³¹⁵, нравится этим самым Лаисам «бесстыдным бешенством желаний». С красавцем и богачом Щербининым он будет вспоминать о том, как они вином душистым запивали «жирный страсбургский пирог»³¹⁶, а Мансурову напишет такое письмо³¹⁷, очевидно, сохраняя стиль своих с ним бесед, что его воспроизвести в печати полностью никак нельзя по непристойности выражений.

Ссылаться на эпоху и тем оправдывать поведение Пушкина тех годов едва ли следует. После веселого вечера у Каверина, который пригласил к себе свою подругу «для удовлетворения плотских желаний», по его выражению, Пушкин пишет:

Мы пили – и Венера с нами
Сидела, преля за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером

³⁰⁷ Голицына Евдокия Ивановна (1780–1850, урожд. Измайлова) – княгиня, жена вельможи Сергея Михайловича Голицына (1774–1859), попечителя Московского учебного округа, председателя Московского цензурного комитета, с которым жила «в разъезде», придерживалась крайне патриотических взглядов. Пушкин посвятил ей два мадригала – «Простой воспитанник природы» и «Краев чужих неопытный любитель».

³⁰⁸ Банк – карточная игра.

³⁰⁹ «Послание к А. И. Тургеневу» – написано в 1819 г.

³¹⁰ «Когда к мечтательному миру...» – из стих. «Жуковскому» (1818).

³¹¹ Мансуров Павел Борисович (1795 – ок. 1880) – с 1824 г. штабс-капитан лейб-гвардейского Драгунского полка, впоследствии чиновник Министерства финансов, действительный тайный советник.

³¹² Юрьев Федор Филиппович (1796–1860) – участник военных походов 1813–1815 гг. С 1835 г. служил по Министерству внутренних дел, затем по Министерству финансов, действительный статский советник.

³¹³ Щербинин Михаил Андреевич (1793–1841) – участник войны 1812 г., впоследствии помещик в Харьковской губернии.

³¹⁴ Лаиса (V в. до н. э.) – известная своей красотой греческая гетера, жившая в Коринфе. Ее имя стало нарицательным для обозначения продажной женщины.

³¹⁵ «Потомок негров безобразный»... – из стих. «Юрьеву» (1820).

³¹⁶ ...«жирный страсбургский пирог»... – из стих. «К Щербинину» (1819). Страсбургский пирог – паштет из гусяной печени с трюфелями.

³¹⁷ ...такое письмо... – имеется в виду послание «Мансурову» (1819).

С б-ми, вином и чубуками?³¹⁸

Но не вся эпоха заполнена была этим распутством. Были ведь тогда не только Юрьевы и Мансуровы, но и Жуковские, Раевские и Чаадаевы. Да и сам Пушкин прекрасно понимал уже тогда, какова цена всем этим гусарским «радостям». И едва ли он искренен, когда уверяет приятелей, что «молодость и счастье» – в хмельном разгуле:

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель³¹⁹.

Написал же он незадолго до этих легкомысленных стихов пьесу «Прелестнице»³²⁰, где у него «невольный хлад негодованья» в каждой ямбической строчке:

Не привлечешь питомца музыки
Ты на предательскую грудь.
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

Пушкин и в эти годы отлично понимал, что поверхностная философия какого-нибудь Кривцова³²¹ немногого стоит, понимал – и все же писал ему сочувственные стихи³²². В чем же тайна этих противоречий? Ее разгадать не так уж трудно, если представить себе восемнадцатилетнего Пушкина и припомнить его отроческие годы, его семью, его педагогов, тогдашний дворянский быт и его африканскую натуру.

Вся чувственность его предков, все темные их страсти бушевали в «маленьком» Пушкине. К тому же эти страсти были не в хилом теле, как это иногда бывает. Пушкин был юноша здоровый, крепкий, мускулистый, гибкий. Он был гимнаст. Он славился как неутомимый ходок пешком. Он умел и любил плавать. Смело ездил верхом, хотя позднее кавалеристы подсмеивались над его приемами наездника. Он отлично дрался на эспадронах³²³. Известный фехтовальный учитель Вальвиль³²⁴ считал его лучшим своим учеником.

Здоровый и страстный, он жадно искал чувственных наслаждений – и что могло тогда остановить его на этих сомнительных путях? Сухой и бесплодный морализм Е. А. Энгельгардта мог только вызвать иронию у такого «вольтерьянца», каким был юный Пушкин. «Религия сердца» сентиментального Жуковского могла только забавлять его своей наивностью. Та социальная среда, в коей он вращался, была вся на ущербе, и «дворянская распущенность нравов» всецело поддерживала его чувственные пристрастия. Французская поэ-

³¹⁸ «Мы пили – и Венера с нами...» – из стих. «27 мая 1819».

³¹⁹ «Здорово, молодость и счастье...» из стих. «Юрьеву» (1819).

³²⁰ «Прелестнице» – стих. написано в 1818 г.

³²¹ Кривцов Николай Иванович (1791–1843) – брат декабриста С. И. Кривцова, участник войны 1812 г. В 1818–1819 гг. служил в русском посольстве в Лондоне.

³²² ...сочувственные стихи. – Пушкин посвятил Кривцову стихотворения «Не пугай нас, милый друг» (1817) и «Когда сожмешь друг другу руки» (1818).

³²³ Эспадрон – спортивная сабля с клинком.

³²⁴ Вальвиль Александр Александрович (ум. после 1850) – учитель фехтования в Царскосельском лицее.

зия, почти вся эротическая и нередко скабрезная, давно уж развратила его воображение. Тщетно Чаадаев пытался внушить своему другу какие-то начала нравственности: у самого Петра Яковлевича в эти годы не было еще цельного мировоззрения, и ему не удалось победить веселый скепсис юного эпикурейца.

Надо удивляться не тому, что Пушкин предавался кутежам и не брезговал альковами Лаис, а тому, что в эти годы уже возникали в его душе серьезные замыслы, что чудесно зрел его поэтический дар и что он среди любовных и чувственных приключений находил время для упорного труда над своей поэмой «Руслан и Людмила». Но как ни крепок был организм Александра Сергеевича Пушкина, кутежи и альковные увлечения должны были подорвать его здоровье. Январь и февраль 1818 года поэт прикован был к постели. Он воспользовался невольным уединением и усердно работал над своей поэмой. «Если бы еще два или три... так и дело в шляпе, – писал А. И. Тургенев Вяземскому 18 декабря 1818 года. – Первая... болезнь была и первую кормилицей его поэмы». В феврале 1819 года Пушкин опять болен. «Венера пригвоздила Пушкина к постели и к поэме», – считает своим долгом сообщить Тургенев тому же Вяземскому. В середине июня Пушкин снова лежал больной. На этот раз у него была «горячка». Жизнь его подвергалась серьезной опасности. «Пушкин очень болен, – пишет Тургенев Вяземскому. – Он простудился у дверей одной... которая не пускала его в дождь к себе, для того чтобы не заразить его своей болезнью. Какая борьба благородства, любви и распутства!» Этот или подобный случай дал поэту повод написать пьесу «Ольга, крестница Киприды...»³²⁵. Однажды, когда Пушкин лежал так, прикованный к постели недугом, к нему в квартиру проникла некая веселая дама, переодетая гусаром. Поэт посвятил приключению стихотворение «Выздоровление» («Тебя ль я видел, милый друг?»)³²⁶.

II

Борьба «Арзамаса»³²⁷ с Шишковым, Шаховским³²⁸ и прочими ревнителями «Беседы» к тому времени, когда Пушкин покинул царское заточение, утратила уже свою остроту. Юного поэта приняли арзамасцы с распростертыми объятиями, и он произнес вступительную речь в шестистопных ямбах. Он получил прозвище Сверчок. Его присутствие только на одно мгновение оживило это пережившее себя общество. На «протесте» не построишь прочного здания. Пока «Арзамас» протестовал против анекдотических крайностей поэтики Шишкова, против реставрации славянского языка, против казенного и хвастливого национализма, казалось, что в деятельности «Арзамаса» есть свой смысл, что он защищает свою идею. Но когда «Беседа» зачахла, с нею вместе стал угасать и «Арзамас». Не было повода для протеста, а своей самостоятельной идеи, новой и сильной, в «Арзамасе» не оказалось вовсе. Если в «Арзамасе» не было серьезной и оригинальной эстетической идеи, то еще менее можно в нем усматривать какой-нибудь социальный противовес реакционной «Беседе». Вряд ли в чопорной «Беседе» надо видеть оплот «вельможной» феодально-аристократической группы, а в «Арзамасе» искать либерально-шляхетскую мелкопоместную оппозицию. Вся эта борьба шла в другом плане, на других путях. Катенин, Грибоедов³²⁹, Кюхельбекер вовсе не были «вельможами», однако они свою литературную судьбу связали

³²⁵ «Ольга, крестница Киприды...» – первая строка стих. «О. Массон» (1819). Ольга Массон (1796 – не ранее 1830-х) – дочь Ш. Ф. Ф. Массона-младшего (1762–1807), уроженца Женевы, секретаря великого князя Александра Павловича, одна из дам «полусвета».

³²⁶ «Выздоровление» – стих. написано в 1818 г.

³²⁷ «Арзамас» – литературное общество (1815–1818), объединившее сторонников карамзинского направления в литературе в борьбе с шишковцами.

³²⁸ Шаховской Александр Александрович (1777–1846) – драматург, режиссер, поэт, театральный деятель.

³²⁹ Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – драматург и дипломат.

с идеями, довольно близкими теории Шишкова. Да и сам Пушкин только в лице, будучи мальчиком, «протестовал» против «Беседы» и считал себя арзамасцем, а после школьного задора довольно трезво отнесся к этой буре в стакане воды. Недаром он пришел к Катенину и, подав палку, сказал: «Я пришел к вам, как Диоген³³⁰ к Антисфену³³¹: побей, но выучи», на что образованный джентльмен ответил: «Ученого учить портить». Катенин был противником «Арзамаса», но он был одним из видных участников политической оппозиции как раз в эпоху перестройки Союза спасения³³² и организации «Военного союза»³³³, впрочем, недолго существовавшего. Пушкин уважал Катенина как политически независимого человека и ценил в нем его образованность и ум. Поэт даже прощал ему его смешное самолюбие. Воспоминания самого Катенина свидетельствуют о забавном непонимании мемуаристом своего скромного места в литературе. Но Пушкин, при всем своем уважении к заслугам Катенина, прекрасно видел и его слабости. В черновике письма к Вяземскому, незадолго до своего вынужденного путешествия на Юг, Пушкин дал Катенину лаконичную, но блестящую характеристику: «Он опоздал родиться – не идеями (которых у него нет), – но характером принадлежит он к восемнадцатому столетию: та же авторская мелкость и гордость, те же литературные интриги и сплетни. Мы все по большей части привыкли смотреть на поэзию, как на записную прелестницу, к которой заходим иногда поврать и поповесничать, без всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасных ее прелестей. Катенин, напротив того, приезжает к ней в башмаках и напудренный и просиживает у нее целую жизнь с платонической любовью, благоговеньем и важностью...»

И вот, несмотря на несколько комическую важность этого, по рассказу Вигеля³³⁴, «круглолицего, полнощекого и румяного, как херувим на вербе», маленького офицера с ядовито-насмешливой улыбкой на губах, Пушкин поддерживал с ним дружелюбные связи, как будто подчеркивая этим свой литературный нейтралитет. Вероятно, с другой стороны, это желание подчеркнуть свою поэтическую самостоятельность, а не простое озорство, заставило Пушкина написать пародийную шутку «Послушай, дедушка...»³³⁵ и строки из четвертой песни «Руслана и Людмилы», посвященные «Северному Орфею»³³⁶, где он «лиру музы своенравной во лжи прелестной обличает». Эта дружеская полемика с Жуковским, так же как и эпиграмма на Карамзина³³⁷, доказывают независимость молодого Пушкина от вождей «Арзамаса».

По своему составу «Арзамас» был слишком разнообразен. Один из его руководителей был Д. Н. Блудов, автор литературного памфлета «Видение в Арзамасском трактире», направленного против А. А. Шаховского за его сатирические намеки на Жуковского в коме-

³³⁰ Диоген (V в. до н. э.) – древнегреческий философ, практический выразитель школы киников. Киники считали целью жизни добродетель, а выражение добродетели видели в аскетизме.

³³¹ Антисфен (ок. 450 – ок. 360 до н. э.) – древнегреческий философ, основатель школы киников, ученик Горгия и Сократа. Вел аскетический образ жизни и проповедовал отказ от каких-либо потребностей (автаркия).

³³² Союз спасения – первая тайная организация декабристов в 1816–1817 гг. По уставу 1817 г. называлась «Общество истинных и верных сынов отечества». Цель: уничтожение крепостного права и установление конституционной монархии путем военного переворота.

³³³ «Военный союз» – по-видимому, так назвал Чулков полулегальное «Военное общество», действовавшее в октябре – декабре 1817 г. и состоявшее из двух отделений (управ) под руководством А. Н. Муравьева и П. А. Катенина.

³³⁴ Вигель Филипп Филиппович (1786–1856) – чиновник московского архива Коллегии иностранных дел. Познакомился с Пушкиным в 1817–1818 г. и близко сошелся с ним в Одессе. К нему обращено стихотворение «Из письма к Вигелю» («Проклятый город Кишинев», 1823). Пушкин ценил «занимательный и дельный» разговор Вигеля, кончающийся всегда, однако, «толками о мужеложстве». Он оставил написанные остроумно, но зачастую весьма пристрастные «Записки».

³³⁵ «Послушай, дедушка...» – строки четверостишия обращены к Жуковскому.

³³⁶ ...«Северному Орфею»... – Так называли В. А. Жуковского. Орфей – греческий мифический поэт и музыкант, увлекавший своей игрой на лире диких зверей и даже неодушевленную природу.

³³⁷ ...эпиграмма на Карамзина... – написана в 1816 г.

дии «Урок кокеткам, или Липецкие воды». В 1811 году Блудов мог импонировать Пушкину, когда поэт, будучи двенадцатилетним мальчиком, видел его у дядюшки Василия Львовича, но теперь, в 1817–1818 годах, остроумие этого барина едва ли казалось Пушкину значительным. Сомнительный либерализм Д. Н. Блудова также не мог внушить поэту настоящего сочувствия. Его позднейшая бюрократическая карьера после расправы с декабристами всем известна. Впрочем, Блудов на последних заседаниях уже не присутствовал. Д. В. Дашков, также впоследствии занимавший не последнее место в правительстве Николая I, казавшийся еще недавно остроумным адвокатом «Арзамаса», никак не мог увлечь Пушкина. Читая теперь письмо Д. В. Дашкова в уцелевших до наших дней протоколах «Арзамаса», трудно себе представить, как эта скучнейшая полемическая болтовня и плоские шутки могли занимать умы взрослых и неглупых людей. Впрочем, не только выступления Дашкова, но и все прочие выступления господ арзамасцев для нас теперь не представляют ни малейшего интереса, и мы можем знакомиться с ними из любопытства исторического. Все эти арзамасские разговоры с намеками и аллегориями чрезвычайно водянисты и бессодержательны. В 1817 году Пушкину все это было не нужно и скучно. Не нужен ему был и С. С. Уваров³³⁸, будущий министр народного просвещения и президент Академии наук, впоследствии непримиримый враг Пушкина и, быть может, один из руководителей убийственной травли, направленной против поэта. Таково было «правое» крыло «Арзамаса». Центр был представлен В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским и другими. Но вот пришли «левые» – будущие декабристы Н. И. Тургенев³³⁹, Никита Муравьев³⁴⁰ и М. Ф. Орлов. Эти «левые» докончили «Арзамас». Они так неловко и нескладно захотели его приспособить к интересам тайных обществ, что из этой попытки ничего не вышло. «Арзамас» кончился. Он сыграл свою роль в литературном воспитании Пушкина в школьные лицейские его годы, но и тогда едва ли влияние его было плодотворно. Один только Жуковский умел в литературе шутить и дурачиться забавно, с ребяческой искренностью, но для этого не было надобности сооружать целое общество, да и самые шутки Жуковского были уже неуместны. Русскому обществу вообще было уже не до шуток. Все ждали с тревогой какого-то политического кризиса. Наиболее просвещенные и умные дворяне сознавали необходимость освобождения крестьян, страшась новой «пугачевщины». Двусмысленность политики Александра I всех раздражала. И беспокойные умы торопили события, организуя тайные общества и ведя открытую пропаганду либеральных идей. Одним из самых заметных выразителей этих настроений стал Александр Сергеевич Пушкин.

III

Пушкин часто бывал у братьев Тургеневых. Они жили на Фонтанке. Из их окон виден был Михайловский замок, этот удивительный памятник Павловской эпохи, созданный зодчим Бренна³⁴¹ по замыслу сумасшедшего императора и по плану архитектора-масона Баже-

³³⁸ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) – граф, с 1818 г. – президент Академии наук, с 1833 г. – министр, председатель Главного управления цензуры. Автор сочинений по классической филологии и археологии. Автор реакционной формулы – «православие, самодержавие, народность».

³³⁹ Тургенев Николай Иванович (1789–1871) – декабрист. Уехал из России, но был судим заочно и приговорен к смертной казни. После смерти Николая I получил право вернуться назад.

³⁴⁰ Муравьев Никита Михайлович (1795–1843) – капитан гвардии Генерального штаба, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Автор конституции. Осужден по I разряду. Умер на поселении в селе Урик Иркутской губернии.

³⁴¹ Бренна Виктор Францевич (1745–1820) – художник-декоратор и архитектор, по происхождению итальянец. Участвовал в строительстве и отделке помещений дворцов в Павловске и Гатчине, Михайловского дворца в Петербурге.

нова³⁴². Пушкин при взгляде на этот мрачный замок всегда вспоминал еще в детстве запавшие ему в душу рассказы об убийстве Павла. Вигель в своих мемуарах уверяет, что будто бы кто-то из вольнодумцев, смотря однажды в окно на пустой, брошенный дворец, предложил Пушкину написать на него стихи.

Пушкин «гибкостью членов, быстротою телодвижений, – рассказывает Вигель, – несколько походил на негров и на человекоподобных жителей Африки. С этим проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать».

Рассказ Вигеля не совсем точен. Злому насмешнику хотелось изобразить создание «Вольности» как прихоть юного поэта, пожелавшего угодить вкусам свободомыслящих дворян. Однако это стихотворение стало событием в тогдашней политической жизни и в биографии самого Пушкина. «Вольность» разошлась во множестве списков, и будущие декабристы пользовались этими стихами для целей пропаганды. Ода «Вольность» вовсе не была пьесой революционной. Напротив, поэт с ужасом и неприязнью рассказывает в своей оде о казни Людовика³⁴³ и об убийстве Павла. Гильотина якобинцев ему кажется «преступной секирой», «кровавой плахой Вероломства», тем менее внушают поэту симпатии пьяные убийцы «в лентах и в звездах», задушившие Павла. У этих убийц «на лицах дерзость, в сердце страх...».

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..³⁴⁴
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И, однако, жертвы этой «преступной секиры» были увенчанные злодеи! Смысл оды заключался именно в обличении «неправедной власти». Поэт желает «на тронах поразить порок». Оказывается, вольность сама по себе не прельщает обличителя: есть нечто высшее, это – закон. Поэт предостерегает властителей от превышения власти, ибо последствием этого преступления является справедливое возмездие.

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

³⁴² Баженов Василий Иванович (1737 или 1738–1799) – архитектор, один из основоположников классицизма. Из его сооружений особенно впечатляют дворцово-парковый ансамбль Царицыно, Дом Пашкова, Михайловский замок в Петербурге (строил В. Ф. Бренна), в которых сочетаются традиции мировой классики и древнерусской архитектуры.

³⁴³ ... в своей оде о казни Людовика... – Людовика XVI во время Великой французской революции в 1793 г.

³⁴⁴ Янычары – привилегированная пехота в султанской Турции. Это слово употребляется иногда в фигуральном смысле: свирепые каратели, палачи, душители свободы.

Здесь целая политическая программа. Автор, очевидно, сторонник конституции. Вольность он понимает как жирондист³⁴⁵, а не как якобинец³⁴⁶. Такая программа во вкусе жирондистов была очень подходящей для либеральных дворян, будущих членов Северного тайного общества³⁴⁷. Вот почему «Вольность» имела такой неслыханный успех. Декабристы на допросах почти все отмечали, что стихи Пушкина и особенно «Вольность» влияли на их политические взгляды. Умеренная либеральная программа была выражена, однако, в таких энергичных стихах, что пьеса производила впечатление какого-то мятежного гимна:

Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Любопытно, что эту свою оду Пушкин послал вместе с мадригалом княгине Евдокии Ивановне Голицыной, известной «ночной княгине», у которой был в Петербурге едва ли не самый интересный салон. Люди разнообразных взглядов и настроений искали возможности посещать этот ночной салон, где идейные беседы велись до утра и где не было вовсе ни хмеля, ни нравственной распущенности. Пушкин был очарован добродетельной княгиней. Он познакомился с нею у Карамзиных. Пушкин был «смертельно влюблен в Пифию»³⁴⁸ и бывал у нее на вечерах постоянным гостем два сезона.

Княгиню Голицыну называли заглазно Пифией, потому что эта незаурядная женщина любила «пророчествовать». Это не всем нравилось. Тургенев полагал, что она прекрасна и, «когда не на треножнике, а просто на стуле, — умная женщина». Нравнодушный к ней Вяземский писал о ней: «Она была не обыкновенной светской барыней, а жрицей какого-то чистого и высокого служения». Современники передают, что «ночная княгиня» была большой патриоткой и что у нее была какая-то своя философия истории, которой не разделял, вероятно, юный Пушкин, сумевший, однако, изысканно польстить красавице в заключительных стихах мадригала:

Отечество почти я ненавидел,
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим³⁴⁹.

Если верить мемуаристам и портрету Виже Лебрен³⁵⁰, эта философствующая княгиня была прелестна, хотя Н. М. Карамзину ее красота казалась почему-то холодной. Но поэт почувствовал ее очарование, и ему ее прелесть казалась «огненной, пленительной, живой»³⁵¹. Он часто посещал ее дом на углу Мойки и Миллионной.

Из послания князю А. М. Горчакову («Питомец мод, большого света друг...»³⁵²) видно, что лицейский товарищ поэта, начинавший тогда свою блестящую дипломатическую

³⁴⁵ Жирондист — сторонник политической группировки периода Великой французской революции конца XVIII в. Название «жирондисты» дано историками позднее — по департаменту Жиронда, откуда были родом многие лидеры.

³⁴⁶ Якобинцы — в период Великой французской революции конца XVIII в. члены Якобинского клуба.

³⁴⁷ Северное общество — тайная организация декабристов в 1821–1825 гг.

³⁴⁸ Пифия — в Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

³⁴⁹ «Отечество почти я ненавидел...» — из стих. «Краев чужих неопытный любитель» (1817).

³⁵⁰ Виже Лебрен Елизавета (1755–1842) — французская портретистка, бывшая в моде в аристократической среде. Около 1800 г. посетила Петербург, где написала ряд портретов.

³⁵¹ ...«огненной, пленительной, живой» Чулков неточно процитировал строки из стих. «Краев чужих неопытный любитель». У Пушкина: «пламенной, пленительной, живой».

³⁵² «Питомец мод, большого света друг...» — из стих. «Послание к кн. Горчакову» (1819).

карьеру, упрекал, по-видимому, Пушкина за его равнодушие к «большому свету», на что поэт и ответил с немалым сарказмом, что он предпочитает «младых повес счастливую семью», где «ум кипит», где «в мыслях волен» он. Ему противны салоны, «где глупостью единой все равны». Он рад, что не слышит «политики смешного лепетанья», не видит «украшенных глупцов»³⁵³, святых невежд, почетных подлецов и мистики придворного кривлянья». Салон Е. И. Голицыной, очевидно, не похож был на прочие тогдашние салоны «большого света». Пушкин вспоминал о нем даже на Юге с интересом и сочувствием. «Ночная княгиня» была старше Пушкина почти на двадцать лет. Это не помешало поэту включить ее имя в его «дон-жуанский список».

В Петербурге был еще один салон, где Пушкин бывал довольно часто. Это салон директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина³⁵⁴. В этом салоне сходились нередко представители враждующих литературных школ. Тут бывали Крылов³⁵⁵, Гнедич³⁵⁶, но тут же бывали Жуковский, Батюшков, Василий Пушкин, князь Вяземский, братья Тургеневы и многие другие.

В гостеприимном доме Олениных было просто и уютно. И усадьба их под Петербургом называлась Приютино, что дало повод Вяземскому каламбурить, когда Пушкин жаловался ему, что он бесприютен. «Разве тебя уже не пускают в Приютино?» – спрашивал он, намекая на то, что сватовство Пушкина к А. А. Олениной³⁵⁷, дочке президента, расстроилось. Но это было в 1828 году, а теперь, в 1817–1819 годах, Аннет Оленина была еще маленькая, и Пушкин в их доме влюбился в другую особу.

Сам Алексей Николаевич Оленин получил разностороннее образование, пожил за границей и был дилетантом в неплохом смысле этого слова. Интересовался археологией, историей, искусством. Он напечатал несколько ученых работ. Род Олениных был древний, а по матери он был в родстве с князьями Волконскими. Все его любили. «В маленьком живчике можно было найти тонкий ум, веселый нрав и доброе сердце. Он не имел пороков, а несколько слабостей, светом извиняемых и даже разделяемых», – рассказывает о нем Ф. Ф. Вигель. Даже этот придирчивый и насмешливый мемуарист на этот раз мало злословит, побежденный благодушием Алексея Николаевича. Его жена, урожденная Полторацкая³⁵⁸, приходилась теткой Анне Петровне Керн³⁵⁹.

Молодая, хорошенькая генеральша Керн любила бывать в доме своей тетки. Там за нею ухаживал ее двоюродный брат Александр Полторацкий³⁶⁰. В 1819 году она встретила у Оленина Пушкина. Анна Петровна не обратила на него внимания. Она глаз не могла отвести от Ивана Андреевича Крылова. Толстый, добродушно-лукавый насмешник читал бесподобно свои басни. Нельзя было не смеяться, когда он читал внушительно: «Осел был самых честных правил!..» Потом играли в фанты, Анне Петровне досталась роль Клеопатры³⁶¹. Она

³⁵³ «украшенных глупцов...» – у Пушкина: «изношенных глупцов».

³⁵⁴ Оленин Алексей Николаевич (1764–1843) – историк, археолог. Директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств.

³⁵⁵ Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – русский баснописец.

³⁵⁶ Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – русский поэт, член-корр. Петербургской академии наук. Издатель первых поэм Пушкина «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник». Переводил произведения Шиллера, Вольтера, Шекспира. В 1829 г. опубликовал перевод «Илиады» Гомера.

³⁵⁷ Оленина Анна Алексеевна (1808–1888) – младшая дочь А. Н. Оленина и Е. М. Олениной. С 1825 г. – фрейлина. О своих отношениях с поэтом рассказала в «Дневнике».

³⁵⁸ Полторацкая Елизавета Марковна (1768–1838, в замужестве Оленина) – жена А. Н. Оленина.

³⁵⁹ Керн Анна Петровна (1800–1879, урожд. Полторацкая) – племянница П. А. Осиповой, с 1817 г. – жена Е. Ф. Керна. Во втором браке Маркова-Виноградская.

³⁶⁰ Полторацкий Александр Александрович (1792–1855) – двоюродный брат А. П. Керн. С 1834 г. был женат на Е. П. Бакуниной, первой любви Пушкина-лицеиста.

³⁶¹ Клеопатра (69–30 до н. э.) – последняя царица Египта. Умная и образованная, она была любовницей Юлия Цезаря,

сидела с корзиною цветов. Пушкин подошел к ней с ее кузенем Полторацким и спросил, указывая на молодого человека: «Ему, не правда ли, придется взять на себя роль аспида³⁶²?» Анна Петровна нашла это дерзким и ничего не ответила. Но Пушкин не унимался. За ужином он сидел недалеко от нее и, разговаривая с Полторацким так, чтобы она могла слышать, восклицал: «Но разве позволительно быть такой красивой?» Потом началась шутливая болтовня о том, кто попадет в рай и кто в ад. Пушкин сказал Полторацкому: «Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарады. Спроси у госпожи Керн, хотела ли бы она попасть в ад». Она отвечала сухо, что не хочет быть в аду. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?» – спросил Полторацкий. «И я раздумал», – отвечал поэт очень серьезно. После ужина, когда Анна Петровна Керн садилась в экипаж вместе со своим кузенем, Пушкин стоял на крыльце и провожал ее глазами. После этой первой встречи поэт увидел Анну Петровну через шесть лет в Михайловском.

IV

Однажды актер П. А. Каратыгин³⁶³, возвращаясь с репетиции, проезжал в фургоне со своими товарищами мимо дома Всеволожского по Екатерингофскому проспекту. В окне показался молодой человек с плоским, приплюснутым носом, большими губами и смуглым лицом мулата, который, раскланиваясь с проезжающими, сорвал с бритой головы парик и помахал им, как шляпой. П. А. Каратыгин с удивлением узнал от своего спутника, что это Пушкин, имя коего было уже тогда известно многим. Поэт был обрит во время болезни. Он теперь спешил наверстать потерянное время кутежами у Никиты Всеволожского, Амфитриона³⁶⁴ «Зеленой лампы»³⁶⁵. Это было тоже «тайное общество», но с целями менее серьезными, чем Союз благоденствия. Правда, декабрист М. А. Фонвизин³⁶⁶ в своих записках упоминает, что вожди Союза благоденствия, озабоченные распространением своих идей, старались вести пропаганду в организованных литературных обществах и кружках, и в том числе в обществе «Зеленая лампа». В доносе Бенкендорфа³⁶⁷ 1821 года «Зеленая лампа» также упоминается как приятельский кружок, на который Союз благоденствия рассчитывал влиять политически. Расчеты эти, однако, не оправдались, и когда велось следствие по делам тайных обществ и восстания 14 декабря, «Зеленая лампа» оставлена была без внимания по своей политической невинности. В этом кружке занимались пьянством с таким усердием, что едва ли мог бы выйти толк, если бы нашлись охотники использовать участников этих собраний для революционных целей, не компрометируя оных. Легенда, сочиненная в недавнее время о революционном значении «Зеленой лампы», так же несостоятельна, как и легенда старая, согласно коей «Зеленая лампа» была тайным сенаклем³⁶⁸, где устраивались ужасные оргии, где будто бы разыгрывались кощунственные и бесстыдные мистерии и чуть ли не процветал какой-то сатанинский культ. На самом деле в доме Никиты Всеволожского, эпикурейца и богача, балетомана и эстета, не было вовсе ни политической серьезности, ни темных оргий. На заседаниях «Зеленой лампы» читались поэтами стихи, дурные

потом Марка Антония. После поражения Египта в войне с Римом покончила жизнь самоубийством.

³⁶² Аспид – представитель семейства ядовитых змей, чей укус смертелен.

³⁶³ Каратыгин Петр Андреевич (1805–1879) – комический актер, водевилист. Автор «Записок» о встречах с Пушкиным.

³⁶⁴ Амфитрион – греческий царь, муж Алкмены, обманутый Юпитером, принявшим вид самого Амфитриона.

³⁶⁵ «Зеленая лампа» – литературное общество в Петербурге (1819–1820).

³⁶⁶ Фонвизин Михаил Александрович (1788–1854) – генерал-майор, член Северного общества, осужден за участие в заговоре.

³⁶⁷ Бенкендорф Александр Христофорович (1781 или 1783–1844) – граф, российский государственный деятель. С 1826 г. – шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения.

³⁶⁸ Сенакль – зала, где проходила Тайная вечеря. В переносном смысле собрание посвященных.

и хорошие, а также театральные рецензии некоего поручика Баркова³⁶⁹, ничем не примечательного, кроме знаменитой своей фамилии; произносились шуточные речи по поводу закулисных интриг и пелись хором песни, чаще всего непристойные, а иногда и непочтительные по отношению к тогдашним властителям. Каков был стиль этих собраний, можно судить по тому, что за ужином прислуживал мальчишка-калмык, который обязан был подходить к гостю и говорить «здравия желаю» каждый раз, когда гость произносил непечатное слово. По-видимому, бедному калмыку работы было немало.

Пушкин не брезговал «Зеленой лампой», как он не брезговал и сомнительными альковами. Если обратить внимание на список завсегдатаев «Зеленой лампы», станет ясным характер этого кружка. Там бывали красавец лейб-улан Юрьев, «любимец ветреных Лаис»³⁷⁰; поручик лейб-гвардии Конноегерского полка П. Б. Мансуров, тот самый, которому Пушкин посвятил бесстыднейшие строки; А. О. Родзянко³⁷¹, автор плохих порнографических стихов, а позднее автор стихотворного доноса на Пушкина; В. В. Энгельгардт, «Венеры набожный поклонник и наслаждений властелин»³⁷², известнейший богач и азартный игрок; Як. Н. Толстой, замешанный, правда, в делах тайных обществ, но оправдавшийся в глазах правительства как усердный агент Третьего отделения. И все прочие – Щербинин, Каверин, Дельвиг и другие – никогда ничем значительным не проявили себя в политической жизни. С. Трубецкой³⁷³ и Н. Муравьев были случайными гостями «Зеленой лампы». Вольнодумствовал по-настоящему только Пушкин. Но, может быть, именно участие его в кружке «Зеленой лампы» было одной из серьезных причин, почему И. И. Пущин не решился ввести поэта в настоящее тайное общество. Здравый смысл должен был предостеречь Пущина от этого неосторожного шага. В самом деле, была ли возможна какая-нибудь конспирация в обстановке «Зеленой лампы», где пьяные гвардейцы и дамы полусвета убивали праздное время в самых нелепых кутежах? На этот вопрос может быть только отрицательный ответ.

«Зеленая лампа» была связана не с революционными организациями, а с театром и с театральными кулисами. Правда, большинство членов веселого общества интересовалось не столько искусством, сколько любовными приключениями с воспитанницами театрального училища, но были и настоящие знатоки театра. Никита Всеволожский сочинял и переводил пьесы; А. Д. Улыбышев³⁷⁴ писал серьезные музыкальные рецензии, а значительно позднее издал большую книгу о Моцарте, получившую известность не только в России, но и в Европе; Пушкин в те годы очень интересовался театром. Об этом свидетельствуют, между прочим, его оставшиеся в черновике «Мои замечания о русском театре». В них есть любопытная страница с характеристикой тогдашнего зрительного зала. «Что такое наша публика? – пишет Пушкин. – Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» – «От Семеновой»³⁷⁵, от Сосницкой³⁷⁶, от Колосовой³⁷⁷, от Исто-

³⁶⁹ Барков Дмитрий Николаевич (1796–1855) – офицер лейб-гвардии Егерского полка в 1813–1823 гг. С 1826 г. чиновник петербургской таможни. Театрал, переводчик пьес.

³⁷⁰ ...«любимец ветреных Лаис»... – первая строка стих. «Юрьеву» (1820).

³⁷¹ Родзянко Аркадий Гаврилович (1793–1846) – поэт, богатый помещик. Привлекался по делу декабристов. Известен своими эротическими стихотворениями.

³⁷² «Венеры набожный поклонник и наслаждений властелин!» – из стих. «N. N. (В. В. Энгельгардту)» (1819).

³⁷³ Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860) – князь, полковник, один из руководителей Северного общества, осужден на 20 лет каторги.

³⁷⁴ Улыбышев Александр Дмитриевич (1794–1858) – переводчик Коллегии иностранных дел, музыкальный критик.

³⁷⁵ Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849) – трагическая актриса. Ушла со сцены в 1826 г. Жена князя Ивана Алексеевича Гагарина (1771–1832).

³⁷⁶ Сосницкая Елена Яковлевна (1794–1871) – петербургская актриса на ролях субреток и бойких барышень.

³⁷⁷ Колосова Александра Михайловна (1802–1853) – петербургская драматическая актриса.

миной³⁷⁸». «Как ты счастлив!» – «Сегодня она поет – она играет – она танцует – похлопаем ей вызовем ее! она так мила! у нее такие глаза! такая ножка! такой талант!..» Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таких судей?..»

Участники «Зеленой лампы» едва ли не те самые молодые люди, которых изобразил здесь Пушкин. Поэт скептически относился к репутациям актеров: «Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий».

Значит, и раек не лучше партера. Солидные зрители кресел, пожалуй, хуже и молодых повес, и буйного райка. Эти солидные люди, «носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости», суть самые вредные зрители, охлаждающие актеров своим тупым и надменным равнодушием. Но истинный талант побеждает даже эту убийственную косность привилегированного общества. Такова Семенова. Она обладает талантом оригинальным. «Бездушная французская актриса Жорж³⁷⁹ и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души».

Пушкин перечисляет достижения ее репертуара: «она украсила несовершенные творения несчастного Озерова³⁸⁰», она воскресила гений французских классиков в стихах Катенина, «полных силы и огня, но отверженных вкусом и гармонией», «Семенова не имеет соперниц». В этих заметках Пушкин полемизирует с определенной партией. Это видно из его оценки Колосовой, которую поддерживал Катенин. Пушкин напоминает об ее дебюте. Колосова выступила при плесках полного театра – «молодая, милая, робкая». «Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно – частая, приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожил судей трагических талантов». «Чем же все кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-помалу охолодел». Он объясняет снижение Колосовой не дурным вкусом публики, а ее отношением к искусству. Она, оказывается, должна менее «заниматься флигель-адъютантами его императорского величества, а более своими ролями». Она должна подражать не внешним приемам Семеновой, а «присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях». Кажется, у Пушкина было и личное раздражение против Колосовой. Он посвятил ей эпиграмму³⁸¹, в которой потом раскаивался. Как бы скептически Пушкин ни относился к зрительному залу и к любимцам публики, сам он любил театр. Сосланный на Юг, он скучает без «игр Мельпомены³⁸²». Гнедичу он писал: «Мне брюхом хочется театра».

«Зеленая лампа» и театр сочетаются во что-то нераздельное в его тогдашнем представлении. Так, Як. Толстому он пишет: «Что Всеволожские? Что Мансуров? Что Барков? Что Сосницкие³⁸³? Что Хмельницкий³⁸⁴? Что Катенин? Что Шаховской? Что Ежова³⁸⁵? Что граф Пушкин³⁸⁶? Что Семеновы³⁸⁷? Что Завадовский³⁸⁸? Что весь Театр?»

³⁷⁸ Истомина Евдокия (Авдотья) Ильинична (1799–1848) – ведущая танцовщица петербургской труппы, исполняла партии в балетах на пушкинские сюжеты, упомянута в «Евгении Онегине».

³⁷⁹ Жорж (Mademoisell Georges, 1787–1867) – сценический псевдоним Жозефины Веммер, трагической актрисы, с большим успехом игравшей роли цариц в классических трагедиях.

³⁸⁰ Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург, член литературного кружка неоклассиков. Говоря о «несчастном Озере», Пушкин имеет в виду душевную болезнь драматурга, начавшуюся в 1809 г.

³⁸¹ ...посвятил ей эпиграмму – незавершенное послание «Колосовой» было написано в 1818 г.

³⁸² ...«игр Мельпомены». – Строка из послания «Колосовой». Мельпомена – муза трагедии.

³⁸³ Что Сосницкие?.. – Елена Яковлевна Сосницкая и ее муж Сосницкий Иван Иванович (1794–1871) – исполнитель ролей первых любовников, особенно любимый Пушкиным.

³⁸⁴ Хмельницкий Николай Иванович (1789–1845) – драматург, создатель водевилей.

³⁸⁵ Ежова Екатерина Ивановна (1788–1836) – петербургская комическая актриса, гражданская жена князя А. А. Шаховского с 1817 г.

³⁸⁶ Что граф Пушкин? – Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович (1773–1856) – действительный камергер, был

«Весь Театр» и участники «Зеленой лампы» – это нечто нераздельное. Уланы, гусары, актеры, игроки – все смешалось в беспорядке ночного кутящего Петербурга. И позднее, в 1823 году, когда Пушкин писал первую главу «Онегина», эти годы испытанного им увлечения театром соединялись в его воображении с нравами «золотой молодежи». Онегин, пообещав не с кем иным, как с Кавериним, спешит в театр, где он, «непостоянный обожатель очаровательных актрис, почетный гражданин кулис»³⁸⁹, с такою же небрежностью, как и все прочие члены «Зеленой лампы», «идет меж кресел по ногам».

Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отвратился – и зевнул.
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел»³⁹⁰.

Но самому Пушкину Дидло³⁹¹ не надоел. Недаром он сделал примечание к этой главе: «Балеты Дидло исполнены живости, воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе». Сам Пушкин не был тем блазировавшимся повесой³⁹², каких вокруг него было немало. Сам он своей артистической душой любил театр и не зевал в нем, как его Онегин. Об этом три незабываемые строфы первой главы XVIII–XX. Они предвосхищают труд биографа:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин³⁹³, друг свободы,
И переимчивый Княжнин³⁹⁴;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;

тесно связан с театральными кругами Петербурга в 1800–1820 гг.

³⁸⁷ Семеновы – сестры Екатерина Семеновна и Нимфодора Семеновна – оперная певица, которой Пушкин посвятил шуточное стихотворение «Желал бы быть твоим, Семенова, покровом!» (1817–1820).

³⁸⁸ Завадовский Александр Петрович (1794–1856) – граф, сын фаворита Екатерины II графа Завадовского (1738–1812), любовник балерины Истоминой, из-за которой дрался на дуэли и убил штаб-ротмистра В. В. Шереметева. Крупный игрок, состоявший на особом учете тайной полиции.

³⁸⁹ ...«непостоянный обожатель очаровательных актрис, почетный гражданин кулис»... – Д. Н. Барков. Он читал на заседаниях «Зеленой лампы» еженедельные театральные обзоры. Эти стихи Пушкин перенес в XVII строфу 1-й главы «Евгения Онегина».

³⁹⁰ «Двойной лорнет скосясь наводит...» – стих. из XXI строфы 1-й главы «Евгения Онегина».

³⁹¹ Дидло Карл (1767–1837) – известный петербургский балетмейстер.

³⁹² ...блазировавшимся повесой... (от *фр.* blaser – пресыщать) – пресыщенный, разочарованный.

³⁹³ Фонвизин Денис Иванович (1745–1792) – русский комедиограф, писатель.

³⁹⁴ Княжнин Яков Борисович (1742 (или 1740) – 1791) – драматург, автор ряда трагедий и комедий.

Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой.
Там, там под сению кулис.
Младые дни мои неслись.

Нет, Пушкин увлекался не только легкостью закулисных нравов. Если он ухаживал за актрисами, балагурил и сквернословил, подчиняясь стилю какого-нибудь Мансурова или Щербинина, это еще не значит, что для него театр исчерпывался интересами алькова или светской моды. Портрет Истоминой в XX строфе первой главы тому доказательство:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола.
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит.
Летит, как пух от уст Эола³⁹⁵;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Он смотрит на Истому главами артиста прежде всего. Кроме «Зеленой лампы» был еще один театральныи центр в столице. Это «чердак» Шаховского. Автор комедий, направленных против Карамзина и Жуковского, теперь не кажется Пушкину таким ничтожным и вредным писателем, как это ему казалось в лицее. Впрочем, и в лицее в 1815 году, записывая свои «мысли о Шаховском», он замечает, что он «неглупый человек».

Катенин уговорил Пушкина поехать на «чердак». Шаховской принял его с распростертыми объятиями. Этот толстый, пузатый урод с крючковатым носом, несколько шепелявый, считал себя знатоком сцены и обучал актеров их ремеслу. Ежова, о которой справлялся Пушкин у Як. Толстого, была сожительницей Шаховского. Она играла комических старух. Чета была гостеприимна и любезна. Пушкин был доволен своим новым знакомством. Позднее, в письме к князю Вяземскому, он писал про Шаховского: «Он, право, добрый малый, изрядный автор и отличный сводник». Последнее замечание было не лишено оснований. На «чердаке» бывали не только театралы, но и актрисы всех возрастов и рангов. Шаховской нередко покровительствовал любовным интригам.

И вот на этом самом «чердаке» бывал и встречался с Пушкиным граф Федор Иванович Толстой³⁹⁶, прозванный Американцем, которого Лев Толстой, его двоюродный племянник, считал «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком». Он видел своего двоюродного дядюшку в детстве. У него было «прекрасное лицо, бронзовое, бритое, с густыми бакенбардами до углов рта, и также белые курчавые волосы». Этот «преступный» человек провел жизнь, полную странностей и приключений. Он участвовал в кругосветном плавании, побывал в русских американских колониях, за что-то был высажен адмиралом не

³⁹⁵ Эол (*греч.*) — царь ветров.

³⁹⁶ Толстой Федор Иванович (прозванный Американцем) (1782–1846) — граф, отставной офицер, известный авантюрист и бретёр.

то на Камчатке, не то на Алеутских островах и чуть ли не пешком вернулся в Петербург после всевозможных авантур. Он был дерзкий бретёр³⁹⁷, азартный игрок и, может быть, «игрок наверняка». Вместе с тем он был даровит и остроумен. Пушкин считал его своим приятелем, но незадолго до высылки поэта на Юг по Петербургу распространили о поэте нелепую сплетню³⁹⁸. Пушкин последний узнал, что автором этой сплетни был Толстой-Американец, и несколько лет тщетно ждал с ним встречи, чтобы вызвать его на поединок.

V

По преданию, первые строки «Руслана и Людмилы» Пушкин писал на стенах карцера, куда его посадили за какую-то шалость. Сам Пушкин в предисловии ко второму изданию поэмы писал: «Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он «Руслана и Людмилу». Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни...» Однако Пушкин много работал над поэмой. Каждая песня поэмы читалась и обсуждалась друзьями поэта. Три года Тургенев, Жуковский, Карамзин, Батюшков, Вяземский следили внимательно за созданием «Руслана и Людмилы».

В день окончания поэмы Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820, марта 26, великая пятница».

Поэма была событием не только в жизни самого Пушкина, но и в истории русской литературы. Тогда, в 1820 году, стихи романтической поэмы прозвучали для современников так же неожиданно, как стихи символистов в первые годы нашего века. Литературным стареерам казался непозволительным и дерзким новшеством легкий, прозрачный, вольный стиль этой поэтической шутки. Жуковский и прочие друзья поэта простили Пушкину его пародию на «Двенадцать спящих дев»³⁹⁹. Поэма была оправдана как победа романтизма. Пушкину не ставили в укор, что все сюжетные элементы поэмы заимствованы из разных источников. Эпизод с живою головою, очарованный замок, шутивая характеристика Людмилы – все это было предметом поэтических высказываний до Пушкина. Поэт воспользовался и «Неистовым Роландом» Ариосто⁴⁰⁰, и «Девственницей» Вольтера, и сказками, собранными Михаилом Чулковым⁴⁰¹, и сказками Гамильтона⁴⁰², и повестью о Еруслане Лазаревиче, и поэмою Н. Радищева⁴⁰³ «Альоша Попович»... В поэме не было ничего оригинального ни в сюжете, ни в идее. В сущности, идеи и вовсе не было. Это было до странности «безыдейное» произведение. И вот, однако, эта поэма была событием! В чем же тайна этого очарования? Спустя четверть века критики писали о Пушкине: «Стих русский гнулся в руках его, как мягкий воск в руках искусного ваятеля; он пел у него на все лады, как струна на скрипке Паганини⁴⁰⁴». В самом деле, в этой певучей стихии пушкинской поэзии читатель упивался гармонией, не смея требовать от автора ни оригинальной фабулы, ни значительной идеи. Все пушкинское

³⁹⁷ Бретёр (от *фр.* bretteur – дуэлянт, забияка) – человек в состоянии постоянной готовности затеять драку, вызвать на дуэль.

³⁹⁸ ...нелепую сплетню. – В Петербурге распространился слух, что Пушкин был высечен в полицейском участке.

³⁹⁹ «Двенадцать спящих дев» – поэма В. А. Жуковского.

⁴⁰⁰ Ариосто Лудовико (1474–1553) – итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». Ее содержание заимствовано из рыцарских романов.

⁴⁰¹ Чулков Михаил Дмитриевич (1743–1792) – русский писатель. Известны литературно обработанные им «Русские сказки».

⁴⁰² Гамильтон Антоний (1646–1720) – французский писатель, автор «Записок герцога де Граммонна» и восточных сказок.

⁴⁰³ Радищев Николай Александрович (1778–1829) – русский поэт, переводчик, сын А. Н. Радищева, офицер, чиновник.

⁴⁰⁴ Паганини Никколо (1782–1840) – итальянский скрипач и композитор.

творчество 1817–1820 годов по сравнению с тем, что было сделано Пушкиным позднее, нам теперь кажется детским лепетом. Но для своего времени это был гениальный лепет.

Друзья были в восторге. Надо было печатать поэму. Но тогда обстоятельства сложились так, что Пушкину не пришлось самому участвовать в ее печатании. Над Пушкиным собрались грозные тучи. По городу ходили слухи, что правительство сошлет поэта в Соловецкий монастырь. Оказывается, вольнодумство Пушкина обратило на себя внимание властителей.

Сам император Александр помнил Пушкина очень хорошо. Как же! Это тот самый лицеист, который поцеловал по ошибке фрейлину Волконскую! Но не только это помнил Александр Павлович. До него дошли слухи о вольных стихах поэта. Генерал Васильчиков⁴⁰⁵ показывал ему в прошлом году «Деревню»⁴⁰⁶ Пушкина. Так посоветовал Чаадаев в расчете на то, что царю понравится упоминание о нем, Александре, как о будущем «освободителе» народа.

Но в стихотворении были очень сильные обличительные строки:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея...

Эти стихи могли бы прозвучать как революционные, но заключение пьесы делало ее невинной. Поэт восклицает:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя...

Эти последние строки, конечно, понравились Александру Павловичу. Он сказал генералу: «Поблагодарите Пушкина за добрые чувства, которые внушают его стихи».

Казалось бы, все складывалось очень благополучно для поэта, но, как нарочно, появилось еще несколько эпиграмм и пьес, у которых не было таких мирных концовок, лестных для государя. Все эти пьесы приписывали Пушкину. «Рождественская сказка» («Ура! в Россию скачет кочующий деспот...») метила в самого императора. А тут еще целый поток эпиграмм на архимандрита Фотия⁴⁰⁷, на князя А. Н. Голицына, на графа Аракчеева⁴⁰⁸, на

⁴⁰⁵ Васильчиков Илларион Васильевич (1776–1848) – князь, генерал от кавалерии, командир Отдельного гвардейского корпуса, впоследствии председатель Государственного совета.

⁴⁰⁶ «Деревня» – стих. написано в 1819 г.

⁴⁰⁷ Фотий (1792–1838) – известный церковный деятель, выступал против масонства. Эпиграмма Пушкина «На Фотия» начиналась словами «Полуфанатик, полуплут» (1824).

⁴⁰⁸ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – граф, государственный деятель и временщик при Павле I и Александре I. В 1819 г. Пушкиным написана эпиграмма на Аракчеева «В столице он – капрал, в Чугуеве – Нерон...», а в 1820 г. эпиграмма «Всей России притеснитель...».

А. С. Стурдзу⁴⁰⁹ ... Некоторые из этих эпиграмм, не без основания приписываемых Пушкину, были очень удачны. Вот, например, на А. С. Стурдзу, яростного реакционера, чья звезда особенно ярко горела во время Аахенского конгресса⁴¹⁰:

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата⁴¹¹
Иль смерти немца Коцебу⁴¹².

Обиженные скрежетали зубами и требовали уничтожения Пушкина. Друзья умоляли поэта побереечь себя. Но Пушкин как будто сам хотел какой-то развязки той оппозиционной кампании, которую он вел открыто и дерзко. В поведении Пушкина было что-то непонятное. Он громко в обществе острил над Александром Павловичем. Однажды в Царском Селе был переполох. Сорвался с цепи медведь. Боялись, что он в парке бросится на царя. Пушкин говорил по этому поводу: «Нашелся один человек, да и тот медведь!» Когда кто-то советовал ему быть осторожнее, он смеялся громко: «Теперь самое безопасное время – по Неве лед идет», то есть Петропавловская крепость отрезана от центра. В театре он показывал соседям портрет Лувеля⁴¹³, убийцы герцога Беррийского⁴¹⁴, с надписью: «Урок царям».

В 1825 году, в плену Михайловской ссылки, Пушкин собирался писать Александру I письмо, которое, по счастью, не послал. В черновике, объясняя свое поведение, писал он между прочим: «Мне было двадцать лет в 1820 году...» «Разнесся слух, будто бы я был отведен в Секретную канцелярию и высечен. Я последним узнал об этом слухе, который стал уже общим. Я увидел себя опозоренным в общественном мнении...» Далее Пушкин признается, что готов был или покончить жизнь самоубийством, или убить царя. «Я решился тогда, – пишет Пушкин, – вкладывать столько неприличия и столько дерзости в свои речи и в свои писания, чтобы власть вынуждена была, наконец отнестись ко мне, как к преступнику: я жаждал Сибири или крепости, как средства для восстановления чести...»

Здесь все странно. Странно то, что Пушкин в такой мере был связан сословными представлениями о чести; странно, что он собирался посылать царю столь откровенное письмо; странно, что мысль об убийстве царя приходила ему по такому личному поводу... и, однако, это не сказка, а самая настоящая быль, и Пушкин в самом деле весною 1820 года был в отчаянии, и ему казалось, что его «честь» пострадала, что какие-то предатели и враги преследуют его тайно.

Пушкин узнал имя одного из «предателей», распустивших смешной и «позорный» слух о розгах в Секретной канцелярии: это был Федор Толстой-Американец.

Репрессии, впрочем, не заставили себя долго ждать. За Пушкиным учрежден был надзор, и друзья поэта узнали, что правительство намерено его арестовать. Чаадаев явился

⁴⁰⁹ Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) – сын бывшего правителя Бессарабии, служивший в Министерстве иностранных дел, автор многочисленных книг по религиозным и политическим вопросам.

⁴¹⁰ Аахенский конгресс (прав. Ахенаи) – состоявшийся в 1818 г. в Ахене конгресс Четверного союза, куда входили Россия, Пруссия, Австрия, Англия.

⁴¹¹ Герострат – житель Эфеса, из желания прославиться сжегший знаменитый храм Артемиды. В нарицательном употреблении – человек, добивающийся известности любой ценой.

⁴¹² Коцебу Август фон (1761–1819) – немецкий драматург и романист, в последние годы состоял на службе русского правительства, боролся с либеральным движением. Был убит студентом Тюбингенского университета Карлом Зандом, впоследствии казненным.

⁴¹³ Лувель Луи Пьер (1783–1820) – рабочий-седельщик, заколовший 13 февраля 1820 г. герцога Беррийского, наследника французского престола, мотивируя свой поступок необходимостью искоренить род Бурбонов как врагов свободы.

⁴¹⁴ Герцог Беррийский Шарль Фердинанд (1778–1820) – второй сын графа д'Артуа, впоследствии французского короля Карла X и Марии-Терезии Савойской.

к Карамзину и заставил себя принять в неурочное время, хотя историограф никого и никогда не принимал во время своей работы. Надо спасти Пушкина во что бы то ни стало. Ему грозит Сибирь или Соловки. Карамзин надел свою ленту и поехал к царице Марии Федоровне хлопотать за поэта. А в это время Пушкин имел объяснения с Михаилом Андреевичем Милорадовичем⁴¹⁵, военным генерал-губернатором, боевым генералом суворовской школы, веселым балетоманом, убитым 14 декабря 1825 года на Сенатской площади рукою Каховского⁴¹⁶. При Милорадовиче чиновником особых поручений состоял Ф. Н. Глинка⁴¹⁷, поэт, которому Пушкин посвятил стихотворение «Когда средь оргий жизни шумной», где он называет его «великодушным гражданином» и даже «Аристидом»⁴¹⁸. Ф. Н. Глинка явился к Милорадовичу как раз после допроса Пушкина. «Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, – рассказывает Глинка, – закричал мне навстречу: «Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, со светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои бумаги сожжены! – у меня ничего не найдете в квартире, но если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйте! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения...»

Пушкину, однако, вопреки его собственным словам в черновом письме 1825 года, не очень хотелось попасть в Соловецкий монастырь или в Сибирь, и он полагал, что менее жестокая кара будет достаточна для восстановления его «чести». Он поехал к Карамзину поблагодарить его за хлопоты. Историограф взял с него слово не писать против правительства по крайней мере два года. Поэт обещал. Однако «Кинжал» был написан в июне 1821 года. Пушкин, вероятно, не считал, что он нарушил слово, данное Карамзину, потому что в пьесе прославляется кинжал, карающий не только коронованных тиранов, но и деятелей якобинского террора. «Кинжал» не против правительства писан», – оправдывался Пушкин в письме Жуковскому из Михайловского в 1825 году. Едва ли, впрочем, это утешило Николая Михайловича Карамзина.

Правительство решило покарать Пушкина очень мягко и снисходительно. Его высылка из Петербурга была устроена под предлогом «перевода по службе». Его назначили в распоряжение генерал-лейтенанта Инзова⁴¹⁹, попечителя колонистов Южного края России. Начальник Пушкина, граф И. А. Каподистрия⁴²⁰, написал генералу Инзову письмо, в коем объяснял довольно запутанно и неясно, что Пушкин политически неблагонадежен, но что его надо беречь и что правительство рассчитывает на такт генерала Инзова. «Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек, как нет и того совершенства, кото-

⁴¹⁵ Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) – российский генерал от инфантерии, участник Отечественной войны. С 1818 г. военный губернатор Петербурга. Смертельно ранен П. Г. Каховским во время восстания декабристов.

⁴¹⁶ Каховский Петр Григорьевич (1797–1826) – декабрист, поручик в отставке, член Северного общества.

⁴¹⁷ Глинка Федор Николаевич (1786–1880) – поэт (стих. «Тройка» и «Узник» стали народными песнями), участник Отечественной войны 1812 г., один из руководителей Союза спасения. Пушкин посвятил ему стихотворение «Ф. Н. Глинке» (1822).

⁴¹⁸ Аристид (ок. 540 – ок. 467 до н. э.) – государственный деятель Древней Греции, прославившийся своей справедливостью и честностью, полководец.

⁴¹⁹ Инзов Иван Никитич (1786–1845) – генерал-лейтенант, масон. Исполнял обязанности наместника Бессарабии (1820–1823). Пушкин с чувством благодарности и «нежного участия» вспоминал о нем всю свою жизнь.

⁴²⁰ Каподистрия Иоаннис (Иван Антонович) (1776–1831) – граф, статс-секретарь, на русской службе с 1809 г. В 1816–1822 гг. – управляющий делами Бессарабской области.

рого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований...» Письмо было одобрено царем и подписано министром иностранных дел графом К. В. Нессельроде⁴²¹.

Хлопоты Чаадаева, Карамзина, Жуковского, А. И. Тургенева увенчались успехом. В Соловецкий монастырь поэт не попал. 6 мая 1820 года Пушкин выехал в Екатеринослав.

⁴²¹ Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – граф, канцлер, член Государственного совета.

Глава пятая. Южный берег

I

Когда милый Дельвиг и забавник Яковлев, провожавшие Пушкина до Царского Села, простились с ним и поэт остался один, он почувствовал, что началась новая жизнь.

В сущности, эта «ссылка» не так уж страшна. Жизнь в Петербурге, в нескладной и неудобной квартире на Фонтанке у Калинкина моста, ежедневные встречи с подозрительными и беспокойными глазами папаши Сергея Львовича, сомнительное веселье собутыльников «Зеленой лампы», снисходительное внимание светских красавиц и уклончивая дружба тех немногих, которых Пушкин считал деятелями тайного общества, куда его не принимали, — все это покинуть не так уж мучительно. Ну а театральные кулисы и «крестницы Киприды» слишком утомительны, и — поживи он так еще год-другой — от этих «приапических затей»⁴²² у него, пожалуй, не останется вовсе ни физических, ни душевных сил, чтобы создать что-нибудь важное. А Чаадаев уверяет, что Россия ждет от него, Пушкина, какого-то произведения позначительнее «Руслана и Людмилы». Для этого надо «в просвещении стать с веком наравне»⁴²³, а главное, дать себе отчет в смысле совершающихся событий и в своей нравственной ответственности за них. Может быть, Чаадаев в самом деле прав. К тому же подлые сплетни, сочиненные на «чердаке» князя Шаховского, ставили Пушкина в смешное положение мальчишки, с которым правительство не желает серьезно считаться. Но теперь обстоятельства изменились. Пушкин доказал, что он не боится ни коварных и тупых ханжей, толпившихся вокруг трона, ни дерзких бретёров и насмешников, распустивших про него клевету.

Было бы скверно, конечно, если бы его отправили в Соловецкий монастырь или в Сибирь, но получить командировку на Юг не так уж плохо. Его начальник, граф Каподистрия, кажется, сообразил, что Пушкин не совсем обыкновенный чиновник. И, конечно, через год или два поэта вернут в столицу. Он привезет с собою, быть может, поэму или трагедию, и Чаадаев, пожалуй, не станет упрекать его в том, что он расточил напрасно свой талант.

В самом деле, «легкокрылая любовь и легкокрылое похмелье»⁴²⁴ не исчерпывают жизни. Царское Село давно уже позади, быстро мелькают верстовые столбы, ехать до Екатеринослава надо примерно дней десять — двенадцать. Пушкин еще не думает о том, как у него сложится жизнь там, на Юге. Он еще связан петербургскими впечатлениями. «Руслан и Людмила» печатается. Друзья будут наблюдать за этим делом. Можно издать еще сборник стихов. Пушкин приготовил его к печати, но рукопись у Никиты Всеволожского. Поэт проиграл в карты амфитриону «Зеленой лампы» что-то около пятисот рублей. Рукопись он оценил в тысячу рублей и, получив под нее часть денег, едет сейчас на Юг не очень уверенный, что меценат позаботится об издании сборника.

По мере того как тройка уносила Пушкина все дальше и дальше от Северной столицы, у него возникали мысли и планы о новой жизни. Милый Николай Раевский с отцом и сестрами едет на юг. Есть какая-то надежда, что они встретятся. Пушкин дорожит этой дружбой.

И вот наконец Екатеринослав. Пушкин поселился недалеко от Днепра на Мандрыковке в небольшой корчме. Он явился к генералу Инзову с письмом Каподистрии, подписанным

⁴²² «Приапические затеи» — по имени Приапа — греческого бога плодородия, полей и стад, садоводства и виноделия, покровителя чувственных наслаждений и мужской силы.

⁴²³ ...«в просвещении стать с веком наравне»... — из стих. «Чаадаеву» (1821).

⁴²⁴ ...«легкокрылая любовь...» — из стих. «Стансы Толстому» (1819).

министром. Старик Инзов понравился поэту. Этот добродушный генерал, по-видимому, не будет обременять поэта служебными делами. Пушкин заглянул раза два в канцелярию и, убедившись, что ему там делать нечего, вооружился толстою палкою и гулял по окрестностям. На нем красная русская рубашка и поярковая шляпа⁴²⁵. Он чувствует себя романтическим героем. Берег Днепра очень живописен. Вековые деревья шумят глухо. Совсем близко от хаты Пушкина тюрьма. Как раз в эти дни случилось удивительное происшествие. Два разбойника бежали из этого узилища, переплыв Днепр в кандалах. Пушкин очень запомнил рассказ об этих смельчаках. Это была тема для поэмы «Братья разбойники»⁴²⁶.

Однако в Екатеринославе было скучновато. После шумной петербургской жизни как-то странно это безлюдье. Однажды к Пушкину явились два обывателя. Они церемонно объяснили ему, что пришли с целью «посмотреть на знаменитого стихотворца». Их физиономии почему-то не понравились поэту. Он сидел в это время в своей хате и ел икру, запивая ее красным вином. «Ну, видели? – сказал он. – Теперь до свидания...»

Он чувствовал себя плохо. По-видимому, возобновилась лихорадка, которая мучила его в Петербурге. Вероятно, он сам был в этом виноват, потому что выкупался в Днепре. Вода была еще холодная. Небритый, бледный и худой, в жару, валялся он на жестком деревянном диване в душной хате. Таким его нашли здесь Раевские, отец и сын. Они заехали в Екатеринослав из Киева. Николай Николаевич Раевский, знаменитый своими подвигами 1812 года, ставший при жизни легендарным героем, оказался человеком прямым, добрым и равнодушным к своей бранной славе. Николай Раевский-младший рассказал отцу, что Пушкин его друг, что этот Саша Пушкин поэт и подает немалые надежды, что пожалуй, у него сейчас, после смерти Державина, нет соперников и что, главное, у него благородное сердце, но правительство недовольно им за эпиграммы на высокопоставленных лиц. Негодует на него и государь. Он не может простить поэту страшных стихов в его оде «Вольность». Пушкин дерзнул напомнить об этой ужасной ночи, когда караул семеновцев пропустил убийц в спальню к императору. За семеновцев отвечал он, наследник.

Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...

Но Пушкин дал теперь слово Карамзину не писать против правительства два года. Главное – он гениальный поэт, и он так нужен России...

Старик Раевский сам пришел на Мандрыковку в грязную корчму, где лежал Пушкин. За больным ухаживал его Никита⁴²⁷. Он, конечно, верный ему человек, но все-таки нельзя же оставить поэта здесь, в Екатеринославе, без друзей и близких. Решено было взять Пушкина с собою на Юг. Генерал Раевский ехал в трех экипажах с дочерью Марией⁴²⁸ и маленькою Софи⁴²⁹. Их сопровождали доктор, компаньонка, гувернантка и слуги.

Пушкину казалось, что его все покинули, и когда он увидел Раевских, он был троган. Нет, у него есть друг. Это – Николай Раевский. Он и в Петербурге доказал уже Пушкину свою дружбу. А его отец – прекраснейший человек. Доктор говорит, что, если принимать какие-то порошки, лихорадка перестанет его мучить. Раевский переговорил с

⁴²⁵ ...поярковая шляпа. – Сделанная из шерсти первой стрижки от ягненка.

⁴²⁶ «Братья разбойники» – поэма, над которой работал Пушкин в 1821–1822 гг.

⁴²⁷ За больным ухаживал его Никита. – Никита Андреевич Козлов – слуга и камердинер Пушкина.

⁴²⁸ Раевская Мария Николаевна (1805 или 1807–1863) – жена декабриста С. Г. Волконского, осужденного на 20 лет каторги, поехавшая за ним в Благодатный рудник.

⁴²⁹ Софи – Софья Николаевна Раевская (1806–1881) – младшая дочь Н. Н. Раевского.

генералом Инзовым, и новый начальник Пушкина без всяких колебаний отпустил вверенного ему молодого человека на Юг. Он может отдыхать месяца два.

Участие Раевского и докторские порошки помогли Пушкину. Он скоро поправился. Путешественники ехали по Мариупольской дороге. Они переправились через Днепр ниже порогов. Перед ними открылась степь, «чистого серебра волнующееся море», как писал с дороги старик Раевский своей старшей дочери. Вскоре они увидели и настоящее море.

Пушкин, не выдавший ничего, кроме псковской деревни и в детстве подмосковного Захарова, кажется, был рад новым впечатлениям. Но не только степь и море его интересовали. Черноглазая, смуглая, похожая на цыганенка Мари Раевская пленила Пушкина. Спустя много лет в своих воспоминаниях Мария Николаевна Раевская-Волконская откровенно рассказала об этом. Несмотря на то что ей тогда шел всего лишь пятнадцатый год, она уже почувствовала, что поэт равнодушен к ней. «Мне вспоминается, – писала она, – как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картина была очень грациозна, и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи...»

Какие же это стихи? Мария Николаевна думает, что XXXIII строфа первой песни «Евгения Онегина» посвящена ей:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!..

Мария Волконская уверена также, что некоторые стихи «Бахчисарайского фонтана» относятся к ней же. Она, правда, перепутала теперь, когда она пишет свои мемуары, эти строки, ей посвященные, но легко догадаться по ее неточной цитате, о чем она говорит. Это портрет Заремы:

Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи...

Почему Мария Николаевна Раевская-Волконская решила, что Пушкин, воспевая Зарему, думал о ней, о черноглазом подростке? Ошибалась она или нет – не важно. Важно только одно: Пушкин был в нее влюблен. В этом она не сомневалась нисколько. Но любопытно, что эта женщина, «самая замечательная из всех, каких я знал», как сказал про нее ее отец, когда она уже была в Сибири, угадала в Пушкине не только его увлечение, но и тайну его любви вообще: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел...» Да и начинает она свои воспоминания о Пушкине замечанием проницательным: «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался...» Это замечание, пожалуй, ближе к истине, чем все бесплодные гадания о «северной любви» Пушкина или о «любви южной»... Пушкин

«любил любовь», но, кажется, таинственная NN его «донжуанского списка» не разгадана не только нами, но и самим поэтом. Мария Николаевна права. Он сам в своей записной книжке 1820–1822 годов признался однажды: «Я влюблялся более или менее во всех хорошеньких женщин, которых я встречал в своей жизни...»

В самом деле, голова может закружиться от одного списка этих возлюбленных поэта. И в этой удивительной хронологической таблице, понятной только неистовому донжуану, решительно нет места для какой-то одной прочной и верной привязанности. Пушкина легко себе представить, когда он под палящим южным солнцем шагает без шляпы по голой степи, забыв все, изнемогая от ревности и страсти, но в его биографии решительно нет места для какой-то одной «утаенной» любви. Нет, он каждый раз с полной искренностью верил, что та прекрасная дама, ножки которой его пленили, и есть как раз предназначенная ему судьбою единственная и несравненная. Пушкин был по природе своей донжуаном. Он влюблялся в гордых красавиц, в диких цыганок, в увядающих немолодых кокеток, в невинных двенадцатилетних девочек, в бесстыдных блудниц, в целомудренных матрон, в страстных жриц Терпсихоры⁴³⁰, в женщин, похожих на кукол, ко всему равнодушных.

В каждом женском лице он искал и находил какое-то чудесное воспоминание о райской красоте, утраченной, но возможной. Бесплодно и неразумно заниматься изысканиями и гаданиями, имя какой женщины утаил Пушкин. Еще неразумнее непременно, во что бы то ни стало приурочивать то или другое стихотворение к определенному лицу. Даже такие стихи, как «Я помню чудное мгновенье...», посвящены вовсе не одной Анне Петровне Керн, а в той же мере и многим другим. И «гений чистой красоты»⁴³¹ являлся поэту не только в доме гостеприимного Оленина, где Пушкин играл в пти-жэ с Анной Петровной⁴³², но и в иные часы его жизни.

Итак, Пушкин путешествовал в обществе умного ветерана Наполеоновских войн, его девятнадцатилетнего сына, черноглазого пленительного подростка Мари и младшей ее сестры Софьи. Они ехали на Кавказ, где их ждал старший сын Раевского, Александр⁴³³. В начале июня они были уже на Горячих водах, посетили Железноводск, Пятигорск и Кисловодск. Пушкин купался в серных горячих источниках, и ему казалось, что они в самом деле целебны. Ванны находились в лачужках, наскоро построенных. «Источники, большею частию в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красные следы». Путешественники черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Поэт видел великолепную цепь ледяных вершин, которые издали на ясной заре кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными. Он поднимался на Бешту⁴³⁴, Машук, Железную гору, Каменную и Змеиную. Знойная граница Азии была ему любопытна. Но не только природа интересовала Пушкина. Он был неравнодушен к русской военной и колониальной политике на Кавказе. Он не сомневается в необходимости его завоевания. Имя генерала Ермолова⁴³⁵ кажется ему славным. Он гордится его «благотворным гением». Все эти его сочувствия русскому империализму отразились в эпилоге к «Кавказскому пленнику»⁴³⁶. Позднее он писал брату⁴³⁷:

⁴³⁰ Терпсихора – муза танца.

⁴³¹ ...«гений чистой красоты»... – из стих. «К***» (1825).

⁴³² ...Пушкин играл в пти-жэ с Анной Петровной... – пти-жэ (прав. пети-же от *фр.* *petit jeu*) – салонная игра, фанты.

⁴³³ Раевский Александр Николаевич (1795–1868) – старший сын генерала Н. Н. Раевского, с 1817 г. полковник.

⁴³⁴ Бешту – прав. Бештау, пятиглавая гора-лаколлит близ Пятигорска.

⁴³⁵ Ермолов Алексей Петрович (1772–1861) – генерал, отличившийся в Отечественной войне 1812 г. Придерживался оппозиционных настроений по отношению к Александру I.

⁴³⁶ Эпилог к «Кавказскому пленнику» – воспевают победу русского оружия на Кавказе.

⁴³⁷ Позднее он писал брату – Льву Сергеевичу Пушкину.

«Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои – излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии...»

Нет ничего удивительного в этих откровенных притязаниях Пушкина на развитие колониальной политики России: многие декабристы усматривали в завоевании Кавказа не только историческую необходимость, но и видели в русской политике цивилизаторскую миссию, не расходясь в этом отношении с империалистическими планами царского правительства.

Пушкин любовался казаками, проезжая по сторожевым станицам на берегах Кубани. Ему нравилось, что казаки «вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности». Раевского и его спутников сопровождал военный отряд. За путешественниками тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем. С полуострова Тамани, древнего Тмутараканского княжества, открылись берега Крыма. Дальше до Керчи путешественники ехали на корабле.

Керчь основана на развалинах Пантикапеи, греческой колонии, существовавшей с V века до нашей эры. Позднее Митридат⁴³⁸, царь понтийский и босфорский, неудачно сражавшийся с римлянами, покончил с собою на горе, которая сохранила название Митридатовой гробницы. Там, среди груды камней, поэт сорвал цветок для памяти и на другой день потерял его без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на его воображение. Из Керчи путешественники ехали в каретах до Кефы, то есть до Феодосии, а от Феодосии до Юрзуфа⁴³⁹ морем. Они выехали на военном бриге, вероятно, вечером 18 августа.

Всю ночь Пушкин не спал. Луны не было. Блестали звезды. В тумане тянулись полуденные горы. В эту ночь в душе Пушкина сложилась элегия, которую он в издании 1826 года назвал «Подражанием Байрону»⁴⁴⁰. Элегия в самом деле напоминает некоторые строфы «Чайльд Гарольда»⁴⁴¹. Но ее смысл – в лирических признаниях самого Пушкина.

Поэт мечтает о новой жизни. Ему кажется, что он добровольно покинул Север. Он проклиная свою недавнюю жизнь.

Я вас бежал, отчески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые...

Только под утро Пушкин заснул. Между тем корабль остановился в виду Гурзуфа. Проснувшись, поэт увидел «и блеск, и воздух полуденный». Сияли горы. Татарские хижины издали казались ульями, прилепленными к прибрежным скалам.

⁴³⁸ Митридат VI Евпатор (132—63 до н. э.) – царь Понта. Вел борьбу со скифами. Подчинил все побережье Черного моря. В войнах с Римом был побежден и покончил с собой.

⁴³⁹ Юрзуф – Гурзуф – татарская деревня и курорт в Крыму.

⁴⁴⁰ «Подражание Байрону» – позднее название элегии «Погасло дневное светило» (1820).

⁴⁴¹ «Чайльд Гарольд» – поэма Д. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» (1812–1818).

В Гурзуфе Пушкин прожил три недели. Здесь ожидали путешественников: жена генерала Раевского и две старшие дочери – Екатерина⁴⁴² и Елена⁴⁴³.

24 сентября 1820 года Пушкин, уже из Кишинева, писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасной душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник двенадцатого года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели извещен. Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался...»

Последнее признание чрезвычайно значительно. Как! Этот беспокойный гуляка, этот бретёр, этот буйный вольнодумец и насмешливый безбожник, этот, наконец, слишком ревностный почитатель «общедоступной Афродиты» признается вдруг в том, что он ценит и любит тихую жизнь в кругу милого семейства, где нет ни жаркого хмеля, ни буйных страстей! Возможно ли предположить неискренность в этом признании? Едва ли. Он пишет к брату Левушке, и ему нет никакой необходимости кривить душою. А что, если все эти беспокойные увлечения «минутной младости» вовсе не отвечают сокровенным душевным силам поэта? Письмо дополняет как будто мотивы ночной элегии «Погасло дневное светило...». Пушкин знает, оказывается, что горько жертвовать собою без любви «наперсникам порочных заблуждений». Да, он презирает теперь «питомцев наслаждений». Пушкин мечтает о тишине и благообразии. Эту безмятежную и тихую жизнь он нашел в семье Раевских, жизнь, «которой он никогда не наслаждался». Это прямой и откровенный укор его собственной семье, укор суетливому, нескладному, крикливому дому господ Пушкиных.

Но вот что любопытно: дом Раевских, который казался Пушкину осенью 1820 года таким благообразным, тихим, счастливым и мирным, на самом деле уже таил в себе злую беду. Дом этот построен был на песке. И социальной буре ничего не стоило опрокинуть его и обратить в жалкие развалины. Пушкин не знал тогда, что через пять-шесть лет любимая дочь Раевского поедет в Сибирь за своим закованным в кандалы мужем, что друзья дома будут арестованы, что не причастные к заговору и оправданные сыновья Раевского в конце концов все-таки попадут в опалу, что дочь Елена будет чахнуть в болезни, что сын Александр станет жертвою своей сумасшедшей страсти, что даже материальное благополучие семьи пошатнется...

Но Пушкин этого не предугадывал. Всю жизнь он с совершенной искренностью верил в возможность какого-то благополучного устройства и душевной жизни, и внешнего быта – и никогда этого счастья не находил.

II

Во время совместной жизни с Раевскими Пушкин учился английскому языку и читал в оригинале Байрона, с которым он был уже знаком по французским переводам. Это чтение положило начало освобождению поэта от влияния французской литературы. Так называемый здравый смысл, легкое отношение к жизни, поверхностная эротика, скептическая

⁴⁴² Раевская Екатерина Николаевна (1797–1885) – старшая дочь генерала Н. Н. Раевского. О ней Пушкин отзывался как о «женщине необыкновенной».

⁴⁴³ Раевская Елена Николаевна (1804–1852) – вторая дочь генерала Н. Н. Раевского. Ее болезненность послужила Пушкину источником элегии «Увы! Зачем она блистает» (1820).

оценка истории и веселая ирония, позволяющая самые важные вопросы решать, не задумываясь над их глубиной, – все это в конце концов утомило ум и сердце поэта. Здесь, в Гурзуфе, Пушкин нашел в библиотеке Ришелье⁴⁴⁴ сочинения Вольтера и перечитывал их. «Изнуряющий смех» этого недавнего властителя дум казался теперь чем-то недостойным. Правда, Пушкин до конца дней своих признавал Вольтера несравненным остроумцем и удивительным стилистом, но идейным и моральным авторитетом он для него уже перестал быть. Явилась потребность взглянуть на мир не такими холодными и лукавыми глазами, какими смотрели на него дворяне-вольтерианцы конца XVIII века.

Поэзия Байрона хотя и не заключала в себе никакого положительного решения вопроса о смысле бытия, однако по крайней мере ставила этот вопрос без того циничного легкомыслия, каким щеголяли Вольтер и его менее даровитые подражатели. Афоризм Вольтера по адресу католической церкви: «Уничтожьте негодницу!» – имел свой определенный политический смысл и отвечал интересам тех социальных групп, которые возникли в Европе на развалинах феодализма, но этот лозунг в глазах Пушкина в те дни утратил свою остроту. Байрон так же, как и Вольтер, был непримиримым врагом средневекового мировоззрения, но он уже понимал, что дело не в том, что жирные монахи развратничают, а римская курия⁴⁴⁵ интригует, а в том, что новый человек не хочет мириться даже с «истиной», если она не принимается свободно, а навязывается ему авторитетом. Но и политическая деятельность Вольтера, всегда двусмысленная, его вольнодумство, соединенное с бесстыдной лестью монархам, должна была вызвать в душе страстного поэта прямое негодование. Иное дело – Байрон. Его независимость была пленительна. Кроме того, Пушкин чувствовал в его личности какое-то сходство с ним, с Пушкиным. Оба поэта претендовали на знатность своего рода, и оба находились в конфликте с теми социальными условиями, в каких пришлось им совершить свой жизненный путь. Оба противопоставляли идею свободы государственной тирании, однако оба не могли и не хотели порвать связи с национальными и классовыми пристрастиями. Увлечение Байрона карбонариями⁴⁴⁶ было не более глубоким, чем увлечение Пушкина будущими декабристами, в коих тогда, в 1820 году, поэт мог только угадывать политических заговорщиков. Наконец, самое вольнодумство поэтов определялось прежде всего крайним индивидуализмом, гордостью независимой личности. И самые противоречия, от которых никогда Байрон не освобождался, были свойственны и Пушкину. И в силе, и в слабости эти поэты похожи были друг на друга. В годы создания «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и «Братьев разбойников» Пушкин был на тех же путях, на каких блуждал и великий английский поэт.

В это время судьба сблизила Пушкина с одним человеком, который хотя и не думал подражать Байрону, однако по своему культурно-психологическому типу весьма походил на разочарованных байроновских героев. Это был Александр Николаевич Раевский. Пушкин встретил его на Кавказе, на минеральных водах, где он лечился. Они сблизились. Спустя девять лет, попав на Кавказ, Пушкин вспоминал о нем: «Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною Александр Раевский, прислушиваясь к мелодии вод...» Поэт, кажется, создал в своем воображении байронического героя и отождествил его с личностью этого отставного полковника. Александр Раевский, однако, не так был значителен, как представлял его себе поэт. Характеристика, которую дал этому «загадочному» человеку его отец, едва ли не ближе к истине. Н. Н. Раевский в письме к дочери Екатерине жалуется: «У него ум наизнанку; он философствует о вещах, которых не понимает, и так мудрит, что всякий

⁴⁴⁴ Ришелье Эммануил Осипович (1766–1822) – губернатор Одессы и Новороссийского края.

⁴⁴⁵ ...римская курия... – совокупность центральных учреждений папской власти.

⁴⁴⁶ Увлечение Байрона карбонариями... – членами тайной революционной организации, существовавшей в начале XIX в. в Италии.

смысл испаряется...»; «Он не верит в любовь, так как сам ее не испытывает и не старается ее внушить».

Итак, в семействе Раевских не все было ладно, и Пушкин, быть может, напрасно завидовал сомнительному благополучию этого дома. Александр Раевский был «демоном» семьи. Когда спустя три года Пушкин написал свое обратившее на себя внимание стихотворение «Демон»⁴⁴⁷, все знавшие Александра Раевского решили в один голос, что поэт дал именно его характеристику в этой своей примечательной пьесе. Но Пушкин отрицал это, справедливо полагая, что его демон значительнее и умнее, чем этот самолюбивый молодой полковник. Существует портрет Александра Раевского. Художник сделал его красивым, но современники уверяют, что он был худой, костлявый, с небольшой головой, с лицом темно-желтого цвета, со множеством морщин и складок. У него на губах была постоянно саркастическая улыбка. Маленькие изжелта-карие глаза его были насмешливы. Он носил очки. Несмотря на некрасивую внешность, ему удавалось покорять женские сердца. При этом, кажется, он не брезговал никакими средствами для достижения своей цели. В этом пришлось убедиться Пушкину позднее, когда они жили в Одессе.

Когда Раевские и Пушкин покинули Кавказ, Александр Раевский остался там, продолжая курс лечения.

В Гурзуфе Пушкин наслаждался южной природой «со всем равнодушием и беспечно-стью неаполитанского лаццарони»⁴⁴⁸. Он любил, проснувшись ночью, слушать шум моря. Он заслушивался им целыми часами. В двух шагах от дома рос молодой кипарис. Каждое утро он навещал его и «к нему привязался чувством, похожим на дружество».

Так в семье Раевских Пушкин прожил три недели, «счастливейшие в его жизни». В первых числах сентября Пушкин со стариком Раевским покинули Гурзуф. Они ехали верхом по западной части берега, а потом горными тропинками. Иногда им приходилось карабкаться по скалам, держа за хвост татарских лошадей. Это забавляло Пушкина и «казалось каким-то таинственным восточным обрядом». Они посетили Георгиевский монастырь⁴⁴⁹. Пушкин видел баснословные развалины храма Артемиды⁴⁵⁰. Поэт вспомнил предание об Ифигении⁴⁵¹, которая спасла своего брата Ореста⁴⁵² и его самоотверженного друга Пилада, обреченных на казнь за попытку похитить статую богини. «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических, – признавался Пушкин спустя четыре года, – по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами». Однако некоторые сомневаются, что послание к Чаадаеву («К чему холодные сомненья...») написано в самом деле в 1820 году, как утверждал сам поэт. Едва ли эти сомнения основательны. Содержание пьесы соответствует тому душевному строю, о котором Пушкин свидетельствовал несколько раз, вспоминая о тишине и «умилении», усыпивших его сердце на Южном берегу. Мы теперь знаем, как непрочно было это сердечное «умиление» и какие страстные бури увлекли его снова на опасный путь. Но тогда он верил, что «вражда свирепой Эвмениды»⁴⁵³ побеждена «святым торжеством» любви и дружбы. Два года до того он предлагал Чаадаеву написать

⁴⁴⁷ «Демон» – стих. написано в 1823 г.

⁴⁴⁸ «...неаполитанского лаццарони». – Название бедняков и бродяг в Неаполе.

⁴⁴⁹ Георгиевский монастырь – древнейший монастырь в Крыму, на берегу Черного моря.

⁴⁵⁰ ...развалины храма Артемиды. – Находится в 5 км от Георгиевского монастыря на мысе Фиолент.

⁴⁵¹ ...предание об Ифигении – дочери Агамемнона и Клитемнестры. Ее спасла Артемиды и, унеся в Тавриду, сделала своей жрицей.

⁴⁵² Орест – брат Ифигении, которого она спасла вместе с его верным другом Пиладом.

⁴⁵³ Эвменида – одна из трех девственных древнегреческих богинь, мстительница за всех оскорбленных и обиженных. У римлян им соответствовали Фурии. Строку – «вражда свирепой Эвмениды» – следует понимать так: в Крыму успокоился гнев Артемиды на Агамемнона, который для того, чтобы умиловить богиню, должен был принести ей в жертву дочь Ифигению.

их мятежные имена «на обломках самовластья», а теперь он их пишет «на камне, дружбой освященном».

Из Георгиевского монастыря путешественники отправились в Бахчисарай. Туда Пушкин приехал больной. Его мучила лихорадка. Он увидел здесь фонтан Слез⁴⁵⁴ – «странный памятник влюбленного хана».

8 сентября Пушкин был уже в Симферополе. Семья Раевских ехала в экипажах другим путем. 21 сентября Пушкин был уже в Кишиневе, куда перевели попечительный комитет о колонистах и где проживал теперь генерал Инзов, временно исполнявший обязанности начальника Новороссийского края.

⁴⁵⁴ ...Пушкин... увидел фонтан Слез – фонтан Бахчисарайского дворца.

Глава шестая. Кишинев

I

В Кишиневе Пушкин поселился со своим Никитою в небольшом домике в три окошка. Вокруг домика росли акации, под окнами на грядках цветы. «Теперь я один в пустынной для меня Молдавии», – писал он брату 24 сентября 1820 года, значит, на третий день по приезде в Кишинев. В письме, однако, упоминает он о Михаиле Орлове, с которым он познакомился в Петербурге. Поэт знал его как арзамасца, но он не знал, что этот самый М. Ф. Орлов, бывший тогда в Кишиневе командиром 16-й дивизии, – один из вождей Союза благоденствия. Он не знал этого, а это было важно, потому что благодаря знакомству с Орловым у Пушкина завязались отношения и с другими заговорщиками. Так он познакомился и с майором В. Ф. Раевским⁴⁵⁵, «первым декабристом». В эти же дни познакомился он с братом Орлова, Федором Федоровичем⁴⁵⁶, бретёром, кутилой, участником Отечественной войны, потерявшим ногу в одном из сражений. Федор Орлов не был членом Союза благоденствия, и братья смотрели на него как на человека легкомысленного. Впоследствии, замыслив «Русский Пелам»⁴⁵⁷, Пушкин хотел сделать его героем этого приключенческого романа. Здесь, в Кишиневе, вскоре после приезда у Пушкина случилась с этим Федором Орловым трагикомическая история. Дело было в ресторане какого-то Гольды⁴⁵⁸, где Пушкин был в обществе Орлова, полковника А. П. Алексеева⁴⁵⁹ и И. П. Липранди⁴⁶⁰. Орлов с Алексеевым играли на бильярде. Пили сначала портер⁴⁶¹, а потом жженку⁴⁶² все четверо. Охмелевший Пушкин стал мешать игрокам, а когда они обозвали его «школьником», немедленно спутал им шары и вызвал обоих на поединок. В десять часов утра противники должны были встретиться. Но многоопытный Липранди сумел уладить недоразумение, и поединок не состоялся, к общему удовольствию. Это было, кажется, первое из многочисленных кишиневских приключений Пушкина.

В двадцатых годах прошлого века Кишинев не был похож на прочие российские города. Здесь все было неожиданно и своеобразно. По-русски говорили одни только солдаты. Население состояло из румын, греков, евреев, турок, украинцев, болгар, итальянцев... В кофейнях сидели восточные люди в фесках⁴⁶³ и чалмах. По узким и кривым улицам разъезжали боярские рыдваны и крестьянские каруцы⁴⁶⁴, запряженные цугом⁴⁶⁵. Изредка можно

⁴⁵⁵ Раевский Владимир Федосеевич (1795–1872) – поэт, майор 32-го Егерского полка, один из вождей бессарабской ячейки Союза благоденствия.

⁴⁵⁶ Орлов Федор Федорович (1792–1835) – известный игрок и кутила, масон. Отставной полковник лейб-гвардии Уланского полка.

⁴⁵⁷ «Русский Пелам» – условное обозначение первой главы и нескольких планов не озаглавленного самим Пушкиным большого романа, над которым он работал в 1834–1835 гг.

⁴⁵⁸ ...в ресторане какого-то Гольды... – Чулков неточен: Гольда была содержательницей гостиницы и бильярдной в Кишиневе.

⁴⁵⁹ Алексеев Алексей Петрович – областной почтмейстер в Кишиневе, участник Отечественной войны, отставной полковник.

⁴⁶⁰ Липранди Иван Петрович (1790–1880) – участник Отечественной войны, отставной полковник с 1822 г., историк. Оставил воспоминания о Пушкине. Послужил прототипом Сильвио в пушкинском «Выстреле».

⁴⁶¹ Портер – сорт крепкого и горьковатого черного вина.

⁴⁶² Жженка – напиток, приготовляемый из рома или коньяка, пережигаемого с сахаром.

⁴⁶³ Феска – мужская шапочка из красного фетра или шерсти в форме усеченного конуса, обычно с кисточкой (по названию г. Фес).

⁴⁶⁴ Каруцы (прав. каруца) – низкая плетеная тележка, которая обычно запрягалась шестью или восемью лошадьми.

было увидеть венскую коляску, в которой сидел русский генерал. Греко-румынская аристократия, имевшая претензии на европеизм, говорила на дурном французском языке и старалась придерживаться парижских мод, но это не удавалось, и бородатые молдаване по привычке поджимали ноги на своих топчанах, а дамы, надев европейские туалеты, кутались в свои пестрые шали. Стол был восточный. Цыгане-повара приготавливали плацынды⁴⁶⁶ и каймаки⁴⁶⁷. Гостей угощали шербетом.

Пушкин любил «шум и толпу». За отсутствием таких салонов, какие он посещал в Петербурге, пришлось ужинать, играть в карты и танцевать у молдаван. Это было не очень забавно, и Пушкин развлекался легкими романами и сомнительными авантюрами с кишиневскими дамами. Элегическое раскаяние в порочных заблуждениях «минутной младости»⁴⁶⁸, в котором Пушкин признавался самому себе ночью, на палубе брига, подъезжая к Гурзуфу, как будто прошло бесследно. Кишиневская жизнь поэта была полна таких увлечений и приключений, что петербургские его грехи казались теперь детскою шалостью. Тогда Пушкин весело кутил с гусарами, не очень задумываясь; теперь у Пушкина был уже какой-то душевный опыт, который обязывал ко многому: он узнал какое-то «счастье» в целомудренной тишине, и, несмотря на это, он снова предался всем своим страстям, но теперь эти страсти не были такими ребяческими, как в дни его дружбы с Кавериным. Недаром он зачитывался «Чайльд Гарольдом» Байрона. Пушкин был разочарован. Он был недоволен жизнью, которая сложилась, как ему тогда казалось, нелепо и безобразно. Почему он, поэт, не может располагать своим дарованием, своими силами, своею волею? Почему он должен жить там, где ему предуказано петербургскою властью? Почему он связан каким-то смешным обещанием Карамзину не писать против правительства по крайней мере два года? Не ясно ли, что Пушкину надлежит быть в центре страны, следить за движением политической и литературной жизни, видеть всех примечательных людей, восхищаться прелестными хозяйками столичных салонов и пленять сердца? А ему приходится сидеть в ничтожном Кишиневе, где-то на окраине государства, и даже иногда брать из канцелярии Инзова какие-то старые законодательные акты Бессарабии, написанные по-французски, и переводить их на русский язык. На это, правда, приходится тратить очень мало времени. Добрейший генерал Инзов его не торопит, но и это малое обязательство кажется Пушкину ненужным и смешным. Пушкин, раздраженный своим пленом, вел образ жизни, обращавший на себя внимание кишиневского «общества» и даже многих пугавший. Такова судьба беспокойных и свободолюбивых душ. Кутежи Байрона в Ньюстедском аббатстве⁴⁶⁹, его конфликт с чопорным общественным мнением, его странный брак с мисс Мильбанк⁴⁷⁰, скандальный развод и добровольное бегство из старой Англии – все это привело его в конце концов к свободному скитанию по чудесным странам, где он мог наслаждаться материальной независимостью, искусством, любовью и далее участвовать в политических событиях так и в такой мере, как это отвечало вкусам и пристрастиям его капризного ума. Почему же он, Пушкин, лишен всех этих наслаждений? Почему Байрона обожали такие дамы, как Каролина Лем⁴⁷¹, герцогиня Оксфордская⁴⁷², гра-

⁴⁶⁵ Цуг – запряжка лошадей гуськом.

⁴⁶⁶ Плацында – род пирожков с различным наполнителем.

⁴⁶⁷ Каймак – густые сливки, снятые с топленого молока.

⁴⁶⁸ «Минутная младость» – строка из элегии «Погасло дневное светило» (1820).

⁴⁶⁹ Ньюстедское аббатство – родовый замок Байронов в Шотландии с XVII в.

⁴⁷⁰ Мисс Мильбанк – Мильбэнк Анна-Изабелла (Аннабелла, 1792–1860) – жена Д. Г. Байрона в 1815–1816 гг. В браке родилась дочь Ада.

⁴⁷¹ Лем Каролина (1785–1828) – леди Мельбурн, возлюбленная Байрона. Описала свой роман с ним в произведении «Гленарван», вышедшем анонимно.

⁴⁷² Герцогиня Оксфордская – Скот Джейн Элизабет (графиня) – в ее поместье в местечке Эйвуд Байрон гостил осенью 1812 г.

финя Тереза Гвиччоли⁴⁷³, а ему, Пушкину, приходится пребывать в обществе раскрашенных кишиневских «кукониц»⁴⁷⁴, из коих самая прелестная, Пульхерия Егоровна Варфоломей⁴⁷⁵, была до странности похожа на куклу, ко всему равнодушную, и поддерживала разговор со своими поклонниками только двумя фразами: «Ah, quel vous etes!»⁴⁷⁶ или «Qu'est ce que vous badinez?»⁴⁷⁷.

⁴⁷³ Гвиччоли (прав. Гвиччиоли) Тереза (1800–1873, урожд. графиня Гамба). В 1820 г. разошлась с мужем графом Гвиччоли и связала судьбу с Байроном.

⁴⁷⁴ Куконица – аристократка, боярыня в Бессарабии.

⁴⁷⁵ Варфоломей Пульхерия Егоровна (1802–1868) – дочь Егора Кирилловича Варфоломея (1764–1842) – члена Бессарабского верховного совета, владельца больших имений в Бессарабии.

⁴⁷⁶ Ah, quel vous etes! (*фр.*) – Ах, каким Вы были!

⁴⁷⁷ Qu'est ce que vous badinez? (*фр.*) – А если Вы шутите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.